

#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

КОРОНА МЕЧЕЙ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

— Книга 7 —

Колесо Времени

Роберт Джордан

Корона мечей

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Корона мечей / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,
1996 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-20635-9

Элайда, сделавшись единоличной правительницей Белой Башни, все силы кладет на то, чтобы расправиться с Рандом ал'Тором, объявленным Лжедраконом. Ранд, плененный по приказу Элайды, при помощи Айз Седай, не подчинившихся власти Престола Амерлин, обретает свободу. Но государства разобщены, смутой охвачен мир, от засухи и жары, наведенных Темным на континент, страдает сама земля. Непосильная задача встает перед Возрожденным Драконом – любой ценой объединить людей и народы, ибо, только сплотившись, можно одолеть Темного, средоточие мирового зла... В настоящем издании текст романа заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20635-9

© Джордан Р., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Пролог	7
Глава 1	42
Глава 2	53
Глава 3	71
Глава 4	84
Глава 5	94
Глава	104
Глава 7	113
Глава 8	128
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Роберт Джордан

Корона мечей

Харриет, в который раз доказавшей, что заслуживает самой глубокой благодарности

И нет здравия в нас, и не прорастет добрых всходов, ибо земля едина с Драконом Возрожденным, а он – един с землею. Душа из огня, сердце из камня, в гордыне покоряет он, принуждая высокомерие уступать. Он горы поставит на колени, и моря расступятся пред ним, и склонятся самые небеса. Молитесь, дабы сердце из камня помнило слезы, а душа из огня не забыла любовь.

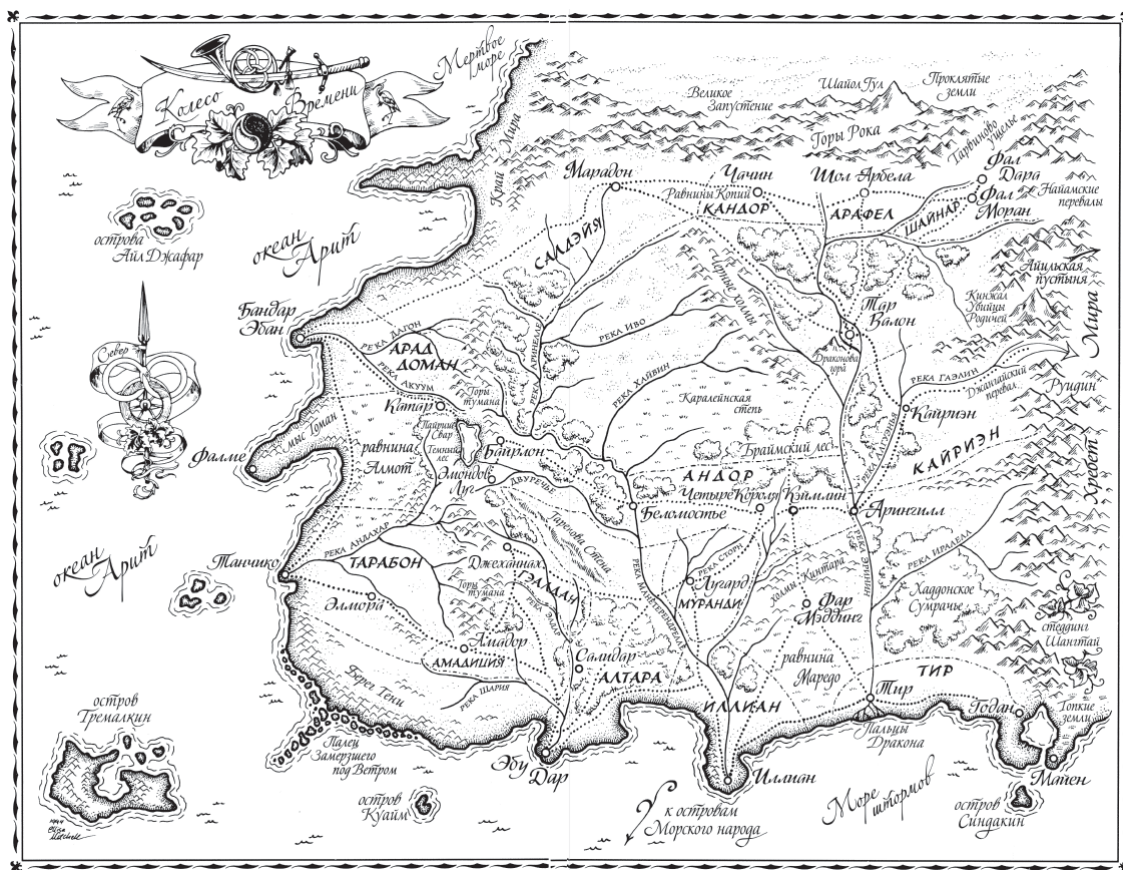
Из спорного перевода «Пророчеств о Драконе», сделанного поэтом Киерой Термендалом из Шиоты; опубликован, как считается, между 700 и 800 Г. С.

Robert Jordan
A CROWN OF SWORDS

Copyright © 1996 by The Bandersnatch Group, Inc.
Maps by Ellisa Mitchell
Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell
All rights reserved

Издательство благодарит за помощь в работе над циклом «Колесо Времени» Бориса Германовича Малагина, Дмитрия Александровича Духина, а также всех участников сетевого содружества «Цитадель Детей Света», способствовавших выходу в свет настоящего издания.

© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 1999
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Пролог Молнии

Элайда стояла у высокого окна с арочным сводом, расположенного на высоте около восьмидесяти спанов над землей, почти у самого верха Белой Башни. Отсюда открывалась вся даль за Тар Валоном – холмистые равнины и леса на берегу бегущей с северо-запада реки Эринин, с обеих сторон обтекающей остров и великий город на нем, обнесенный белыми стенами. Город уже наверняка испещрили длинные утренние тени, но с этой высоты все казалось ясным и светлым. Поистине, даже легендарные «поднебесные башни» Кайриэна не могли соперничать с Белой Башней. Конечно, башни Тар Валона ниже, и все же повсюду шла молва о них и вознесенных в небо подвесных мостах, что соединяли их между собой.

На этой высоте легкий ветерок дул почти постоянно, ослабляя неестественную жару, овладевшую миром. Праздник Света миновал, снег давно должен был надежно укрыть землю, а между тем погода больше напоминала середину лета. Еще один – если мало было других – признак того, что Последняя битва приближается и Темный прикоснулся к миру. Разумеется, Элайда, даже спускаясь вниз, не позволяла себе замечать жару. И уж конечно, не прохлада, приносимая ветром, была причиной того, что теперь Амерлин занимала эти покои, так незатейливо убранные и расположенные столь высоко, что, взбираясь сюда, ей приходилось преодолевать бесчисленное количество ступеней.

Простые красно-коричневые плитки пола и белые мраморные стены, украшенные немногими гобеленами, не шли ни в какое сравнение с великолепием рабочего кабинета Амерлин и комнат при нем. Время от времени Элайда еще использовала эти помещения – ничего не поделаешь, в сознании некоторых людей они слишком прочно увязаны с властью Престола Амерлин, – но жила она здесь и чаще всего именно здесь и работала. Исключительно ради того, что можно было увидеть только с этой высоты. Однако не город, не река и не леса были предметом ее неослабевающего интереса, а нечто, начинающее возникать близ Башни.

Во дворе, где обычно проводили свои тренировки Стражи, развернулось гигантское строительство – там и сям виднелись высокие деревянные грузоподъемные краны и груды нарезанного мрамора и гранита. Трудясь, точно муравьи, сустились каменотесы и другие рабочие, и бесконечный поток повозок вливался через ворота, ведущие на территорию Башни, подвозя все новые и новые камни. В одном конце двора стояла деревянная «рабочая модель», как ее называли каменотесы. Достаточно большая, чтобы человек мог залезть внутрь и, сидя на корточках, рассмотреть каждую деталь, каждый уголок, куда следовало поместить тот или иной

камень. Большинство рабочих читать не умели и не разбирались в начерченных мастерами планах.

Любой король или королева имеют дворец. С какой стати в таком случае Престолу Амерлин ютиться в апартаментах, уступающих по размерам и убранству даже тем, которые имели в своем распоряжении многие самые обычные сестры? Ее дворец должен быть под стать Белой Башне великолепием и пышностью, а его шпиль – на десять спанов выше самой Башни. Когда мастер Лерман, который руководил каменотесами, услышал об этом, он побелел как полотно. Башню строили огиры, и им помогали сестры, используя Силу. Один-единственный взгляд на лицо Элайды, однако, заставил Лермана поклониться и, запинаясь, заверить ее, что, разумеется, все будет сделано в точности так, как она желает. Как будто могло быть по-другому.

Она недовольно поджала губы. Ей, конечно, хотелось, чтобы и ее дворец строили огиры, но неизвестно почему они теперь вообще не покидали своих *стеддингов*. Она обратилась в ближайший стеддинг Джентойн, что в Черных холмах, и получила отказ. Вежливый, но все же отказ, без каких бы то ни было объяснений. Подумать только, они отказали самой Амерлин! В лучшем случае дело было в том, что с годами огиры все больше тяготели к уединенному образу жизни. А может быть, в желании держаться подальше от людей, оставаться в стороне от их бесконечных раздоров и вражды.

Элайда решительно выбросила из головы неприятные мысли об огирах. Она гордилась своим умением гасить бесполезные переживания по поводу того, чего не могла изменить. Огиры – это мелочь. Их участие в делах мира сводилось к строительству городов, но и этим они не занимались уже давным-давно, а сейчас вообще крайне редко появлялись среди людей, разве что для ремонта построенных ими самими зданий.

Вид людей, ползающих внизу, точно жуки, заставил ее слегка нахмуриться. Строительство продвигалось вперед черепашим шагом. Огиры оказались для нее недоступны, но что мешало снова использовать Единую Силу? Конечно, не так уж много сестер практически владели Землей, но, для того чтобы установить камень и скрепить его с другими, не требовалось никакого особого умения. Да. Перед внутренним взором Элайды возник законченный дворец, с мостками, колоннадами, огромными, сияющими позолотой куполами и уходящим ввысь шпилем... Она подняла глаза к безоблачному небу, туда, где будет этот шпиль, и испустила долгий вздох. Да. Сегодня же следует отдать соответствующие распоряжения.

Напольные часы в высоком корпусе в комнате у нее за спиной пробили третий утренний час, и вслед за ними звоном возвестили время городские гонги и колокола. Здесь, на этой высоте, их звуки были едва слышны. Элайда с улыбкой отошла от окна, поправляя платье из кремового шелка с красными вставками и широкую полосатую накидку Престола Амерлин на плечах.

На вычурных позолоченных часах при каждом ударе перемещались маленькие золотые и серебряные, раскрашенные эмалью фигурки. На одном уровне они изображали рогатых троллоков со свирепыми мордами, убегających от Айз Седай в развевающемся плаще. На другом Лжедракон пытался спастись от сверкающих серебряных молний, которые на него обрушивала другая сестра. Над циферблатом, на самом верху, увенчанные коронами король и королева стояли на коленях перед Амерлин в эмалевом палантине, а над головой у той сияла золотая дуга и Пламя Тар Валона, вырезанное из большого лунного камня.

Она не так уж часто смеялась, но при виде часов, как обычно, не смогла удержаться от легкого довольного смеха. Семейле Сорентайн, одна из прежних Амерлин, вышедшая из Серой Айя, заказала эти часы, пытаясь хотя бы таким образом воплотить свою мечту о возврате к дням перед Троллоковыми войнами, когда ни один правитель не мог надеяться удержать трон без одобрения Башни. Однако грандиозные планы Семейле так и остались мечтами, канув в забвение, как и сама Семейле, и в течение трех столетий часы проваливались на пыльном складе, среди множества других давно позабытых вещей – ни одна Амерлин не осмеливалась

выставлять их напоказ. Кроме Элайды. Колесо Времени не стояло на месте – оно поворачивалось, не останавливаясь ни на мгновение. То, что было когда-то, могло произойти снова. *Должно* произойти снова.

Часы очень гармонично вписывались в интерьер гостиной, дверь из которой вела в спальню и туалетную комнату. Прекрасные гобелены, красочная работа мастеров Тира, Кандора и Арад Домана, затканые серебряными, золотыми и разноцветными нитями, висели точно напротив друг друга. Элайда всегда любила порядок. Ковер из Тарабона, почти полностью закрывающий выложенный плитками пол, был выдержан в красных, зеленых и золотых тонах; такие шелковые ковры ценились особенно высоко. На мраморных стенах были вырезаны неприяательные узоры, вертикальными полосами уходящие вверх, и в каждом углу стояли на постаментах белые вазы из хрупкого фарфора Морского народа, с двумя дюжинами тщательно подобранных алых роз в каждой. Заставить розы цвести сейчас можно было только с помощью Единой Силы, особенно учитывая противоестественную засуху и жару; что ж, ради этого стоило обратиться к Истинному Источнику – так она считала. Позолоченная резьба в строго выдержанном кайриэнском стиле покрывала единственное кресло – теперь *никто* не сидел в ее присутствии – и письменный стол. Действительно, очень скромная комната, с потолком едва ли в два спана высотой, но до тех пор, пока не будет готов ее дворец, она готова с этим мириться. Особенно если учесть, что отсюда все строительство видно как на ладони.

Элайда уселась в кресло с высокой спинкой. Изображение Пламени Тар Валона, искусно выделанное в спинку и выложенное лунными камнями, оказалось прямо над ее темноволосой головой. Полированная поверхность стола была пуста, если не считать стоящих на ней трех лакированных шкатулочек алтарской работы. Открыв одну из них, с изображением позолоченных ястребов, летящих среди белых облаков, Элайда достала оттуда небольшую полоску тонкой бумаги, лежащую поверх пачки докладов и прочих документов.

Наверно, уже в сотый раз перечитала она сообщение, двенадцать дней назад принесенное почтовым голубем из Кайриэна. Не многие в Башне знали о существовании этого послания. Никто, кроме нее, не был знаком с его содержанием; никому даже в голову не приходило, о чем там говорится. Эта мысль едва не заставила ее снова рассмеяться.

«Кольцо вдето в нос буйвола. Надеюсь, поездка на рынок будет приятной».

Никакой подписи, да она и не была нужна. Только Галина Касбан могла отправить это замечательное сообщение. Галина, которой Элайда доверяла делать то, что не могла доверить больше никому, разве только себе самой. Она, конечно, не доверяла ей целиком и полностью – в такой степени она не доверяла никому, – но этой женщине, возглавляющей Красную Айя, она доверяла больше, чем кому бы то ни было. В конце концов, Элайда сама вышла из Красной Айя и в большой степени все еще считала себя Красной.

«Кольцо вдето в нос буйвола».

Ранд ал'Тор – Дракон Возрожденный, человек, который, казалось, готов был проглотить весь мир и уже проглотил значительную его часть, – Ранд ал'Тор схвачен, отрезан от Источника и находится в руках Галины. И никто из его приверженцев не догадывался о том, что случилось. Существой хотя бы малейший шанс этого, и в письме было бы употреблено другое выражение. В некоторых более ранних сообщениях говорилось, что он заново открыл способность Перемещаться – талант, утраченный Айз Седай со времен Разлома Мира, – и все же даже это не спасло его, а, напротив, сыграло на руку Галине. По-видимому, у него вошло в привычку появляться и исчезать, никого не предупреждая о своих намерениях. Кому могло прийти в голову, что на этот раз он не просто ушел по своим делам, что его захватили? У Элайды вырвался короткий довольный смешок.

Пройдет еще неделя, самое большее две, и ал'Тор окажется в Башне, под присмотром и надежной охраной, и останется здесь до самого Тармон Гай'дон. Миру, таким образом, больше не угрожает опустошение, которое несет с собой этот человек. Безумие оставлять на свободе любого мужчину, способного направлять, и более того – мужчину, который, согласно пророчеству, должен противостоять Темному в Последней битве; и ниспошли Свет, чтоб до нее были еще годы и годы – вопреки тому, что предвещает погода. Потребуется много лет, чтобы восстановить порядок в мире, уничтожив последствия всего того, что натворил ал'Тор.

Конечно, вред, который он уже нанес миру, ничтожно мал по сравнению с тем, что он способен натворить, оставшись на свободе. А ведь вдобавок ко всему прочему он и сам мог погибнуть, не успев выполнить свое предназначение. Ладно, теперь этот беспокойный молодой человек будет спеленут и окажется в безопасности, точно дитя в материнских руках, пока не придет время доставить его в Шайол Гул. После этого, если он уцелеет...

Элайда поджала губы. Как предсказывают пророчества о Драконе, это вряд ли ему удастся, что, очевидно, было бы лучше всего.

– Мать? – (Элайда чуть не вздрогнула, услышав голос Алвиарин. Входит даже не постукавшись!) – Мать, у меня для вас срочные сообщения.

Стройная, с невозмутимым холодным лицом, Алвиарин, как обычно, была в белом платье и плотно облегающей узкой накидке хранительницы летописей того же цвета. Несомненно, чтобы напоминать всем, что она возвышена на свой пост из Белой Айя. Ей каким-то образом всегда удавалось произносить привычное обращение «мать» таким тоном, будто она разговаривала с ровней, без малейших признаков уважения.

При появлении Алвиарин хорошее настроение Элайды мгновенно улетучилось. Хранительница летописей происходила не из Красной Айя, и мысль об этом всегда уязвляла самолюбие Элайды как напоминание о собственной слабости, которую она проявила, только что заняв Престол Амерлин. К сожалению, не все происходило так, как ей хотелось, хотя кое-что несомненно удалось. Но не все. Пока не все. Ее чрезвычайно огорчало то, что за пределами Андора у нее было так мало связанных лично с ней глаз-и-ушей. А все почему? Потому что ее предшественница сбежала вместе с предшественницей Алвиарин – им явно помогли; без помощи им это вряд ли бы удалось! – сбежала, не успев передать ей – добровольно или нет, это уж как получилось бы – огромную сеть личных осведомителей Амерлин.

Элайда страстно желала заполучить эту сеть, по праву принадлежащую ей. По устоявшейся традиции все Айя передавали хранительнице летописей некоторую часть своих собственных глаз-и-ушей, ту, в общем-то, незначительную часть, которой они желали поделиться с Амерлин. Однако Элайда была убеждена, что эта женщина утаивает от нее кое-что даже из такой тоненькой струйки. И все же она не могла обратиться к главам Айя с просьбой передавать сведения напрямую ей, минуя Алвиарин. Просьба – всегда признак слабости, что само по себе плохо. Не хватало еще, чтобы Башня, которую она олицетворяла, выказывала слабость, стоя с протянутой рукой. Башня, которая, как считалось, возвышалась над этим миром.

Элайда прикладывала все усилия к тому, чтобы сохранить такое же бесстрастное выражение лица, как у вошедшей, наградив ее лишь кивком и делая вид, что изучает бумаги, которые достала из лакированной шкатулки. Неторопливо перебирая одну за другой, она так же неспешно клала их обратно в шкатулку. Не видя ни единого написанного там слова. Заставлять Алвиарин ждать было чуть ли не единственным доступным Элайде способом нанести укол самолюбию той, которая, как предполагалось, должна бы преданно служить ей. И это не доставляло удовольствия, скорее вызывало чувство горечи, потому что на самом деле это мелочь, пусяк.

В принципе, Амерлин могла отдать любой приказ, ее слово – формально – считалось окончательным и бесповоротным. И все же на практике без поддержки Совета Башни многие из ее приказов остались бы всего лишь чернилами на бумаге. Ни одна сестра не выказала бы

неповиновения Амерлин, по крайней мере открыто, и все же для выполнения почти любого распоряжения требовались сотни вещей. При желании не стоило особого труда сделать так, чтобы ее приказы выполнялись как можно медленнее – настолько медленно, чтобы в конце концов просто утратили всякий смысл.

Спокойствие Алвиарин наводило на мысль о замерзшем пруде. Закрыв алтарскую шка-тулку, Элайда оставила на столе заветный листок, который сулил ей несомненную победу. Не отдавая себе в этом отчета, она слегка поглаживала бумагу пальцами – как талисман.

– Неужели Теслин и Джолин снизошли наконец до того, чтобы сообщить хоть что-то еще, кроме того, что они благополучно прибыли на место?

Этот вопрос должен был напомнить Алвиарин, что ни одна сестра не могла надеяться чувствовать себя полностью защищенной перед Элайдой. Никого не интересовало, что происходит в Эбу Дар, а Элайду меньше всех; столица Алтары могла рухнуть в море – за исключе-нием торговцев, никто бы этого даже не заметил. Однако Теслин сиднем просидела в Совете Башни почти пятнадцать лет – до тех пор, пока Элайда не приказала ей оставить свое кресло. Если Элайда смогла отослать из Башни восседающую – *Красную* восседающую, которая под-держивала ее возвышение, – назначив своей представительницей у этого засиженного мухами трона... И никто не понимал, как так получилось, – ходили лишь смутные слухи. Значит, при желании она могла наказать любого. С Джолин дело обстояло иначе. Она занимала свое кресло восседающей от Зеленых всего несколько недель. Все были уверены, что Зеленые выбрали ее специально, чтобы показать, что они не боятся новой Амерлин, которая подвергла ее суровому наказанию. Такое проявление оскорбительной дерзости, конечно, не следовало оставлять без внимания, и оно не было оставлено. Все прекрасно понимали это.

Вопрос Элайды имел целью напомнить Алвиарин, что она тоже уязвима, но эта строй-ная женщина лишь холодно улыбнулась в ответ. Потому что понимала – пока Совет оставался таким, как сейчас, она *неприкосновенна*. Взглянув на бумаги, которые держала в руке, Алвиа-рин выдернула одну из них:

– Никаких сообщений от Теслин или Джолин, мать, но новости только подтверждают то, о чем вам уже сообщали прежде. – Ее улыбка стала опасно близка к насмешке. – Все правители жаждут опробовать свои крылья. Хотят убедиться в том, что вы так же сильны, как... как ваша предшественница.

Даже у Алвиарин хватало такта не произносить в присутствии Элайды имя Суан Санчей. Однако по существу она была права. Складывалось впечатление, что каждый король, каждая королева и даже просто благородные семейства делали все, чтобы проверить, как далеко про-стирается власть новой Амерлин. Не мешало бы преподать им урок.

Бегло просмотрев свои бумаги, Алвиарин продолжала:

– Есть, однако, сообщение и из Эбу Дар. Через Серых. – (Интересно, она подчеркнула последнее слово, чтобы уколоть побольнее?) – Похоже, там объявились Илэйн Траканд и Най-нив ал'Мира. Ведут себя как полноправные сестры, которые осчастливили королеву Тайлин, прибыв к ней в качестве... *представительниц*... от мятежниц. Есть еще две другие, пока точно не установлено, кто именно, но, возможно, они выполняют ту же миссию. Непонятно, явля-ются ли они тоже мятежницами – ведь список тех, кто к ним примкнул, неполон – или просто их... спутницами. Серые не уверены.

– Что им, Света ради, делать в Эбу Дар? – раздраженно спросила Элайда. И уж конечно, об *этом* Теслин непременно сообщила бы. – Серые, наверно, собирают всякие слухи. В посла-нии Тарны сказано, что эти две по-прежнему в Салидаре, вместе с остальными мятежницами.

Тарна Фейр сообщила о том, что и Суан Санчей тоже там. И Логайн Аблар, распространя-ющий эту порочащую Айз Седай ложь, которую любая Красная сестра считала бы ниже сво-его достоинства даже слушать, не то что отрицать. Санчей, несомненно, тоже способствовала распространению бесстыдных слухов, в этом Элайда была так же уверена, как в том, что солнце

восходит на востоке. Почему эта женщина не могла просто уползти куда-нибудь подальше и тихо умереть или хотя бы приличным образом отойти в сторону, уняться – как другие усмирённые?

Ей потребовалось приложить усилие, чтобы сдержать глубокий вздох. Логайна можно повесить без лишнего шума, как только с мятежницами будет покончено; большинство людей в мире полагали, что он давным-давно мертв. Тогда грязная клевета, что Красная Айя способствовала его появлению в мире как Лжедракона, умрет вместе с ним. Ничего, как только мятежницы окажутся у нее в руках, нужно будет заставить Санчей передать ей сеть глаз-и-ушей Амерлин. И вытянуть из нее имена предательниц, которые помогли ей бежать. Глупо, конечно, надеяться, что среди них будет названа Алвиарин.

– Мне трудно представить себе, что эта девчонка, ал'Мира, способна отправиться в Эбу Дар и изображать там полноправную Айз Седай, а уж тем более, чтобы так поступила Илэйн.

– Вы приказали найти и доставить сюда Илэйн, мать. Вы сказали, что это не менее важно, чем посадить на цепь ал'Тора. Пока она находилась в Салидаре, среди трех сотен мятежниц, было невозможно сделать что-либо, но в Таразинском дворце она не будет так надежно защищена.

– У меня нет времени на сплетни и слухи. – Элайда не сумела сдержать себя и почти с презрением выплевывала слова. Что Алвиарин имела в виду, говоря об ал'Торе, которого нужно посадить на цепь? Может быть, ей известно больше, чем следовало? – Советую тебе еще раз перечитать сообщение Тарны и потом спросить себя, позволили ли бы даже *мятежницы* принятым заявлять, что те имеют право на шаль.

Алвиарин с показным терпением дождалась, пока Элайда закончит, снова просмотрела свою пачку бумаг и вытащила оттуда еще четыре листка.

– Агент Серых прислал наброски, – вкрадчиво проговорила она, протягивая листки Элайде. – Он не художник, но Илэйн и Найнив нельзя не узнать. – Спустя некоторое время, убедившись, что Элайда не собирается брать рисунки, Алвиарин засунула их под остальные бумаги.

Элайда чувствовала, как краска гнева и замешательства приливает к ее щекам. Алвиарин сознательно не показала ей наброски с самого начала, унизила ее, заставив повести себя именно так. Элайда сделала вид, что не заметила этого – любое другое поведение привело бы к тому, что ее замешательство только больше бросилось бы в глаза, – но ничего не могла поделать со своим голосом, который звучал теперь подчеркнуто холодно.

– Я хочу, чтобы их обеих схватили и доставили ко мне.

Отсутствие на лице Алвиарин даже намек на любопытство снова пробудило у Элайды желание узнать, сколько и что именно эта женщина знала такого, чего ей знать не полагалось. Ал'Мира, эта девчонка, могла помочь справиться с ал'Тором, поскольку родом из той же деревни, что и он. Все сестры знали это, как и то, что Илэйн – дочь-наследница Андора и что ее мать умерла. Смутные слухи о связи Моргейз с белоплащниками – совершеннейшая чепуха, она никогда в жизни не обратилась бы к Детям Света за помощью. Она умерла; неизвестно даже, где ее тело, и Илэйн вполне могла бы стать королевой. Если бы только ее удалось вырвать из рук мятежниц до того, как андорские Дома посадят вместо нее на Львиный трон Дайлин! У нее больше, чем у кого-либо другого из благородных семейств, прав претендовать на этот трон. Если, конечно, не учитывать тот не многим известный факт, что в один прекрасный день она может стать Айз Седай.

У Элайды иногда бывали Предсказания – талант, как все считали, утраченный задолго до того, как она появилась на свет, – и много лет назад она Предсказала, что ключом к победе в Последней битве владеет королевский Дом Андора. Двадцать пять лет прошло, даже больше, пока стало ясно, что Моргейз Траканд добьется трона в борьбе за престолонаследие, и все это время Элайда внимательно приглядывалась к ее дочери, к девочке, какой та была тогда. В чем

состоит решающая роль Илэйн, Элайда не знала, но Предсказания никогда не обманывали. Иногда она почти ненавидела этот свой талант, как ненавидела все, чем не могла управлять.

– Я хочу, чтобы захватили всех четырех, Алвиарин. – Две другие никакого значения не имели, конечно, но не следовало упускать ни малейшего шанса. – Немедленно передай Теслин мой приказ. Объясни ей – и *Джозлин* тоже, – что если они даже теперь не будут регулярно присылать сообщения о происходящем, то пожалеют, что родились на свет. Я хочу также знать, как идут дела у Макуры. – Последнее слово Элайда произнесла, скривив губы.

Это имя заставило вздрогнуть даже Алвиарин, и неудивительно. Даже от небольшой порции мерзкого настоя Ронде Макуры любой сестре становилось не по себе. Корень вилочника не смертелен – по крайней мере, выпив столько, чтобы уснуть, человек рано или поздно просыпался, – но настой из него ослаблял способность женщин направлять Силу и по этой причине, казалось, был просто предназначен для воздействия на Айз Седай. Жаль, что это стало известно только после ухода Галины; если корень вилочника оказывал на мужчин такое же воздействие, что и на женщин, выполнить свою задачу ей было бы гораздо проще.

Алвиарин почти мгновенно справилась с собой, к ней вернулось все ее самообладание, непробиваемое, точно ледяная стена.

– Как пожелаете, мать. Уверена, что они будут неукоснительно выполнять ваши приказания, как, конечно, им и положено.

Внезапно вспыхнувшее раздражение охватило Элайду, словно огонь – сухое сено. В ее руках находится судьба мира, а у нее на пути то и дело возникают хоть и незначительные, но досадные препятствия. Достаточно скверно уже то, что она должна как можно быстрее прибрать к рукам мятежниц и брыкающихся правителей всех рангов. Так еще и здесь, в Башне, полно сестер, которые спят и видят, как бы насолить ей, – прекрасная почва для того, чтобы Алвиарин, воображающая о себе невесту, могла снимать на ней отличный урожай. Только шесть восседающих находились под сильным влиянием Элайды, а остальные, как она подозревала, при любом голосовании сначала смотрели в сторону Алвиарин. Ни одно важное решение не пройдет через Совет, если Алвиарин против, тут у Элайды не было никаких сомнений. При этом все происходило негласно, никто даже вида не показывал, что Алвиарин имеет хоть чуточку больше влияния или власти, чем должна иметь хранительница летописей. Но если Алвиарин была против... Хорошо хоть, что они еще не дошли до того, чтобы с ходу отвергать все предложения Элайды. Они просто еле шевелились и, дай им волю, загубили бы любые ее начинания. Им все это доставляло удовольствие. Немало Амерлин в свое время превратились всего лишь в марионеток, когда Совет входил во вкус этого «развлечения» и отвергал *все*, что те предлагали.

Она непроизвольно стиснула руки, бумага под ними еле слышно затрещала.

Кольцо вдето в нос буйвола.

Алвиарин была все так же холодна и спокойна – точно мраморная статуя, – но Элайду это больше не волновало. С каждым мгновением ал'Тор приближался к ней. Мятежницы будут сокрушены, Совет приструнен, Алвиарин поставлена на колени, и все правители станут ходить перед Элайдой на цыпочках. Начиная с Тенобии Салдэйской, которая прячется, не желая встречаться с ее посольством, и кончая Маттином Стефанеосом Иллианским, пытающимся, насколько Элайде было известно, служить и нашим и вашим, ужиться и с ней, и с белоплащниками, и с ал'Тором. Илэйн будет возведена на трон в Кэймлине, обязанная этим отнюдь не своему братцу; нужно сделать все, чтобы она полностью отдавала себе отчет в том, кто усадил ее туда. Совсем немного времени в Башне – и девчонка превратится в сырую глину в руках Элайды.

– Я хочу, чтобы *эти мужчины* были уничтожены, Алвиарин. – Не было нужды разьяснять, кого подразумевала Элайда; половина Башни не разговаривала ни о чем, кроме как об *этих мужчинах* в их Черной Башне, а другая половина шепталась о том же по углам.

– Есть сообщения, которые внушают беспокойство, мать. – Алвиарин снова проглядела свои бумаги, но показать ей явно было нечего. Никаких новых сообщений она не достала, но и без них было ясно, что если какой пустяк и беспокоил эту женщину, то им могла быть только мерзкая навозная куча, копошившаяся под Кэймлином.

– Снова слухи? Ты веришь в болтовню о том, что тысячи мужчин и в самом деле стекаются в Кэймлин в ответ на бесстыдное обещание амнистии? – Одно из безобразий, которые творил ал'Тор, но вряд ли это причина для беспокойства. Просто куча отбросов, не более. Хотя, конечно, ее следует уничтожить, прежде чем Илэйн будет коронована в Кэймлине.

– Конечно нет, мать, но...

– Чем у нас занимается Тувин? Эта задача как раз из тех, для выполнения которых предназначены Красные. – (Тувин Газал пятнадцать лет провела вне Башни и вернулась, лишь когда Элайда призвала ее обратно. Две другие восседающие от Красных, которые сложили свои полномочия и отправились в «добровольное» изгнание одновременно с ней, теперь превратились просто в женщин с расстроенными нервами. Однако, в отличие от Лирен и Тсутамы, Тувин лишь закалилась в своей одинокой ссылке.) – У нее пятьдесят сестер. – Элайда была уверена, что в этой Черной Башне вряд ли больше двух-трех мужчин, на самом деле способных направлять Силу. Расправиться с ними для пятидесяти сестер не представляло никакого труда. Хотя, конечно, там находились и другие люди, просто связанные с ними. Всяческие прихлебатели, маркитанты и, конечно, глупцы, находящиеся во власти пустых надежд и безумных амбиций. – Пусть возьмет сотню... нет, две сотни гвардейцев.

– Вы уверены, что поступаете благоразумно? Слухи о тысячах, конечно, безумие, но агент Зеленых в Кэймлине утверждает, что в Черной Башне более четырехсот мужчин. Очень неглупый человек. Он подсчитал, сколько телег с продовольствием ежедневно выезжает из города. И, как вам известно, слухи упорно твердят о том, что Мазрим Таим с ними.

Элайда прилагала титанические усилия, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица, но вряд ли это ей полностью удалось. Она запретила упоминать имя Таима под угрозой наказания, и горько сознавать, что она не осмеливалась – да-да, не осмеливалась! – осуществить свою угрозу по отношению к Алвиарин. Эта женщина смотрела прямо ей в глаза; отсутствие на этот раз так часто механически повторяемого «мать» тоже не было случайностью. И этот дерзкий вопрос: уверена ли она, что поступает *благоразумно*? Она, Престол Амерлин! Не первая среди равных – а сам Престол Амерлин!

Она открыла самую большую из лакированных шкатулок, в которой на сером бархате лежали вырезанные из драгоценной поделочной кости миниатюры. Очень часто, стоило лишь взять в руки какую-нибудь вещь из своей коллекции, это действовало удивительно успокаивающе – почти как вязание, которое доставляло ей такое удовольствие. Однако важнее было другое – эти чудные миниатюры позволяли Элайде при необходимости поставить человека на место, дать ему понять, что они интересуют ее несравненно больше, чем он. Она легко прикоснулась пальцами сначала к изысканной кошке, лоснящаяся шерсть которой, казалось, струилась, потом к женщине в изящно выполненном одеянии, с припавшим к ее плечам необычным крошечным животным, напоминающим сплошь покрытого волосами человека, – причудливая фантазия резчика. И наконец Элайда тронула резную рыбу, выполненную так тонко и точно, что казалась почти настоящей, несмотря на то что светлая кость заметно пожелтела от времени.

– Пусть даже четыре сотни, Алвиарин, но кто они? Сброд! – Ей доставило удовольствие зрелище того, как Алвиарин поджала губы. Совсем чуть-чуть, еле заметно, но любая брешь в непробиваемом спокойствии этой женщины... успокаивала. – Разве это много? Только глупец поверит в то, что среди них больше одного или двух, на самом деле умеющих направлять Силу.

Самое большое! За десять лет мы обнаружили лишь шестерых мужчин с этой способностью. За последние двадцать лет – только двадцать четыре. А тебе известно, как мы прочесывали все страны. Что касается Таима... – Это имя обожгло ей язык; единственный Лжедракон, которому удалось избежать укрощения после того, как он оказался в руках Айз Седай. Ей, конечно, вовсе не хотелось, чтобы это событие было отражено в летописях Башни как происшедшее за время ее правления, во всяком случае, до тех пор, пока она не решит, как именно оно должно быть там описано. Пока в летописях говорилось лишь о том, что он был схвачен.

Элайда погладила чешую рыбы большим пальцем.

– Он мертв, Алвиарин, иначе мы бы уже давно услышали о нем. И уж во всяком случае он не служит ал'Тору. Он заявлял, что он – Возрожденный Дракон. По-твоему, он легко и просто отказался от этой роли ради того, чтобы служить другому Возрожденному Дракону? По-твоему, если бы он был в Кэймлине, Даврам Башир даже не попытался бы убить его? – Большой палец быстрее заскользил по резной костяной рыбе, когда Элайда напомнила себе, что маршал-генерал Салдэйи находится в Кэймлине, подчиняясь приказу ал'Тора. Какую игру ведет Тенобия? Элайда изо всех сил сдерживалась, стараясь никак не выдать своих мыслей, уподобиться в бесстрастности своим костяным фигуркам.

– Двадцать четыре – совсем немало, и вряд ли стоит говорить об этом вслух, – с угрожающим спокойствием сказала Алвиарин. – Что двадцать четыре, что две тысячи – опасность в обоих случаях достаточно велика. В летописях Башни упоминается только о шестнадцати. Меньше всего сейчас стоит опять заниматься переписыванием летописей. Хотя бы ради сестер, которые верят в то, что все изучаемое ими – правда. Даже те, которые вернулись сюда, потому что вы вызвали их, держат язык за зубами.

Элайда напустила на себя удивленный вид. Насколько ей было известно, сама Алвиарин занялась изучением летописей, только став хранительницей; она же интересовалась ими по собственной инициативе, хотя Алвиарин вряд ли знает об этом.

– Дочь моя, меня не пугает, даже если это разночтение выплывет наружу. В чем меня можно обвинить? И главное, кто посмеет наказать *меня*? – Это была правда, очень тонко граничащая с ложью, но, по-видимому, она не произвела на Алвиарин ни малейшего впечатления.

– В летописях Башни упоминается о том, что некоторые Амерлин были подвергнуты публичному наказанию, хотя о причинах почти всегда говорится очень туманно. Ничего удивительного, ведь Амерлин может приказать изменить запись в летописи, если она ее не устраивает...

Элайда хлопнула рукой по столу:

– Хватит, дочь моя! В Башне один закон, и это – я! То, что раньше считалось нужным скрывать, пусть в тайне и останется, по той же самой причине, по которой это делалось всегда, – ради благополучия Белой Башни. – Только тут Элайда почувствовала, что ушибла ладонь; подняв руку, она увидела расколотую надвое рыбу. Сколько лет было этой чудесной вещице? Пятьсот? Тысяча? Все, что она могла сделать, – это постараться никак не выдать своей ярости. И все же голос ее зазвучал заметно более хрипло: – Тувин возьмет пятьдесят сестер и две сотни гвардейцев Башни и поведет их в Кэймлин, к Черной Башне. Там они укротят любого обнаруженного ими мужчину, способного направлять Силу, а потом повесят его, так же как и всех остальных, кого смогут захватить живьем. – Алвиарин даже глазом не моргнула, когда Элайда сообщила ей, как она понимает закон Башни. Элайда всегда понимала под «истиной» не то, что есть на самом деле, а то, чему следует быть; с учетом этого обстоятельства она и в самом деле *была* законом Башни. – Вдобавок повесить и всех мертвых. Пусть это послужит предостережением любому мужчине, у которого возникнет желание прикоснуться к Истинному Источнику. Пришли Тувин ко мне. Я хочу ознакомиться с ее планом.

– Как прикажете, мать. – И голос, и лицо женщины были по-прежнему спокойны и невозмутимы. – Хотя, если мне будет позволено дать вам совет, я считаю, что следует подумать,

прежде чем отсылать из Башни так много сестер. Мятежницам ваше решение явно придется по вкусу. Они больше не в Салидаре. Они движутся походным маршем сюда. В последних сообщениях говорилось о том, что они в Алтаре, но, судя по скорости их передвижения, сейчас они уже должны быть в Муранди. И они избрали собственную Амерлин. – Отыскивая имя, она заскользила взглядом по верхнему листку бумаги из своей пачки. – Эгвейн ал'Вир, кажется.

То, что Алвиарин оставила напоследок эту наиболее важную из своих новостей, имело, без сомнения, одну цель – окончательно вывести Элайду из себя. Однако она лишь откинула голову и засмеялась, с трудом удержавшись, чтобы не забарабанить пятками по полу. Удивление на лице Алвиарин заставило ее рассмеяться еще громче, смахивая пальцами выступившие на глазах слезы.

– Ты не понимаешь, что означают твои собственные слова, – сказала она между взрывами смеха, когда смогла заговорить. – Хорошо, что ты хранительница летописей, Алвиарин, а не восседающая. Ты настолько слепа, что в Совете тебе просто нечего было бы делать. Тебя и приглашали бы туда только тогда, когда дело доходило бы до голосования.

– Я понимаю достаточно, мать. – Теперь голос Алвиарин, казалось, способен был заморозить стены. – Я понимаю, что три с лишним сотни мятежных Айз Седай движутся на Тар Валон с армией, возглавляемой Гаретом Брином, о котором идет слава выдающегося полководца. Даже учитывая явные преувеличения, которыми грешат сообщения о том, что в этой армии больше двадцати тысяч человек, имея своим предводителем Брина, они захватят все деревни и города, мимо которых пройдут. Я не говорю, конечно, что они могут взять Тар Валон, но все равно это не повод для смеха. Нужно распорядиться, чтобы верховный капитан Чубейн более энергично вербовал новобранцев в гвардию Башни.

Взгляд Элайды остановился на разбитой рыбе, вид которой вызвал новую вспышку раздражения; она встала и, подойдя к ближайшему окну, повернулась спиной к Алвиарин. Открывшаяся перед ней картина строительства растворила привкус горечи, помог и листок бумаги, который она сжимала в руке.

Она с улыбкой посмотрела вниз, на свой будущий дворец.

– Три сотни мятежниц – да, но тебе непременно нужно перечитать отчет Тарны. По крайней мере сто из них уже в весьма плачевном состоянии. – В той или иной степени она доверяла Тарне, Красной, по складу своего ума не склонной городить чепуху, а та сообщила, что многие из мятежниц уже вздрагивают при виде тени. Глупые, отчаявшиеся овцы, понадеявшиеся на своего пастуха, так она сказала. А пастух-то кто? Дичок, разумеется, дикарка, хотя и довольно здравомыслящая. Тарна должна вскоре возвратиться и тогда даст более подробный отчет. Хотя особой нужды в этом нет. В отношении мятежниц у Элайды имелись свои планы, и они понемногу уже начали осуществляться. Но это был ее секрет.

– Тарна всегда была уверена, что может заставить людей делать то, что они делать не собирались, – если ей это нужно.

Как многозначительно это было сказано! Интересно, стояли за этим тоном реальные сведения или Алвиарин просто старалась набить себе цену? Элайда решила, что разумнее не обращать на это заявление внимания. Она вынуждена не обращать внимания на слишком многое, связанное с Алвиарин, но еще не вечер. Скоро все изменится.

– Что касается их армии, дочь моя, Тарна сообщает, что в ней самое большее две-три тысячи человек. Можешь не сомневаться: если бы их было больше, она, конечно, не упустила бы случая хорошенько попугать нас. – По мнению Элайды, глаза-и-уши всегда все преувеличивали, чтобы придать большую ценность своим сообщениям. Поистине, только Красным сестрам и можно доверять. Во всяком случае, некоторым из них. – Но я бы не беспокоилась, даже если бы у них и вправду было двадцать тысяч, или пятьдесят, или сто. Можешь ты хотя бы предположить почему? – Она внезапно повернулась. Заледеневшее лицо Алвиарин казалось

маской – не только хладнокровия, но и слепого непонимания. – Ты, кажется, очень хорошо выучила все законы Башни. Какое наказание ожидает мятежниц?

– Для зачинщиц, – медленно произнесла Алвиарин, – усмирение. – Она слегка нахмурилась, подол платья едва заметно заколыхался, когда она переступила с ноги на ногу. Даже принятые знали это, и она не могла понять, почему Элайда задала ей такой простой вопрос. Очень хорошо. – Для многих остальных – то же самое.

– Может быть, может быть...

Сами зачинщицы могли избежать подобной участи, по крайней мере большинство из них, если бы должным образом раскаялись. По закону минимальное наказание состояло в порке розгами в Большом зале перед всеми сестрами, с последующей публичной епитимьей, срок которой составлял самое меньшее год и день. Однако нигде не говорилось о том, что епитимью нужно отслуживать всю сразу. Месяц здесь, месяц там, и виновные смогут искупать свои преступления десять лет – как постоянное напоминание о том, что случается с теми, кто идет против нее, Элайды. Некоторые будут усмирены, конечно, – Шириам, кое-кто из наиболее известных так называемых восседающих, – но не все. Ровно столько, сколько нужно, чтобы остальные боялись повторить их ошибки, но чтобы при этом не слишком ослаблять саму Башню. Белая Башня должна выстоять и сохранить свою мощь и железную хватку при любых обстоятельствах.

– Только одно преступление из тех, которые они совершили, на самом деле заслуживает усмирения. – Алвиарин удивленно открыла рот. В древние времена тоже случались мятежи, память о которых похоронена так глубоко, что не многие сестры вообще знали о них. Летописи об этом умалчивали, списки усмирённых и казнённых были доступны только Амерлин, хранительнице летописей, восседающим и, конечно, тем немногим библиотекарям, которые их хранили. Элайда не дала Алвиарин возможности заговорить. – Любая женщина, присвоившая себе титул Престола Амерлин, не имея на то права, обязательно должна быть усмирена. Если бы они верили, что у них на самом деле есть шанс победить, их *Амерлин* стала бы Шириам, или Лилейн, или Карлиния, или кто-нибудь еще из них. – (Тарна сообщала, что Романда Кассин бежала из ссылки. Романда, несомненно, ухватилась бы за палантин Амерлин обеими руками, если бы увидела хоть крошечную долю такой возможности.) – А они прячутся за спину *принятой*!

Элайда с кривой усмешкой покачала головой. Она сама была Амерлин и могла процитировать каждую фразу закона об избрании главы Айз Седай почти дословно, – в конце концов, он хорошо послужил интересам самой Элайды, и в нем ни слова не говорилось о том, что, прежде чем стать Амерлин, женщина должна быть полноправной сестрой. Очевидно, что должна, просто те, кто вырабатывал закон, никогда не делали упор на подобное обстоятельство, считая это само собой разумеющимся, и мятежницы пролезли сквозь оставшуюся в законе щель.

– Они знают, что их дело безнадежно, Алвиарин. Пустое бахвальство, хорошая мина при плохой игре – вот к чему сводятся все их замыслы. И еще к тому, чтобы впоследствии найти способ так или иначе уйти от наказания, а девчонку просто принести в жертву. – Что достойно сожаления. Ал'Вир – еще одна девушка, которая могла бы помочь держать ал'Тора в руках. Кроме того, если ей суждено овладеть Единой Силой в полную меру своих способностей, то она станет в этом отношении самой могущественной за тысячу лет или даже больше. Поистине жаль.

– Пустое бахвальство... Зачем им тогда Гарет Брин и его армия? Им понадобится пять или шесть месяцев, чтобы добраться до Тар Валона. За это время верховный капитан Чубейн мог бы увеличить число гвардейцев...

– Их *армия*... – усмехнулась Элайда. Алвиарин так глупа! При всей своей чисто внешней невозмутимости она, по сути, всего лишь жалкий, трусливый кролик. Элайда наперед могла

вычислить, о чем та собиралась говорить дальше. Сейчас пустится в разглагольствования в духе той чепухи, которую без конца молола Санчей: об Отрекшихся, вырвавшихся на свободу. Конечно, она не посвящена в тайну, но вечно повторять одно и то же... – Фермеры с копьями, мясники с самострелами и портные на лошадях! И чем ближе к городу, тем чаще они вспоминают о том, что Сияющие Стены даже Артуру Ястребиное Крыло оказались не по зубам. – Нет, не кролик, конечно не кролик. Хитрая, пронырливая ласка. И все же рано или поздно мех этой ласки пойдет на отделку плаща Элайды. Если Свет пожелает, то раньше. – И чем ближе к городу, тем быстрее тает их армия – каждый день они теряют человека, если не десять. Я ничуть не удивлюсь, если наши мятежники объявятся здесь лишь в сопровождении своих Стражей.

Слишком многие знали о расколе в Башне. Когда восстание будет наконец подавлено, придется изобразить дело так, будто никакого раскола не было, просто небольшое... осложнение, может быть частично даже явившееся результатом тех безобразий, которые натворил ал'Тор. Это потребует немало усилий и займет много лет. Пройдут, наверно, поколения, прежде чем воспоминания исчезнут из людской памяти. И все бывшие мятежники дорого заплатят за эти хлопоты.

Элайда стиснула кулак, будто сжимая глотку одной из мятежниц. Или Алвиарин.

– Я собираюсь расправиться с ними, дочь моя. Весь этот мятеж лопнет, точно гнилая дыня. – Тайна, известная только ей, служила залогом того, что так и будет, сколько бы фермеров и портных лорду Брину ни удалось заманить к себе. Но в конце концов, какое ей дело до того, что думает эта глупая женщина? Внезапно ею овладело Предсказание. Уверенность в том, чего она на самом деле никак не могла знать, тем не менее уверенность более сильная, чем если бы будущее свершалось прямо у нее на глазах. Внутренний голос, внушавший ей это чувство, был так силен, что Элайда не задумываясь шагнула бы с утеса, если бы он потребовал от нее этого. – Белая Башня вновь станет единой и сильной – сильнее, чем когда-либо прежде. Все последствия раскола будут искоренены, а имена мятежниц преданы забвению. Ранд ал'Тор предстанет перед лицом Престола Амерлин, ее гнев обрушится на него. Черная Башня будет сожжена и залита кровью, по ее земле станут гулять сестры. Таково мое Предсказание.

Как обычно, когда Предсказание покинуло ее, Элайда, вся дрожа, с трудом перевела дыхание. Медленно и глубоко дыша, она постаралась взять себя в руки; никто не должен быть свидетелем ее слабости. Но Алвиарин... Ее глаза были широко распахнуты – шире просто невозможно, – рот раскрыт, точно она хотела что-то сказать, но забыла, что именно. Листок выскользнул из зажатой в руке пачки, она едва успела подхватить его в самый последний момент. Однако это привело Алвиарин в чувство. В мгновение ока она снова нацепила на лицо маску безмятежного спокойствия, знаменитого спокойствия Айз Седай, но факт оставался фактом – она потрясена до глубины души. О, очень хорошо! Может быть, теперь наконец до нее дойдет, что не стоит затевать козни против той, которую ожидает несомненная победа. Пусть жует и пережевывает эту мысль, если иначе не умеет, – глядишь, и сломает зубы.

Элайда еще раз глубоко вздохнула и поудобнее устроилась за письменным столом, переложив сломанную костяную рыбку так, чтобы не видеть ее. Сейчас самое время развить свою победу.

– Есть кое-что, что необходимо сделать прямо сейчас, дочь моя. Прежде всего необходимо отправить послание леди Каралайн Дамодред...

Элайда долго и терпеливо давала свои указания, затрагивая в том числе вопросы, в которых Алвиарин прекрасно разбиралась и без нее, но временами обнаруживая пробелы в ее познаниях. В конечном счете Амерлин должна делать свое дело с помощью хранительницы летописей, даже если она ненавидит эту женщину. Доставляло удовольствие следить за глазами Алвиарин, за тем, какое удивление возникало в них, когда становилось ясно, что кое-чего она и в самом деле не знала. Но все время, пока Элайда отдавала свои приказания, затрагивающие судьбы мира между океаном Арит и Хребтом Мира, в ее сознании то и дело вспыхивал

образ молодого ал'Тора, с каждым мгновением приближающегося к ней. Точно посаженному в клетку медведю, ему придется научиться танцевать, чтобы получать свой обед.

Описывая годы Последней битвы, летописи Башни, конечно, должны упомянуть о Драконе Возрожденном, но одно имя будет вписано туда более крупными буквами, чем все остальные. Элайда до Аврини а'Ройхан, младшая дочь одного из мелких Домов на севере Муранди, – вот кто войдет в историю как величайшая и самая могущественная Престол Амерлин за все время существования Башни. Самая могущественная женщина в истории мира. Женщина, которая спасла человечество.

* * *

Айил, замершие в глубокой низине между пологими, покрытыми бурой травой холмами, казались высеченными из камня. Они не обращали ни малейшего внимания на клубы пыли, которые вздымал порывистый ветер. Еще меньше их волновало отсутствие снега, в это время года обычно уже надежно укрывавшего землю. Никто из них прежде не видел снега, а жара – точно в раскаленной печи, – не ослабевающая даже ночами, которые здесь так быстро сменяли дни, была гораздо слабее, чем там, откуда они явились. Все их внимание было приковано к южному холму. Они ожидали сигнала, от которого зависела сама судьба клана Шайдо.

Внешне Севанна выглядела точно так же, как остальные, хотя держалась немного в стороне от кружка Дев. Казалось, им ничего не стоило часами сидеть на корточках, темные вуали уже скрывали лица до глаз. Она ждала вместе со всеми и даже более нетерпеливо, чем можно было предположить, глядя на нее. Однако вовсе не того, чего ждали все остальные. Это первая причина, почему она командовала, а они подчинялись. Вторая причина состояла в том, что она понимала, чего можно добиться, отказавшись от устаревших обычаев и изживших себя традиций, связывающих по рукам и ногам.

Зеленые глаза Севанны еле заметно мерцали, когда она перевела взгляд налево, туда, где сидели двенадцать мужчин и одна женщина, все с круглыми щитами из бычьей кожи и тремя-четырьмя короткими копьями в руках, все в серо-коричневых *кадин'сор*, так же хорошо сливающихся с местностью здесь, как и в Трехкратной земле. Эфалин, короткие седеющие волосы которой прикрывала обмотанная вокруг головы *шурфа*, время от времени поглядывала в сторону Севанны; она явно тревожилась – в той степени, в какой такое вообще может быть сказано о Деве Копья. Некоторые Девы Шайдо отправились на юг, присоединились к глупцам, пляшущим вокруг Ранда ал'Тора, и Севанна не сомневалась, что оставшиеся не раз обсуждали произошедшее. Эфалин, похоже, волновало, насколько это уравнило то, что Девы сопровождали Севанну, как будто та прежде сама была *Фар Дарайз Май*. Ну, Эфалин, по крайней мере, точно знала, в чьих руках находится истинная власть.

Мужчины, возглавлявшие различные воинские сообщества Шайдо, не сводили глаз со склона холма, время от времени бросая быстрые взгляды и друг на друга. В особенности это относилось к туповатому Маерику, главе *Сейя Дун*, и Бендуину, чье лицо покрывали многочисленные шрамы, из *Фар Алдазар Дин*. После сегодняшнего дня ничто больше не удержит Шайдо от того, чтобы послать в Руидин мужчину, который, если останется жив, станет вождем клана. Пока этого не произошло, от имени вождя клана говорила Севанна – с тех пор, как стала вдовой последнего из них. Последних двух вождей. И пусть те, кто шепчет по углам, что она принесла клану неудачу, успокоятся на этом.

Браслеты из драгоценной поделочной кости и золота тихо звякнули, когда она поправила темную шаль на плечах и многочисленные ожерелья. Большая часть последних тоже была из золота или резной кости, но одно украшали жемчужины и рубины – прежде оно принадлежало знатной мокроземке, которая теперь носила белое и гнула спину, прислуживая среди прочих *гай'шайн* в горах, называемых Кинжал Убийцы Родичей, – с него же свисал рубин величиной

с небольшое куриное яйцо, который очень уютно устроился точно в ложбинке груди. Мокроземцы приносили богатую добычу. Большой изумруд на пальце Севанны, казалось, ловил солнечный свет и преображал его в зеленый огонь. Носить кольца на пальцах – еще один из обычаев мокроземцев, заслуживающий того, чтобы его перенять, и не имело значения, что из-за этого кольца все взгляды то и дело устремлялись на нее. Севанна носила бы еще больше колец, попади ей в руки такие, которые были бы под стать великолепию этого камня.

Большинство мужчин полагали, что именно Маерик или Бендуин первыми получают от Хранительниц Мудрости разрешение попытать счастья в Руидине. Только Эфалин подозревала, что никто его не получит, но и она не больше чем подозревала; к тому же она достаточно осторожна, чтобы не делиться своими подозрениями с Севанной или с кем бы то ни было еще. Их заскорузлые мозги продолжали цепляться за старое. Поистине, насколько Севанну снедало нетерпение и страстное желание поскорее освоить все новое, настолько же отчетливо она понимала, что делать это нужно не спеша. Много, очень много в их подходе к жизни уже претерпело изменения с тех пор, как Шайдо перевалили через Драконову Стену и оказались в мокрых землях – все еще мокрых, если сравнивать их с Трехкратной землей, – и все же гораздо больше еще предстояло изменить. Когда Ранд ал'Тор окажется у нее в руках, когда она выйдет замуж за *Кар'а'карна*, вождя вождей всех Айил, – все, что мокроземцы болтали о Драконе Возрожденном, было, конечно, полной глупостью, – будет положено начало новому способу назначения вождей и кланов, и септов. Возможно, даже руководителей воинских сообществ. Ранд ал'Тор станет назначать их. Конечно, она будет указывать ему, кого именно и куда. И это будет только начало. Заслуживал внимания, например, обычай мокроземцев передавать высокое звание и власть по наследству – сначала своим детям, потом детям своих детей и так далее.

Ветер неожиданно подул сильнее, сменив направление на южное. Его завывания могли заглушить звуки, издаваемые лошадьми и повозками мокроземцев.

Севанна снова поправила шаль, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. Ни в коем случае нельзя обнаруживать свое беспокойство, чего бы это ни стоило. Однако быстрый взгляд вправо убедил ее, что можно не волноваться по этому поводу. Там тесной толпой сгрудились свыше двухсот Хранительниц Мудрости Шайдо; при обычных обстоятельствах по крайней мере некоторые из них не сводили бы с нее глаз, точно хищные грифы, но сейчас все взгляды были устремлены на холм. Кое-кто из них явно выказывал свою обеспокоенность, судя по тому, как они поправляли шали и приглаживали объемистые юбки. Севанна презрительно скривила губы. На некоторых из этих лиц бисером выступил пот. Пот! Куда подевалась их гордость? Как можно до такой степени забыться и выставять на всеобщее обозрение свою тревогу?

Всех охватило напряжение, правда едва заметное, когда на гребне холма появился юноша из *Совин Най* и, опустив вуаль, заторопился вниз. Как и положено, он подошел прямо к ней, но, к ее неудовольствию, заговорил слишком громко, так что слышали все окружающие:

– Они выслали вперед разведчиков, и одному из них удалось скрыться. Он ранен, но все еще на коне.

Предводители сообществ задвигались еще до того, как юноша закончил говорить. Так не положено. Если бы шел бой, тогда другое дело, тогда Севанна позволила бы им командовать – сама она лишь несколько раз в жизни держала в руках копье, – но не сейчас. Нельзя допускать, чтобы они хоть на мгновение забывали, кто она такая.

– Все копия до единого – немедленно в бой! – громко приказала она. – Главное – не дать им опомниться.

Они, все как один, повернулись к ней.

– Все копия? – недоверчиво переспросил Бендуин. – Ты имеешь в виду – кроме тех, которые нужны для прикрытия?..

Вспыхнув, вмешался Маерик, не дав Бендуину договорить:

– Если у нас не останется резервов, мы можем оказаться...

Севанна прервала обоих:

– Все копья! Мы станцует с этими Айз Седай. Мы должны немедленно уничтожить их!

Лица Эфалин и большинства остальных по-прежнему оставались бесстрастными, но Бендуин и Маерик хмурились, явно собираясь возражать. Глупцы. Перед ними всего несколько дюжин Айз Седай, всего несколько сот вооруженных мокроземцев, а у них больше сорока тысяч *алгай'д'сисвай*! Так нет, они все равно будут стоять на своем, скулить, что надо обеспечить прикрытие из разведчиков и держать копья в резерве, как будто оказались лицом к лицу с другими айильцами или целой армией мокроземцев.

– Я говорю от имени вождя клана Шайдо. – Лишнее напоминание не повредит. – Их всего горстка. – Теперь Севанна бросала каждое слово с презрением. – Их ничего не стоит догнать, если, конечно, копья поторопятся. Вы, по-моему, собирались до восхода солнца отомстить за Дизэйн? Мне кажется или я и впрямь чувствую запах страха? Страх перед несколькими десятками мокроземцев? Куда подевалась честь Шайдо?

От этих слов лица у них стали каменными, чего она и добивалась. Даже глаза Эфалин засверкали, точно серые полированные жемчужины, когда ее пальцы задвигались в языке жестов Дев. Предводители сообществ устремились вверх по склону, и Девы, окружавшие Севанну, последовали за ними. Это было не совсем то, чего она добивалась, но, по крайней мере, все копья пришли в движение. Даже находясь в ложбине, она видела, как, казалось, прямо из-под земли возникали фигуры, облаченные в кадин'сор, и торопливо устремлялись на юг таким широким шагом, что им ничего не стоило догнать лошадей. Сейчас некогда тратить время на разговоры. Однако позднее нужно непременно поговорить с Эфалин, решила Севанна и повернулась к Хранительницам Мудрости.

Они были специально отобраны среди сильнейших Хранительниц Мудрости Шайдо, способных направлять Единую Силу, из расчета шесть-семь человек на каждую Айз Седай из окружения Ранда ал'Тора, и все же Севанна остро ощущала их неуверенность. Они пытались скрыть ее за своими застывшими лицами, но от этого она никуда не делась, проявляясь в беспокойном движении глаз и в том, как они время от времени облизывали губы. Сегодня падут многие старые традиции, такие же могущественные, как закон. Хранительницы Мудрости не должны принимать участия в сражениях. Хранительницы Мудрости должны держаться подальше от Айз Седай. Из древних сказаний им было известно, что когда-то Айил служили Айз Седай, но, провинившись перед ними, были сосланы в Трехкратную землю и что им суждено погибнуть, если они когда-нибудь снова подведут Айз Седай. До них доходили рассказы о том, что первым делом заявил Ранд ал'Тор: Айил как часть своего служения Айз Седай поклялись никогда не прибегать к насилию.

Сама Севанна была уверена, что все эти рассказы – сплошная ложь, и все же она неоднократно убеждалась в том, что Хранительницы Мудрости верят им. Никто не говорил ей этого, конечно, но она все равно знала. Для того чтобы стать Хранительницей Мудрости, ей тоже следовало совершить два путешествия в Руидин, однако она прекрасно обошлась без этого. Тем не менее остальные признали ее, хотя многие с явной неохотой. Теперь им не оставалось ничего другого, как продолжать и дальше мириться со всеми теми новшествами, которые она намеревалась внести в их жизнь. Бессмысленные традиции должны быть вырваны с корнем и заменены новыми.

– Айз Седай, – негромко произнесла Севанна. С приглушенным звоном браслетов и ожерелий Хранительницы Мудрости тут же склонились к ней, ловя каждое слово. – Они захватили Ранда ал'Тора, Кар'а'карна. Мы должны вызволить его. – (Некоторые из них слушали ее, сохраняя хмурое выражение лица. Большинство полагало, что ею двигало стремление отомстить за смерть Куладина, ее второго мужа. Им было понятно это желание, но только ради него одного они не пришли бы сюда.) – Айз Седай! – От гнева она уже почти шипела. – Мы

держим свое слово, а они свое – нет. Мы не применяем насилия, как и поклялись, а они пользуются этим. Вы знаете, как погибла Дизэйн. – (Конечно, они знали, это можно было понять по их вспыхнувшим взглядам, неотрывно прикованным к ее лицу. Убийство Хранительницы Мудрости приравнивалось к убийству беременной женщины, ребенка или кузнеца. Некоторые из этих женщин знали даже значительно больше остальных, и это тоже можно было прочесть в их взглядах. Терава, Риэль и кое-кто еще.) – Если мы допустим, чтобы эти женщины остались безнаказанными, значит *мы* хуже животных, у *нас* нет чести. Но *я* своей не поступлюсь.

Решив, что с них достаточно, Севанна с достоинством подобрала юбки и с высоко поднятой головой устремилась вверх по склону, даже не оглянувшись. Она не сомневалась, что остальные следуют за ней. Терава, и Норлия, и Дэйлин позаботятся об этом, и Риэль, и Тион, и Мейра, и остальные из числа тех тринадцати, кто несколько дней назад вместе с ней присутствовал при том, как Айз Седай избили Ранда ал'Тора, а потом засунули обратно в деревянный сундук. Ее напоминание даже в большей степени относилось именно к ним, и она не сомневалась, что они не осмелятся ослушаться ее. Правда о том, как на самом деле умерла Дизэйн, намертво связала их с ней.

Хранительницам Мудрости приходилось бежать, перекинув край юбки через руку, и они, конечно, не могли развить такую скорость, как алгай'д'сисвай в кадин'сор. Однако, пусть с трудом, они бежали, лишь немного отставая от остальных. Пять миль через низкие округлые холмы – не такая уж долгая пробежка. Перевалив через очередной гребень, они увидели, что танец копий уже начался. Отчасти.

Тысячи алгай'д'сисвай образовали огромное озеро серо-коричневых волн с черными крапинками вуалей. Оно плескалось вокруг образовавших кольцо повозок мокроземцев, а те, в свою очередь, окружали небольшую группу деревьев из тех, которые часто встречались в этой местности. От гнева у Севанны перехватило дыхание. У Айз Седай хватило времени даже на то, чтобы собрать вместе всех своих лошадей. Окружив повозки, копыта неуклонно сужали круг, осыпая их стрелами, которые, однако, будто наталкивались на невидимую стену. Сначала некоторые стрелы, летящие выше этой стены, проходили над ней, потом и они стали ударяться о невидимую преграду и отскакивать. Глухой ропот пронесся по толпе Хранительниц Мудрости.

– Видите, что творят Айз Седай? – закричала Севанна, будто тоже была способна разглядеть плетение из Единой Силы. Она с трудом сдержала усмешку. Свет, до чего же глупы эти Айз Седай, с их Тремя Клятвами, о которых они столько толкуют! Когда до них наконец дойдет, что Сила просто создана для того, чтобы использовать ее как оружие, а не возводить с ее помощью всякие дурацкие преграды, может оказаться уже слишком поздно. При условии, конечно, что Хранительницы Мудрости очнутся и примутся за дело, вместо того чтобы стоять, вытаращив глаза. Где-то в этих повозках, наверно, все еще лежал скрючившись Ранд ал'Тор, засунутый в сундук, точно рулон шелка. Все расчеты Севанны строились на том, чтобы захватить его. Если Айз Седай смогли справиться с ним, то и она сможет – с помощью Хранительниц Мудрости. А когда он поймет, что его ожидает, он и сам... – Терава, бери половину Хранительниц Мудрости и заходи с ними с запада. Ударите, как только мы начнем. Айз Седай должны ответить за Дизэйн. Мы заставим их заплатить такой *тох*, какого никто и никогда не выплачивал прежде.

Хранительницы Мудрости понятия не имели, о каком долге чести идет речь, поэтому с ее стороны было глупым хвастовством упоминать о нем, и все же это сработало. В гневном ропоте Хранительниц Мудрости то и дело слышались яростные обещания заставить Айз Седай заплатить свой *тох*. Молчали лишь те, кто по приказу Севанны убивал Дизэйн. Терава на мгновение чуть поджала узкие губы, потом все же выдавила из себя:

– Хорошо, Севанна.

Севанна вприпрыжку повела свою половину Хранительниц Мудрости на восточную сторону поля сражения – если то, что происходило, можно было так назвать. Ей страстно хотелось остаться наверху, откуда открывался хороший обзор, – именно так поступает вождь клана,

направляя танец копий, – но это было единственное, в чем она не нашла поддержки даже у Теравы и остальных, тех, кто посвящен в тайну гибели Дизэйн. Хранительницы Мудрости изломанной линией выстроились перед алгай'д'сисвай, резко выделяясь на их фоне, – белые блузы из *алгода*, темные шерстяные юбки и шали, сверкающие браслеты и ожерелья, длинные, до талии, волосы, перехваченные темными шарфами, концы которых опускались на спину. Хранительницы приняли решение участвовать в танце копий, и Севанна не сомневалась, что они не останутся в стороне. И все же вряд ли они в полной мере отдавали себе отчет в том, что сейчас истинное сражение – это именно *их* сражение. Сегодняшний день должен изменить все, и захват Ранда ал'Тора – лишь ничтожно малая часть и начало этих перемен.

Среди алгай'д'сисвай, не сводивших глаз с повозок, только по росту можно было отличить Дев. Их лица укрывали вуали и шуфы, а кадин'сор – это кадин'сор, независимо от разницы в покрое, связанной с принадлежностью к тому или иному сообществу, клану или септу. Те, кто находился во внешнем кольце окружения, выглядели сбитыми с толку; ожидая, пока события начнут наконец разворачиваться, они угрюмо ворчали себе под нос. Их можно понять. Они настроились на молниеносный танец с Айз Седай и теперь нетерпеливо топтались на месте, находясь слишком далеко позади даже для того, чтобы пустить в ход луки, которые все еще висели в кожаных чехлах за спиной у каждого. Не следовало заставлять их ждать слишком долго – если Севанна хотела выполнить задуманное.

Уперев руки в бедра, она обратилась к своим Хранительницам Мудрости:

– Те, кто находится к югу от меня, пусть разрушают защиту Айз Седай. Те, кто к северу, пусть нападают. Вперед, копья! – Отдав приказ, она повернулась, чтобы своими глазами увидеть, как будут уничтожены Айз Седай, воображающие, что их защита непробиваема.

И ничего не произошло. Вся масса алгай'д'сисвай забурлила, но без малейшего толку; самые громкие звуки были вызваны случайным постукиванием копий по щитам. Севанну душил гнев, но она изо всех сил сдерживала его. Она была так уверена, что предъявленного им трупа зверски убитой Дизэйн достаточно, чтобы они раскачались! Так нет же, им все еще казалось немыслимым напасть на Айз Седай. Неужели ей придется палкой гнать их в бой? Срамить их, упирая на то, что они ни на что не годны, кроме как носить белое, точно гай'шайн?

Внезапно огненный шар величиной с человеческую голову, раскаленный и шипящий, по дуге полетел к повозкам, потом еще один, и еще – дюжины. Напряжение, от которого все внутри у нее было точно стянуто узлом, немного ослабело. С запада, оттуда, где находились Терава и остальные, неслись новые шары, их было даже больше. От вспыхнувших повозок повалил дым, сначала серые, едва различимые струйки, потом густеющие на глазах черные столбы. Ропот алгай'д'сисвай зазвучал тоном выше, передние ряды двинулись наконец к повозкам, задние напирала со все возрастающей силой. Ветер донес со стороны повозок крики – люди ревели от гнева, пронзительно вскрикивали от боли. Какие бы преграды ни воздвигли Айз Седай, они явно не устояли. Начало положено, конец приближался, и он мог быть только один. Ранд ал'Тор будет принадлежать ей; он подарит ей власть над всеми Айил, а с ними перед ней не устоят и мокроземцы. И прежде чем умереть, он подарит ей дочерей и сыновей, которые возглавят Айил после нее. Эта мысль была приятна; ничего удивительного – ведь он красив, силен и молод.

Она, конечно, не ожидала, что Айз Седай сдадутся без боя, и оказалась права. На копья тоже обрушились огненные шары, превращая в пылающие факелы облаченные в кадин'сор фигуры. С чистого неба начали бить молнии, взметая в воздух людей и комья земли. Хранительницы Мудрости учились прямо на ходу, хотя, даже не подозревая об этом, они, возможно, и прежде все умели, просто не решались пустить в ход свои способности. Большинство из них направляли Силу очень редко, особенно в присутствии посторонних, поэтому зачастую они и сами не отдавали себе отчета в том, на что способны. Как бы то ни было, теперь молнии падали не только среди копий Шайдо, но и среди фургонов.

Не все они достигали своей цели. Огненные шары, некоторые величиной с конскую голову, и серебряные молнии, похожие на упавшие с небес копьа, зачастую просто вонзались в землю, или неожиданно устремлялись в сторону, точно ударившись о невидимую преграду, или взрывались высоко в воздухе, или просто бесследно исчезали. Рев и грохот, крики и стоны со всех сторон. Севанна с восхищением смотрела на небо. Это походило на выступления иллюминаторов, о которых она читала.

Внезапно мир перед Севанной ослепительно вспыхнул белым. Севанне показалось, что она плывет. Когда в глазах прояснилось, оказалось, что Севанна лежит на земле довольно далеко от того места, где только что стояла. Все тело болело, она задыхалась и была полужасыпана разбросанной землей. Волосы на голове встали дыбом. Вокруг рваной ямы в земле, не меньше спана в поперечнике, раскидало других Хранительниц Мудрости; от их одежды поднимались тонкие струйки дыма. Упали не все – битва молний и огненных шаров в небе продолжалась, – но слишком многие. Следовало сделать все, чтобы уцелевшие снова включились в танец.

Глубоко вздохнув, Севанна с трудом поднялась на ноги, даже не подумав отряхнуться.

– Жмите, копьа! – закричала она.

Обхватив лежащую ничком Эстелайн за худые плечи, она потянула ее вверх, заставляя подняться, с опозданием поняла по широко распахнутым голубым глазам, что та мертва, и уронила тело. Бросилась к ошеломленной Дорайлле, заставила ее встать на ноги, выхватила копье у упавшего Громоходца и замахала им:

– Копья, вперед!

Некоторые Хранительницы Мудрости, казалось, поняли ее буквально и бросились в стороны, освобождая дорогу алгай'д'сисвай. Другие заметно приободрились и кинулись помогать тем, кто еще мог подняться. Буря огня и молний между тем продолжалась, все усиливаясь по мере того, как Севанна перебегала от одной Хранительницы Мудрости к другой и кричала, размахивая своим копьем:

– Нажмите, копьа! Вперед, копьа!

Ей стало почти весело; да-да, она засмеялась! Этого ей всегда так не хватало – вздыбившаяся земля, летящие над головой молнии и бушующее вокруг сражение. Никогда прежде не было у Севанны возможности дать такой полный выход своим чувствам. Она почти пожалела о том, что когда-то не выбрала для себя путь Девы Копья. Почти. Ни одна женщина из Фар Дарайз Май не могла стать вождем клана – точно так же, как ни один мужчина не мог стать Хранительницей Мудрости. Дева, стремящаяся к власти, должна была отказаться от копьа и стать Хранительницей Мудрости. Севанна, однако, пошла другим путем. Став женой вождя клана, она добилась власти в таком возрасте, когда Деве не доверяют даже носить копье, а ученице Хранительниц Мудрости – подавать воду. И теперь она имела все, была и Хранительницей Мудрости, и вождем клана, хотя придется еще немало потрудиться, чтобы это последнее звание принадлежало ей по праву. Сами по себе звания значили не много, раз у нее была реальная власть, но почему бы и не иметь их?

Неожиданный вопль, раздавшийся позади, заставил Севанну обернуться, и она с изумлением и ужасом увидела косматого серого волка, вцепившегося Дозере в горло. Не раздумывая, она с силой вонзила копье зверю в бок. Волк изогнулся, пытаясь зубами схватить древко, а в это время мимо нее пронесся другой, огромный, ростом ей по пояс, и прыгнул на спину одного из алгай'д'сисвай. И еще, и еще – всюду, куда бы Севанна ни бросала взгляд, один за другим волки кидались на людей в кадин'сор и рвали их на части.

Она вытащила копье из мертвого волка с острым ощущением суеверного ужаса. Айз Седай призвали волков, чтобы сражаться с ними. Она не могла отвести взгляда от волка, которого убила. Айз Седай призвали... Нет. Нет! Это ничего не меняло. Она не допустит, чтобы это повлияло на ее планы.

В конце концов она заставила себя оторвать взгляд от волка и только собралась снова громкими возгласами подхлестывать Хранительниц Мудрости, как увидела такое, от чего язык замер у нее во рту, а глаза чуть не выскочили из орбит. Кучка мокроземцев на лошадях, в красных шлемах и кирасах, в самой гуще алгай'д'сисвай, наносили удары налево и направо, орудуя мечами и длинными пиками. Откуда они взялись?

Она не отдавала себе отчета в том, что произнесла эти слова вслух, пока не услышала ответ Риэль:

– Я пыталась заговорить с тобой, Севанна, но ты точно оглохла. – Огненноволосая женщина с видимым отвращением смотрела на ее окровавленное копье; Хранительницам Мудрости не разрешалось брать в руки оружие. Севанна нарочитым жестом положила копье на сгиб локтя, как обычно делали вожди кланов, а Риэль между тем продолжала: – Мокроземцы напали с юга. Мокроземцы и *сисвай'аман*. – Последнее слово она произнесла со всем доступным ей презрением; а как еще можно говорить о тех, кто называл себя Копьями Дракона? – С ними есть и Девы. И... Хранительницы Мудрости.

– Сражаются? – недоверчиво спросила Севанна, но тут же поняла, что ее вопрос лишен смысла. Если она сумела отбросить устаревшие обычаи, что же удивительного в том, что то же самое сделали эти глупые женщины, которые все еще называли себя Айил? Хотя такого она от них не ожидала. Вне всякого сомнения, их привела Сорилея; эта уже немолодая женщина напоминала Севанне лавину, несущуюся с горы и сметающую все на своем пути. – Мы должны немедленно напасть на них. Ранд ал'Тор не достанется им. Иначе мы не сможем отомстить за Дизэйн, – поспешно добавила она, увидев, как расширились глаза Риэль.

– Они – Хранительницы Мудрости, – безжизненно произнесла Риэль, и Севанна с горечью поняла, что за этим стояло.

Участвовать в танце копий достаточно скверно само по себе, но нападение одних Хранительниц Мудрости на других не могла одобрить даже Риэль. Она согласилась с тем, что Дизэйн должна умереть. Каким еще способом можно было заставить Хранительниц Мудрости напасть на Айз Седай, не говоря уже об алгай'д'сисвай, без чего не заполучить в свои руки Ранда ал'Тора, а с ним и власть над всеми Айил? И все же оно было совершено втайне, и знали о нем лишь те женщины, которые согласились с таким решением. Остальные не должны были ничего знать – они бы просто не поняли. Глупцы и трусы, все до одного!

– Тогда сражайся с тем, с кем можешь, Риэль. – Севанна с презрением выплевывала каждое слово, но Риэль лишь кивнула, поправила шаль, бросила еще один взгляд на копье в руке Севанны и вернулась на свое место среди Хранительниц Мудрости.

Может быть, все-таки существовал способ сделать так, чтобы те, другие Хранительницы Мудрости, напали первыми. Жаль, что не удалось застать их врасплох, но любой ценой нельзя допустить, чтобы Ранда ал'Тора вырвали прямо у нее из рук. Чего бы она только не отдала за женщину, которая была бы способна направлять и, не артачась, делала то, что ей прикажут! Чего бы она только не отдала за то, чтобы оказаться на возвышении, откуда видно, как идет сражение!

Высоко вскинув копье и настороженно высматривая волков – те, которых она видела, либо все еще нападали на людей в кадин'сор, либо были уже мертвы, – Севанна снова принялась подбадривать сражающихся криками. В южной стороне огненные шары и молнии падали сейчас среди Шайдо чаще, чем прежде, тем не менее, насколько могла судить Севанна, это не имело значения. Земля все так же взлетала в воздух, и сражение продолжалось не ослабевая.

– Нажмите, копья! – закричала она, размахивая своим копьем. – Нажмите!

Среди взбаламученного моря алгай'д'сисвай она не видела больше никого из этих глупцов, которые повязывали голову красными тряпками и называли себя сисвай'аман. Наверно, их было слишком мало, чтобы они могли повлиять на ход событий. Вообще, кучки мокроземцев

выглядели едва различимыми островками, затерявшимися среди Айил. Прямо у нее на глазах нескольких всадников облепили со всех сторон и свалили наземь, осыпая ударами копий.

– Жмите, копыя! Вперед, копыя!

Торжество звенело в голосе Севанны. Даже если бы Айз Седай призвали на помощь десять тысяч волков, а Сорилея привела тысячу Хранительниц Мудрости и сто тысяч копий, Шайдо все равно должны сегодня одержать победу. Шайдо и она сама. Севанна из Джумай Шайдо – это имя останется в памяти навсегда.

Неожиданно все звуки сражения перекрыл глухой гул. Он, казалось, исходил оттуда, где сгрудились фургоны Айз Седай, но Севанна не могла понять, что породило его. Она терпеть не могла того, чего не понимала, но не стала расспрашивать Риэль или кого бы то ни было еще, не желая обнаружить свое незнание. Она не обладала теми способностями, которые все они имели и которые так низко ценили. И хотя сами они не придавали им особого значения, ее это задевало. Потому что существовало еще кое-что, чего она терпеть не могла, – когда другие обладали силой, которой не было у нее.

Среди алгай'д'сисвай внезапно ослепительно полыхнуло – будто повернули что-то сверкнувшее. Севанна заметила это краешком глаза, но не поняла, в чем дело, а взглядевшись, ничего особенного не обнаружила. Все как будто шло по-прежнему, но тут где-то с краю снова возникла вспышка, и снова Севанна, сколько ни вглядывалась, ничего не увидела. Слишком многое из происходящего было выше ее понимания.

Продолжая подбадривать сражающихся криками, она бросала внимательные взгляды на Хранительниц Мудрости Шайдо. Лица у них были испачканы, шарфы свалились, длинные волосы рассыпались по плечам, юбки и блузы покрыты пылью или даже опалены. По крайней мере дюжина из них лежала и стонала, семь или даже больше не двигались, шали закрывали их лица. Однако те, кто ее интересовал, остались на ногах. Риэль и Аларис, с ее редкими у Айил черными волосами, торчащими в разные стороны. Сомерин, которой нравилось носить блузу незашнурованной – так она стремилась показать, что природа одарила ее кое-чем больше, чем саму Севанну, – и Мейра, чье удлиненное лицо выглядело еще суровее обычного. Крепкая Тион, и тощая Белинда, и Модарра, ростом не уступавшая большинству мужчин.

Что это были за вспышки? Если они придумали что-то новое, им следовало сказать ей. Тайна Дизэйн намертво связала их с ней. Если все раскроется, любая замешанная в это дело Хранительница Мудрости проведет оставшуюся часть жизни в страданиях – хуже того, в позоре, – выплачивая свой тох. В лучшем случае ее обнаженной изгонят в пустыню, чтобы она выжила там или умерла, как получится, но, скорее всего, просто убьют, точно дикого зверя. И тем не менее, несмотря на связывающую их тайну, Севанна была уверена, что они получали немало удовольствия – так же, как и все остальные, – утаивая от нее те умения, которые Хранительницы Мудрости приобретали во время своего ученичества и позже, когда отправлялись в Руидин. Это непременно следовало изменить, но позднее. Сейчас не время выставять напоказ свою слабость, прося объяснить, что именно они предприняли.

Вернувшись к сражению, Севанна обнаружила, что равновесие нарушилось, и явно в ее пользу. В южной стороне огненные шары и стрелы молний так же редко достигали своей цели, как и раньше, но не здесь, прямо перед ней, и не к западу и к северу. Айз Седай больше не нападали, даже их защита слабела прямо на глазах. Она *побеждала*!

От этой мысли ее обдало жаром, и в то же мгновение Айз Седай полностью прекратили сопротивление. Только в южной стороне атака на алгай'д'сисвай еще продолжалась. Севанна открыла было рот, чтобы провозгласить победу, но вовремя остановилась. Огненные шары и молнии Хранительниц Мудрости Шайдо неслись к повозкам и... разбивались о невидимую преграду. Дым, поднимающийся от горящих фургонов, постепенно начал обрисовывать контур этой преграды, которая больше всего походила на свод с отверстием наверху, через которое дым и вытекал наружу.

Севанна вихрем сорвалась с места и мгновенно оказалась прямо перед Хранительницами Мудрости. Некоторые из них отпрянули – может, из-за выражения ее лица, а может, и из-за копы в ее руке. Она знала, что выглядит так, будто в любой момент пустит его в ход, – так и было.

– Чего вы ждете? – в ярости закричала она. – Вы должны разрушать все, что они создают! Нельзя допускать, чтобы они окружали себя такими высокими стенами!

У Тион был такой вид, точно ее вот-вот вырвет, но она уперла кулаки в широкие бедра и посмотрела прямо в лицо Севанне:

– Это сделали не Айз Седай.

– Не Айз Седай? – брызжа слюной, закричала Севанна. – Тогда кто? Их Хранительницы Мудрости? Я говорила, что мы должны напасть на них!

– Это сделали не женщины, – дрожащим голосом произнесла Риэль, лицо у нее побелело как мел. – Это сделали не... – Она судорожно сглотнула.

Сердце у Севанны ухнуло, она повернулась, чтобы снова взглянуть на купол, и у нее перехватило дыхание. Что-то поднималось через дыру, из которой валил дым. Одно из знамен мокроземцев. Дым, конечно, мешал рассмотреть его как следует, но кое-что было видно. Темно-красное, с диском посредине, наполовину белым, наполовину черным, разделенным волнообразной линией. Оно напоминало те куски ткани, которые носили сисвай'аман. Знамя Ранда ал'Тора. Неужели он сумел вырваться на свободу, разделаться со всеми Айз Седай и поднять свое знамя? Скорее всего, так оно и было.

Ураган пламени все еще обрушивался на купол, но за спиной Севанны послышался ропот. Эти женщины готовы отступить. Но не она. Она всегда знала, что легче всего добиться власти, завоевав сердце мужчины, который этой властью уже обладает. Еще ребенком она не сомневалась, что от природы наделена оружием, с помощью которого сможет подчинить себе любого из них. Суладрик, вождь клана Шайдо, не устоял перед ней, когда ей было шестнадцать, а после его смерти она выбирала из тех, кто более уверенно мог привести ее к успеху. Мурадин и Куладин – каждый был убежден, что она интересуется только им одним. Когда Мурадин не вернулся из Руидина – это нередко случалось с мужчинами, – одной ее улыбки оказалось достаточно, чтобы Куладин вообразил, будто одержал над ней победу. Конечно, власть вождя клана бледнела по сравнению с властью Кар'а'карна, но то, что она видела перед собой... Севанна затрепетала, будто внезапно увидела в палатке-парильне самого прекрасного мужчину, которого только могла вообразить. Если бы Ранд ал'Тор принадлежал ей, она владела бы всем миром.

– Поднажмите! Давайте! – снова закричала она. – Вперед! За Дизэйн! Мы сокрушим этих Айз Седай! – А она получит Ранда ал'Тора.

Внезапно шум сражения, крики и стоны впереди усилились. Проклятье! Отсюда, снизу, невозможно толком что-либо разглядеть. Она снова прикрикнула на Хранительниц Мудрости, но тщетно – с каждым мгновением огненный вал, обрушивающийся на купол, слабел. А потом произошло то, что было доступно взгляду с любого места.

С оглушительным грохотом взлетели в воздух земля и ближайшие к повозкам фигуры, одетые в кадин'сор, и не где-нибудь в одном месте, а по всей линии. И тут же снова, и еще, и еще, каждый раз немного дальше от фургонов. Не линия, а сплошное расширяющееся кольцо взрывающейся земли – и гибнущих воинов Шайдо и Дев. Уцелевшие бросились врассыпную. Взрыв за взрывом, снова, снова и снова – и внезапно алгай'д'сисвай помчались мимо Севанны – убегая!

Севанна лупила их своим копьём, била по голове и плечам, не обращая внимания на то, что его наконечник покраснел от крови.

– Стойте! Сражайтесь! Стойте ради чести Шайдо! – (Они мчались как вихрь, ничего не замечая.) – Где ваша честь? Стойте! В бой! – Копье вонзилось в спину убегающей Деве,

и та упала, но остальные, не останавливаясь, лишь топтали ее ногами. Внезапно до Севанны дошло, что многие Хранительницы Мудрости тоже сбежали, а остальные выглядели так, точно повредились умом. Риэль повернулась, чтобы ринуться вслед за другими, и Севанна схватила ее за руку, угрожая копьем. В этот момент ее не волновало, что Риэль способна направлять. – Куда ты? Стой! Мы еще можем захватить его!

Лицо женщины застыло, превратившись в маску страха.

– Мы все погибнем, если останемся здесь! Или нас поймают и бросят в оковах у палатки Ранда ал'Тора! Если хочешь, Севанна, оставайся и умри. Я – не Каменный Пес! – Резким движением вырвав руку, Риэль бегом устремила на восток.

Еще мгновение Севанна оставалась на месте. Охваченные паникой мужчины и Девы толкали ее со всех сторон, но она не замечала этого. Потом она отшвырнула копье и ощупала висящую у пояса суму, где среди прочих нужных вещей лежал маленький каменный кубик, покрытый замысловатой резьбой. Хорошо, что она в свое время не выбросила его. Если у лука лопнула тетива, можно натянуть другую, напомнила она себе. Высоко подобрав юбки, чтобы не мешали двигаться, Севанна влилась в поток отступавших, но если все остальные мчались, охваченные ужасом, она бежала целеустремленно, и в голове у нее, как обычно, вертелись самые разные планы. Ранд ал'Тор еще *будет* стоять перед ней на коленях. И Айз Седай тоже.

* * *

В конце концов Алвиарин покинула покои Элайды. Внешне предельно спокойная и собранная, как всегда, она чувствовала себя мокрой тряпкой, которую, выкрутив, как следует выжали. Приходилось даже прикладывать усилия, чтобы просто-напросто не упасть, спускаясь по бесконечным мраморным лестницам. Слуги в ливреях кланялись или приседали в реверансе и тут же испуганно спешили дальше по своим делам, видя перед собой лишь хранительницу летописей, ступающую со всей присущей Айз Седай безмятежностью. По мере того как она спускалась все ниже, начали попадаться сестры. У многих на плечах были шали, отделанные бахромой цвета той Айя, к которой они принадлежали, будто они хотели таким образом подчеркнуть, что *на самом деле* являются полноправными сестрами. Все они, проходя мимо, поглядывали на Алвиарин по большей части тревожно. Только одна просто не заметила ее – Данелле, Коричневая, вечно пребывающая в мечтах. Она принимала горячее участие в низвержении Суан Санчей и возвышении Элайды, но впоследствии настолько погрузилась в свои мысли, что отдалилась от всех и лишилась друзей даже в собственной Айя; она, казалось, не заметила Алвиарин или просто не догадалась посторониться. Остальные же догадывались об этом даже слишком хорошо. Бериша, тощая, с безжалостным взглядом Серая, и Кера, голубоглазая и светловолосая, что редкость среди тайренцев, высокомерная, как все Зеленые, отошли от хранительницы летописей как можно дальше, едва присев. Норайн сначала как будто собралась склониться в реверансе, но раздумала; большеглазая, временами почти такая же заторможенная, как Данелле, и тоже не имеющая друзей, она терпеть не могла Алвиарин. По ее мнению, если уж хранительницей оказалась сестра из Белой Айя, то ею должна была стать она, Норайн Доварна.

Сестры вовсе не обязаны были приседать в реверансе, встречаясь с хранительницей летописей. Но конечно, все они понимали, что, стоя так близко к Элайде, она в случае чего сможет походайтствовать перед ней, и потому считали своим долгом проявить почтение. В глазах многих можно было прочесть немой вопрос, какие новые приказания получила Алвиарин и какая сестра сегодня имела несчастье навлечь на себя недовольство Амерлин. Даже Красные старались держаться подальше от Элайды и без вызова не появлялись даже в апартаментах, расположенных пятью этажами ниже новых покоев Амерлин, а многие и в самом деле прятались, когда Элайда спускалась вниз. Сам воздух, раскаленный и почти осязаемо вязкий,

был, казалось, пропитан страхом. Еще бы – и мятежницы, и эти ужасные мужчины, способные направлять Силу, до сих пор разгуливали на свободе.

Некоторые сестры пытались заговорить с Алвиарин, но та, забыв о вежливости, проходила мимо, не замечая, какое беспокойство порождало в них ее нежелание остановиться. Элайда, и только Элайда не выходила у нее из головы – так же, как у многих из них. Очень она непроста, Элайда. При первом взгляде она казалась красавицей, полной достоинства и благородной сдержанности, при втором – женщиной, чья душа выкована из стали, безжалостной, точно обнаженный клинок. Она брала нахрапом там, где другие действовали убеждением, наносила сокрушительные удары тогда, когда другие прибегали к дипломатии или Игре Домов. Любой знающий ее не мог не согласиться с тем, что она умна, но требовалось некоторое время, чтобы понять: при всем своем уме она часто принимала желаемое за действительное. Если же какие-то реалии жизни упорно шли вразрез с ее представлениями, Элайда не останавливалась ни перед чем, чтобы добиться своего. Две ее совершенно неоспоримые черты пугали Алвиарин; менее важная состояла в том, что она на удивление часто добивалась успеха. Вторая была гораздо существеннее – талант Предсказания.

Странный талант и очень редкий – все давным-давно и думать забыли о нем. Никто не ожидал, что он у кого-нибудь проявится, и, когда это произошло, все были просто ошарашены. Никто, даже сама Элайда, не мог заранее сказать, когда нахлынет Предсказание, и никто, конечно, даже не догадывался, что именно будет возведено. Алвиарин не покидало крайне неприятное ощущение призрачного присутствия рядом этой женщины, пристально за ней наблюдающей.

И все же, возможно, придется ее убить. Если это произойдет, Элайда будет не первой ее тайной жертвой. Однако она не решалась пойти на такой шаг без приказа или, по крайней мере, дозволения.

Оказавшись в своих покоях, Алвиарин облегченно вздохнула, будто тень Элайды не могла пересечь этот порог. Глупая мысль. Если бы только Элайда заподозрила истину, никакое расстояние – хоть в тысячу лиг! – не помешало бы ей вцепиться в горло Алвиарин. Элайда, конечно, рассчитывала, что Алвиарин тут же кинется выполнять ее приказы, скрепленные личной подписью и печатью Амерлин, но предстояло еще решить, какие из них действительно должны быть выполнены. Решать не Элайде, конечно. И не ей самой.

Комнаты были меньше тех, которые занимала Элайда, но с более высокими потолками. Большой балкон повис на высоте ста футов над огромной площадью, раскинувшийся перед Башней. Иногда Алвиарин выходила на него, чтобы поглядеть на Тар Валон, величайший город в мире, заполненный людьми, как морской берег песчинками. Обстановка комнат была выдержана в доманийском стиле – гладко обработанное, но неполированное светлое дерево, инкрустированное перламутром и янтарем, яркие ковры с узорами в виде завитков и цветов, еще более яркие гобелены с изображениями леса, цветов и пасущихся оленей. Все это принадлежало той, которая жила в этих комнатах до Алвиарин. Она оставила их вовсе не потому, что не хотела тратить время, выбирая новые, а для того, чтобы постоянно напоминать себе о возможной цене поражения. Лиане Шариф оказалась неумелой интриганкой, по-любительски запуталась в собственных кознях и потерпела поражение, а теперь оказалась навсегда отрезанной от Единой Силы. Жалкая беженка, зависящая от милости других, обреченная на полную страданий жизнь, столь невыносимую, что в один прекрасный день, не выдержав, она просто отвернется к стене и умрет. Если смерть сама прежде не сжалится над ней. Алвиарин слышала, что некоторым усмирненным женщинам удалось выжить, но не слишком верила в это, поскольку сама не встречала ни одной из них. Впрочем, она к этому не очень-то и стремилась.

Солнечный свет разгорающегося дня вливался сквозь окна, однако, прежде чем Алвиарин добралась до своей гостиной, вокруг неожиданно стало почти темно, будто наступили

поздние сумерки. Ничуть не удивившись, Алвиарин тут же остановилась и опустилась на колени:

– Великая госпожа, я живу, чтобы служить.

Перед ней возникла высокая женщина, сотканная, казалось, из густой темной тени и серебряного света. Месана.

– Расскажи мне, что случилось, дитя. – Ее голос напоминал хрустальный перезвон.

Стоя на коленях, Алвиарин повторила каждое сказанное Элайдой слово, хотя по-прежнему не понимала, зачем это нужно. Прежде она опускала подробности, которые считала несущественными, но Месана узнала об этом и теперь требовала, чтобы Алвиарин повторяла каждое слово, описывала жесты и мимику. Может быть, Месана, которой ничего не стоило подслушать все их разговоры с Элайдой, просто проверяла ее? Алвиарин пыталась обнаружить в этом хоть какую-то логику, но потерпела неудачу. Правда, на свете существует многое, к чему логика не имеет никакого отношения.

Она встречалась и с другими Избранными, которых глупцы называли Отрекшимися. В Башню приходили и Ланфир, и Грендаль, высокомерные в своей силе и мудрости. Без единого слова они умели поставить Алвиарин на место, показать ей, что она по сравнению с ними – ничто, девчонка на побегушках, предназначенная для того, чтобы выполнять их поручения и униженно кланяться, тая от счастья, если ей бросали милостивое слово. Однажды ночью во время сна Бе'лал унес ее – она не знала куда; просыпаясь потом в своей постели, она содрогалась от страха, сама не зная почему. Это было даже ужаснее, чем находиться рядом с мужчиной, способным направлять. Для него она была даже не червем, не живым существом, а просто инструментом для его сложной и непонятной игры, беспрекословно выполняющим все приказания. Однако самым первым был Ишамаэль. Он появился за много лет до остальных, выделил ее среди затаившихся от всех Черных сестер – и поставил во главе них.

Перед каждым она преклоняла колени, каждому говорила, что живет, чтобы служить, – и действительно делала это, выполняла все их приказания, в чем бы они ни состояли. В конце концов, они стояли лишь ступенькой ниже самого Великого повелителя Тьмы, и, если она хотела получить награду за свое служение – бессмертие, которым они, похоже, уже обладали, – не оставалось другого пути, кроме повиновения. Перед каждым она становилась на колени, но лишь Месана являлась ей не в человеческом облике. Этот мерцающий покров из света и тени, должно быть, соткан с помощью Единой Силы, хотя Алвиарин не удавалось разглядеть самого плетения. Она чувствовала мощь Ланфир и Грендаль, знала с самого первого мгновения, насколько они могущественнее ее в управлении Силой, но, странное дело, в Месане она не ощущала... ничего. Как будто эта женщина вообще не способна направлять.

Логика подсказывала одно объяснение этому, очевидное и ошеломляющее. Месана пряталась, потому что не хотела быть узнанной. Наверно, она сама обитала в Башне. Это казалось невероятным, но все другие предположения ничего не объясняли. Если принять это дикое объяснение, она одна из сестер; уж конечно, не служанка, выполняющая тяжелую работу. Тогда кто? Слишком много женщин годами находились вне Башни и оказались здесь только по вызову Элайды, слишком многие среди них не имели близких друзей, вообще сторонились всех. Месана, скорее всего, была одной из них. Алвиарин очень хотелось докопаться до правды. Знание само по себе было огромной силой, даже если пока она не видела способа его использовать.

– Значит, у нашей Элайды было Предсказание, – произнесла Месана своим удивительным мелодичным голосом, и только тут до Алвиарин дошло, что она уже закончила свой рассказ.

Болели колени, но она знала, что лучше вытерпеть это, чем подняться без разрешения. Палец призрачной женщины задумчиво постукивал по серебряным губам. Внезапно у Алвиарин мелькнуло смутное воспоминание. Какая сестра так делала?

– Странно, в ней как будто нет никаких загадок и в то же время она способна делать такие необычные вещи. Это всегда был очень редкий талант. К тому же большинство обладающих им выражались так туманно, что их зачастую понимали только поэты. Обычно все становилось ясным только тогда, когда было уже слишком поздно и не имело никакого значения. Задним числом все умные.

Алвиарин хранила молчание. Никто из Избранных никогда ничего с ней не обсуждал; они приказывали или требовали.

– Интересное Предсказание. Когда она сказала, что мятеж лопнет – точно гнилая дыня, так она выразилась? – это было частью прорицания?

– Не уверена, Великая госпожа. – Она задумалась, вспоминая. В самом деле, когда Элайда говорила об этом, до Предсказания или во время него?

Месана лишь пожала плечами:

– Как бы то ни было, в любом случае это может пригодиться.

– Она опасна, Великая госпожа. С помощью этого таланта она может узнать то, чего ей знать не следует.

В ответ послышался хрустальный смех:

– Что, например? Кто ты такая? Кто твои сестры по Черной Айя? Или, может быть, ты беспокоишься обо мне? Иногда ты бываешь доброй девочкой, дитя. – Серебряный голос явно забавлялся. Алвиарин вспыхнула; она всей душой понадеялась, что Месана примет это за смущение, а не за гнев. – Полагаешь, что от нашей Элайды пора отделаться, дитя? Рано еще, я полагаю. Она пока полезна для нас. По крайней мере, до тех пор, пока молодой ал'Тор не доберется до нас, и очень может быть, что и после. Разошли ее приказы и проследи за их исполнением. Необыкновенно забавно наблюдать, как она играет в свои маленькие игры. Временами вы, дети, удивительно точно соответствуете своим айя. Может, ей, чтобы добиться успеха, придет в голову выкрасть короля Иллиана или королеву Салдэйи? Вы, Айз Седай, и прежде поступали подобным образом, не так ли? Но не вечно же? Кого она попытается посадить на трон в Кайриэне? Может, предложение стать королем в Тире пересилит неприязнь благородного лорда Дарлина к Айз Седай? Или наша Элайда, к ее собственному огорчению, все же прежде подавится? Жаль, что она не воспринимает идею увеличения армии. Мне казалось, что амбиции заставят ее ухватиться за эту мысль.

Встреча явно приближалась к завершению – они всегда продолжались ровно столько, сколько требовалось, чтобы Алвиарин доложила и получила новые приказания, – но у нее еще оставались вопросы.

– Черная Башня, Великая госпожа. – Алвиарин нервно облизнула губы. Она многому научилась с тех пор, как Ишамаэль впервые явился ей; по крайней мере, теперь она очень хорошо понимала, что Избранные не были ни всемогущи, ни всезнающи. Она стала главой Черных, когда Ишамаэль в ярости убил ее предшественницу, Джарну Малари, обнаружив, что та творила, тем не менее всякие неприятности для Алвиарин и остальных Черных продолжались еще два года, вплоть до смерти другой Амерлин. У нее часто возникал вопрос, приложила ли Элайда руку к смерти этой последней, Сайрин Вайю; одно было несомненно – Черная Айя к этому отношения не имела. При Джарне была Тамра Оспения, Амерлин до Сайрин, которую Джарна выжала, точно виноградную гроздь, – получилось, кстати, не так уж много сока, – а потом представила дело так, будто Тамра умерла во сне. Но самым главным было то, что Алвиарин и остальным двенадцати Черным сестрам из Высшего совета пришлось немало настрадаться, прежде чем они убедили Ишамаэля в том, что непричастны к случившемуся. Избранные не были всесильны и не знали всего, и все же иногда они знали то, чего не ведал никто, кроме них. Задавать вопросы было опасно, очень опасно. И самым опасным был вопрос: «Почему?»; Избранные терпеть не могли, когда их спрашивали: «Почему?» – Как сделать так,

Великая госпожа, чтобы уцелели те пятьдесят сестер, которых она приказала отправить к Черной Башне?

Глаза, сверкающие, точно две полные луны, рассматривали ее, и по спине Алвиарин пробежал озноб. Судьба Джарны вспыхнула в ее памяти. Для всех она была Серой и как таковая никогда не проявляла ни малейшего интереса ни к каким *тер'ангриалам* – до тех пор, пока однажды каким-то странным образом не попала в ловушку одного из них, до которого не дотрагивались в течение столетий, потому что не знали, как с ним обращаться. Как ей удалось привести его в действие, так и осталось тайной. В течение десяти дней никто не мог добраться до нее, слышались лишь ее душераздирающие крики. Большинство в Башне считали Джарну образцом добродетели; когда все, что от нее осталось, хоронили, все сестры в Тар Валоне и те, кто успел добраться до города вовремя, приняли участие в траурной церемонии.

– Тебе свойственно любопытство, дитя, – наконец произнесла Месана. – Любопытство может оказаться ценным качеством – если направлено куда следует. Если же нет... – Угроза повисла в воздухе, точно занесенный над Алвиарин сверкающий кинжал.

– Я направлю его туда, куда прикажет Великая госпожа, – хрипло сказала Алвиарин. В рту у нее было сухо, как в пустыне. – Как только прикажете.

Но она должна еще выяснить, следует ли Черным сестрам отправляться с Тувин. Месана пошевелилась, неясно вырисовываясь над ней, так что ей пришлось вытянуть шею, чтобы взглянуть в еле различимое лицо, сотканное из света и тени. Внезапно Алвиарин страстно захотелось узнать, могут ли Избранные читать ее мысли.

– Если ты служишь мне, дитя, то должна служить и повиноваться только мне. Не Семираги или Демандреду. Ни Грендаль, ни кому бы то ни было еще. Только мне. И Великому повелителю, конечно, но после него – только мне.

– Я живу, чтобы служить вам, Великая госпожа. – Голос сейчас больше напоминал воронье карканье, но она изо всех сил постаралась сделать ударение на слове «вам».

Серебристый взгляд надолго погрузился в ее немигающие глаза. Потом Месана сказала:

– Хорошо. Я, пожалуй, научу тебя. Но никогда не забывай, кто из нас ученик, а кто учитель. Я выбираю, кого и чему учить, и я решаю, когда можно использовать полученные знания. Если я узнаю, что ты хоть на волос отошла от моих указаний, я сотру тебя в порошок.

Внезапно пересохший рот Алвиарин снова наполнился слюной. В этом мелодичном голосе не слышалось гнева – только непоколебимая уверенность.

– Я живу, чтобы служить вам, Великая госпожа. Я живу, чтобы повиноваться вам, Великая госпожа. – Неужели ей и в самом деле удастся узнать что-то об Избранных? Невероятно! С трудом верилось, что ей так повезло. Еще бы, ведь знание – это сила. И власть.

– Ты не очень сильна, дитя. Не очень, но этого вполне достаточно.

Точно из пустоты перед Алвиарин возникло хорошо различимое плетение.

– Это, – продолжали звенеть хрустальные колокольчики, – так называемый проход.

* * *

Пейдрон Найол хмыкнул, когда Моргейз с торжествующей улыбкой положила на доску белый камень. Может, какому-нибудь менее опытному игроку, для того чтобы оценить позицию, понадобилось бы сделать еще две дюжины или даже больше ходов, но он уже сейчас видел, каким будет неизбежное развитие партии. И она тоже понимала это. Вначале эта женщина с прекрасными золотыми волосами, сидевшая напротив него, немножко поддавалась, чтобы сделать игру более интересной для него, но быстро сообразила, что так можно и проиграть. Не говоря уже о том, что он достаточно искусен в игре, чтобы разгадать ее хитрость и не потерпеть этого. Тогда она отбросила всякие увертки, заиграла в полную силу и теперь выигрывала половину партий. Уже давным-давно никто так часто не брал над ним верх.

– Партия ваша, – сказал он, и королева Андора кивнула.

Ну, во всяком случае, она снова станет королевой; он сам позаботится об этом. В зеленом шелковом платье с высоким кружевным воротником, в котором утопал ее подбородок, она с головы до пят выглядела королевой, и это впечатление не портил даже блесевший на ее гладких щеках пот. Просто не верилось, что у нее есть дочь возраста Илэйн, не говоря уже о Гавине.

– Я заметила западню, которую вы расставили, положив тридцать первый камень, а вы не поняли этого, лорд Найол. И вы попались на тот отвлекающий маневр, который я сделала, положив сорок третий камень, приняв его за мое нападение. – Ее голубые глаза сверкали от возбуждения – Моргейз любила побеждать. И в частности, любила играть – чтобы побеждать.

Все это – игра в камни, подчеркнутая вежливость – было способом усыпить его подозрения, конечно. Моргейз прекрасно понимала, что, несмотря на свой титул, в Цитадели Света она всего лишь узница, хотя и весьма избалованная узница. И тайная. Пейдрон не мешал распространению слухов о том, что она находится здесь, но не делал никаких официальных заявлений. Андор слишком долго сопротивлялся Детям Света. Найол должен хранить молчание, пока его легионы, прикрываясь ее именем, не двинутся в Андор. И Моргейз наверняка это тоже понимала. И скорее всего, она понимала, что он догадывается о ее попытках смягчить его. Она скрепила своей подписью договор, согласно которому Чада получали в Андоре права, которыми они не обладали нигде, кроме как здесь, в Амадиции. И у него были все основания предполагать, что теперь она днем и ночью ломает голову над тем, как бы сделать так, чтобы ее страна не очень пострадала от этого. А если удастся, то и вообще найти способ уклониться от выполнения этого договора. Она подписала его только потому, что Найол загнал ее в угол, и все же, связанная по рукам и ногам, она сражалась так же умело, как за игровой доской с камнями. Такая прекрасная – и такая жесткая. В самом деле, она очень жесткая женщина. Даже играя, она не допускала, чтобы чистая радость борьбы полностью завладела ею. Но мог ли он считать недостатком то, что доставляло ему столько удовольствия?

Будь он хотя бы на двадцать лет моложе, он, возможно, повел бы с ней другую игру. Но за плечами у него тянулись долгие годы вдовства, да и вообще у лорда капитан-командора Детей Света не оставалось времени для женщин, не оставалось времени ни для чего, кроме своих обязанностей. Будь он на двадцать лет моложе – ну, на двадцать пять, – она не попала бы под влияние ведьм из Тар Валона, не отправилась бы туда учиться. В ее присутствии он иногда почти забывал об этом факте. Белая Башня была сточной канавой Тьмы, а Моргейз – от этого никуда не деться – глубоко погрязла в ее делах. Радам Асунава, верховный инквизитор, подверг бы ее суду за то, что она одно время находилась в Башне, пусть ее пребывание там продолжалось всего лишь несколько месяцев. А потом безотлагательно повесил бы ее – если бы Найол ему позволил. У него вырвался вздох сожаления.

Победная улыбка по-прежнему освещала лицо Моргейз, но большие глаза изучали лицо Пейдрона Найола с проницательностью, которую ей не удавалось скрыть. Он взял серебряный кувшин из чаши с прохладной водой, которая совсем недавно была льдом, и наполнил вином свой и ее бокалы.

– Милорд Найол... – В ее голосе ощущалась нерешительность, тонкая рука дрогнула, будто Моргейз собиралась протянуть ее к нему через стол; дополнительное уважение проявлялось в том, как она обратилась к нему. Прежде она называла его просто Найол, вкладывая в его имя больше презрения, чем если бы имела дело с пьяным конюхом. Он мог бы даже не заметить эту нерешительность, если бы недостаточно хорошо знал Моргейз. – Милорд Найол, я уверена, вам не составит никакого труда вызвать Галада в Амадор, чтобы я могла увидеться с ним. Всего на один день.

– Сожалею, – спокойно ответил он, – но обязанности Галада удерживают его на севере. Вы должны им гордиться; он – один из самых лучших молодых офицеров у Детей.

Ее пасынок был рычагом, который в случае необходимости можно использовать против Моргейз, – но только при условии, что он останется вдали от нее. Молодой человек и впрямь хороший офицер, может быть даже один из лучших среди тех, кто присоединился к Чадам при Найоле, и не стоило подвергать излишнему испытанию его преданность. А это вполне могло произойти, узнай он, что его мать находится здесь в качестве «гости».

На мгновение она сжала губы, и хотя тут же справилась с собой, это выдало ее разочарование. Уже не в первый раз она обращалась с этой просьбой и, без сомнения, не в последний. Моргейз Траканд никогда не сдавалась, пусть даже кому-то ее поражение казалось бесспорным.

– Как скажете, милорд Найол. – (Это прозвучало так кротко, что он чуть не поперхнулся вином. Смирение было новой тактикой, которая явно давалась ей с большим трудом.) – Это просто материнский...

– Милорд капитан-командор? – послышался от двери глубокий, звучный голос. – Боюсь, милорд, у меня важные новости, которые не могут ждать.

Появился Абдель Омерна, высокий, в белом с золотом плаще лорда-капитана Детей Света. Мужественное лицо, на висках – белые мазки седины, темные глаза глубоки и задумчивы. Бесстрашен и внушителен с ног до головы. И глуп, хотя это и не бросалось в глаза.

Моргейз при виде Омерны напряглась, точно струна, – едва заметное телодвижение, на которое большинство мужчин просто не обратили бы внимания. Она, так же как и многие другие, не сомневалась, что именно он был главным шпионом у Детей, недаром этого человека боялись почти в той же мере, что и Асунаву, а может, и больше. Даже сам Омерна не догадывался, что он всего лишь подставная фигура, назначение которой – отвести глаза от истинного главы шпионов, человека, роль которого была известна лишь самому Найолу. Себбан Балвер, скучный маленький человечек, секретарь Найола. И все же, несмотря на то, какой незначительной личностью Омерна являлся на самом деле, важные новости нет-нет да и проходили через его руки. Еще реже – что-то по-настоящему тревожное. У Найола не было сомнений по поводу того, чего касалось сообщение, которое принес этот человек; только одно, не считая Ранда ал'Тора, стоящего у ворот, могло заставить его ворваться сюда. Ниспошли Свет, чтобы дело было всего лишь в безумном торговце коврами.

– Боюсь, на сегодняшнее утро наша игра закончена, – сказал Найол Моргейз, вставая.

Она поднялась, он слегка поклонился ей, и в ответ она тоже наклонила голову.

– Может быть, вечером? – В ее голосе по-прежнему слышались непривычно покорные нотки. – Вы не откажетесь пообедать со мной?

Найол, конечно, согласился. Он не знал, чего она добивается с помощью этой новой тактики, в одном он был уверен: все это неспроста – и ему представлялось забавным докопаться до сути. С ней не соскучишься. Жаль, что она попала под влияние ведьм.

Омерна шагнул вперед и остановился около большого золотого солнца, выложенного на плитах пола и за столетия изрядно стертого ступнями и коленями. В остальном помещение поражало своей простотой; знамена побежденных врагов, свисавшие по стенам высоко под потолком, порвались и протерлись от времени. Юбка Моргейз прошелестела мимо Омерны, который делал вид, что не замечает ее присутствия. Дождавшись, когда за ней закрылась дверь, он сказал:

– Я пока не нашел ни Илэйн, ни Гавина, милорд.

– Это и есть твои важные новости? – раздраженно спросил Найол.

Балвер донес, что дочь Моргейз в Эбу Дар, по уши завязла в трясине с ведьмами; Джайхиму Карридину уже отправлен приказ. Второй сын Моргейз тоже продолжал якшаться с ведьмами, кажется в Тар Валоне, где у Балвера имелись глаза-и-уши. Найол сделал большой глоток прохладного вина. Тело от старости в последнее время стало совсем хрупким и немощным, и кровь остыла в жилах, но от этой порожденной Тенью жары кожа покрылась потом, а во рту пересохло.

Омерна вздрогнул:

– Ох... Нет, милорд. – Он достал из внутреннего кармана крошечный костяной цилиндр с тремя красными продольными полосками. – Вы приказали доставить это, как только голубь прилетит в... – Он замолчал на полуслове, когда Найол выхватил у него из рук цилиндр.

Это то, чего он ждал; если бы не это, легион уже был бы на пути в Андор, и во главе его скакала бы Моргейз, не важно, по доброй воле или нет. Конечно, Варадин явно лишился в последнее время душевного равновесия, наблюдая за тем, как Тарабон скатывается к анархии, но если все его сообщения не бред сумасшедшего, если в них содержится хотя бы доля истины, Андор мог и подождать. И не только Андор.

– Я... я получил подтверждение, что в Белой Башне раскол, – продолжал Омерна. – Черная... Черная Айя захватила Тар Валон.

Какая чушь! Неудивительно, что он явно нервничал. Ведь нет никакой Черной Айя. А впрочем, какая разница – Черная Айя, не Черная Айя? Все ведьмы без разбора – приспешницы Темного.

Не обращая внимания на Омерну, Найол ногтем большого пальца сломал воск, которым был запечатан цилиндр. Он сам с помощью Балвера распустил эти слухи, а теперь они вернулись к нему. Омерна верил любому слуху, его уши, казалось, были предназначены исключительно для того, чтобы ловить их.

– И есть сообщения, милорд, что ведьмы сговорились с Лжедраконом ал'Тором.

Конечно сговорились, а как же! Он ведь был их творением, их марионеткой. Найол перестал слушать болтовню этого дурака и вернулся к игровому столику, на ходу вытаскивая из цилиндра тонкий рулончик бумаги. Мало кому было известно об этих сообщениях больше самого факта их существования, и не многие знали даже это. Руки дрожали, когда он разворачивал тонкую бумагу. Они не дрожали с тех пор, когда он безусым юнцом участвовал в своем первом сражении, более семидесяти лет назад. Сейчас на руках почти не осталось плоти, лишь кости и сухожилия, но для того, что ему предстояло, сил у него вполне хватит.

Послание было не от Варадина, а от Файсара, посланного в Тарабон совсем с другой целью. Пока Найол читал, внутри у него все сжалось в тугой узел. Это был не шифр Варадина, а самый обычный язык. Доклады Варадина напоминали бред безумца, однако и Файсар подтверждал самые худшие опасения. И даже сообщал еще более ужасные подробности. Ал'Тор вел себя как неистовый зверь, разрушитель, которого, вне всякого сомнения, следовало обезвредить, но сейчас появился еще один обезумевший зверь, и он мог оказаться даже более опасным, чем все ведьмы Тар Валона с их прирученным Лжедраконом. Но как, Света ради, может он сражаться сразу с обоими?

– Кажется... кажется, королева Тенобия покинула Салдэйю, милорд. И... преданные Дракону сжигают дома и убивают людей в Алтаре и Муранди. Я слышал, что Рог Валир найден – в Кандоре.

Еще целиком захваченный ужасным смыслом прочитанного, Найол поднял взгляд и обнаружил, что Омерна стоит совсем рядом, нервно облизывая губы и тыльной стороной ладони вытирая пот со лба. Наверняка надеялся бросить хотя бы взгляд на донесение. Ладно, так или иначе вскоре об этом узнают все.

– Похоже, одна из твоих самых диких фантазий на проверку оказалась не такой уж дикой, – сказал Найол и с последними словами почувствовал, что под ребра ему входит нож.

От потрясения он окаменел, так что у Омерны было время вытащить кинжал и вонзить его вновь. Лорд капитан-командор, предшествовавший Найолу, нашел точно такой же конец, но ему никогда даже в голову не приходило, что это будет делом рук Омерны. Он попытался вцепиться в убийцу, но сила окончательно ушла из рук. Найол просто повис на Омерне, который поддерживал его, не давая упасть, и их взгляды встретились.

Лицо Омерны побагровело; он, казалось, вот-вот заплачет.

– Я должен был это сделать. Должен! Вы допустили, чтобы ведьмы засели здесь, в Салидаре, вы не препятствовали им и... – Как будто до него только сейчас дошло, что он поддерживает человека, которого пытался убить, и Омерна резко оттолкнул Найола.

Сила ушла из ног Найола так же, как и из его рук. Он тяжело рухнул на игровой столик, опрокинув его. Черные и белые игральные камни рассыпались по полу, серебряный кувшин опрокинулся, из него полилось вино. Свинцовый холод растекался по всему телу.

Что это, время замедлилось для него или в самом деле все произошло так молниеносно? По полу глухо застучали шаги. С трудом приподняв отяжелевшую голову, Найол увидел Омерну с изумленно разинутым ртом и вытаращенными глазами, который пытался от Эамона Валды. Одетый в точности так же, как лорд-капитан Омерна – белый с золотом плащ-табар, белоснежное облачение под ним, – Валда был не так высок, не так внушителен. Однако его смуглое лицо, как обычно, выражало твердость, и в руке он сжимал меч – предмет своей гордости, клинок которого был помечен клеймом в виде цапли.

– Измена! – взревел Валда и вонзил меч в грудь Омерны.

Найол засмеялся бы, если бы мог; дыхание вырывалось с хрипом, кровь клокотала в горле. Он никогда не любил Валду, можно сказать, даже презирал его, но кто-то обязательно должен был узнать о случившемся. Его взгляд заметался, отыскивая рулончик бумаги из Танчико; тот лежал неподалеку от его руки. Вряд ли послание не заметят, если записка будет зажата в руке трупа. Сообщение должно быть прочитано! Рука медленно поползла по полу, но, нащупав бумагу, судорожно оттолкнула ее вместо того, чтобы схватить. С каждым мгновением взгляд Найола все больше затуманивался. Он попытался справиться с этим. Он должен... Туман густел, но самое ужасное – это был не просто туман. Где-то за ним притаился враг, невидимый, неразличимый, такой же опасный, как ал'Тор, или даже страшнее. Сообщение. Что? Какое сообщение? Вот он, последний бой; пришло время подняться и выхватить меч. Именем Света, победа или смерть, в атаку! Он попытался выкрикнуть эти слова, но из горла вырвался только хрип.

* * *

Валда вытер меч о плащ Омерны, и только тут до него дошло, что старый волк еще дышит, издавая странные булькающие звуки. Лицо Валды исказилось, он наклонился, чтобы покончить с ним, – и худая рука с длинными цепкими пальцами сжала его кисть.

– Теперь ты будешь лордом капитан-командором, сын мой? – Изможденное лицо Асунавы, казалось, принадлежало мученику, тем не менее его темные глаза полыхали таким жаром, что лишали присутствия духа даже тех, кто понятия не имел о том, кем он был. – Ты вполне можешь стать капитан-командором, в особенности если я засвидетельствую, что ты прикончил убийцу Пейдрона Найола. Но не в том случае, если мне придется сказать, что ты перерезал горло и Найолу.

Обнажив зубы в некоем подобии улыбки, Валда выпрямился. По-своему Асунава привержен истине, весьма своеобразной впрочем; он мог завязать истину узлом или подвесить ее и сдирать с нее кожу до тех пор, пока она не закричит, но, насколько Валде было известно, сам он никогда не лгал. Бросив взгляд на тускнеющие глаза Найола и растекающуюся под ним лужу крови, Валда счел себя удовлетворенным. Старик умирал.

– Могу, Асунава?

Взгляд верховного инквизитора вспыхнул еще жарче, когда Асунава шагнул назад, стараясь не испачкать снежно-белый плащ в крови Найола. Подобная фамильярность была недопустима даже со стороны лорда-капитана.

– Я сказал – можешь, сын мой. Ты удивительно неохотно дал согласие на то, чтобы эта ведьма Моргейз была передана Деснице Света. Если я не получу от тебя заверения...

– Моргейз нам еще пригодится. – Валде явно доставило заметное удовольствие прервать Асунаву. Он терпеть не мог Вопрошающих – Десницу Света, как они себя называли. Кому могут понравиться люди, которые имеют дело с врагом, только когда он безоружен и в цепях? Они держались в стороне от прочих Детей Света, сами по себе. На плаще Асунавы не было эмблемы многолучевого золотого солнца, как у Чад, лишь пастушеский крючковатый посох Вопрошающих. Хуже того. Они, похоже, воображали, что их занятия с дыбой и раскаленным железом – единственное стоящее дело Чад. – Моргейз отдаст нам Андор, и только когда это случится, вы заполучите ее. А мы не возьмем Андор, пока не разделаемся с пророком и его сбродом. – С пророком, предрекающим приход Дракона Возрожденного, нужно кончать как можно скорее. Его банды с таким увлечением жгли деревни, что, казалось, и думать забыли о том, что должны были действовать во имя ал'Тора. Теперь грудь Найола вздымалась едва заметно. – Ты что, хочешь захватить Андор, но потерять Амадицию? Лично я намерен удерживать и то и другое и, кроме того, увидеть ал'Тора болтающимся на виселице, а Белую Башню разрушенной до самого основания. Я не собираюсь поддерживать тебя в твоём стремлении превратить все в груды мусора.

Асунаву не так-то просто было захватить врасплох, и он не трус. По крайней мере, не здесь, в Цитадели, по соседству с сотнями Вопрошающих и Чадами, большинство которых из осторожности старались держаться от них подальше. Он не испугался меча в руках Валды. Напротив, его лицо мученика приобрело грустное выражение. Пот, струящийся по этому лицу, вполне можно было принять за слезы сожаления.

– В таком случае, поскольку лорд-капитан Кенвил придерживается мнения, что закон следует соблюдать, боюсь...

– Боюсь, Кенвил придерживается того же мнения, что и я, Асунава. – Так и будет, когда тот, проснувшись, узнает, что Валда привел в Цитадель половину легиона. Кенвил не дурак. – Стану ли я лордом капитан-командором еще сегодня до захода солнца – это не вопрос. А вот кто будет возглавлять Десницу Света на ее нелегкой стезе выживания истины?

Если Асунаву нельзя было назвать трусом, то еще меньше его можно было назвать глупцом. Он не дрогнул и не стал допытываться, как именно Валда собирается осуществить свою угрозу.

– Понятно. – Немного помолчав, он кротко добавил: – Ты, сын мой, намерен полностью поправить закон?

Валда чуть не рассмеялся:

– Можете допросить Моргейз, но чтобы она осталась цела и невредима. В полное распоряжение получите ее после того, как будет сделано все, для чего может потребоваться ее помощь. – На что уйдет немало времени; на Львиный трон нужно посадить не просто кого придется, а ту, которая будет должным образом относиться к Детям Света, – как король Айдрон здесь, в Амадиции. За одну ночь с этим не справиться.

Может, Асунава понимал все это, а может, и нет. Однако, прежде чем он успел произнести хоть слово, кто-то тяжело задышал, стоя в дверях. Секретарь Найола, сгорбившийся, с вытянувшимся птичьим личиком, с поджатыми губами. Взгляд похожих на щелки глаз метался по комнате, стараясь избегать тел, распростертых на полу.

– Печальный день, мастер Балвер, – скорбным голосом нараспев произнес Асунава. – Изменник Омерна убил нашего лорда капитан-командора Пейдрона Найола, Свет да озарит его душу. – И опять это не было отступлением от истины; грудь Найола больше не вздымалась, а его убийство, безусловно, было изменой. – Лорд-капитан Валда вошел слишком поздно, чтобы спасти его, но он покарал изменника.

Вздвигнув, Балвер принялся суетливо потирать руки. Один вид этого похожего на птицу человека всегда вызывал у Валды зуд.

– Раз уж ты здесь, Балвер, пусть от тебя будет хоть какой-то толк. – Валда терпеть не мог никчемных людей, а бумагомарание было в его глазах одним из самых никчемных занятий. – Известить всех лордов-капитанов в крепости. Скажи им, что лорд капитан-командор убит и я созываю Совет помазанников. – Первое, что он сделает на посту лорда капитан-командора, – выкинет за ворота Цитадели этого сухого маленького человечка, и не просто выкинет, а зашвырнет так далеко, чтоб летел вверх тормашками. А потом подберет себе секретаря, который, по крайней мере, не будет дергаться. – Не важно, кто подкупил Омерну, ведьмы или пророк, но Пейдрон Найол будет отомщен.

– Как прикажете, милорд, – с усилием выдавил из себя Балвер. – Все будет так, как вы прикажете. – Он наконец сумел заставить себя взглянуть на тело Найола. Зато потом, кланяясь с обычными подергиваниями перед тем, как удалиться, явно никак не мог оторвать от него взгляда.

– Похоже на то, что вы и впрямь будете нашим следующим лордом капитан-командором, – сказал Асунава, когда Балвер вышел.

– Похоже, – сухо ответил Валда.

Неподалеку от разжатой руки Найола лежал рулончик тонкой бумаги – обычно бумагу именно такого типа использовали, отправляя сообщения с голубями. Валда наклонился и поднял рулончик, но тут же с отвращением сморщился. Бумага лежала в луже вина; прочесть что-либо было невозможно – чернила расплылись.

– И вы передадите Моргейз Деснице, когда больше не будете нуждаться в ней. – В тоне Асунавы не было даже намека на вопрос.

– Я сам передам ее вам. – Возможно, было бы весьма разумно сделать Асунаве небольшую уступку, чтобы на время умерить его аппетит. Да и Моргейз станет сговорчивей. Клочок бумаги, превратившийся в ненужный мусор, выпал из руки Валды прямо на труп Найола. Да, все когда-нибудь приходит к концу. Старый волк утратил с возрастом хитрость и силу, и вот результат – теперь Эамон Валда получил возможность поставить на колени ведьм и их Лже-дракона.

* * *

Распластавшись на склоне холма под лучами послеполуденного солнца, Гавин пытался оценить размеры случившегося несчастья. Колодцы Дюмай находились отсюда на расстоянии нескольких миль к югу, позади равнины и низких холмов, но дым горящих повозок был еще виден. Что произошло после того, как он, пытаясь спасти Отроков, увел оттуда тех, кого смог собрать, Гавин не знал. Похоже, верх брал ал'Тор, он и эти одетые в черное мужчины, которые и впрямь оказались способны направлять Силу и явно побеждали и Айз Седай, и айильцев. Именно заметив, что сестры бегут, Гавин понял, что дело дрянь и мешкать больше нельзя.

Жаль, что ему не представилось возможности убить ал'Тора. За мать, которая погибла из-за того, что натворил этот человек; Эгвейн, правда, отрицала это, но доказательств у нее не было. За сестру. Что бы там ни говорила Мин, он должен был заставить ее покинуть лагерь вместе с ним, хотела девушка этого или нет; как жаль, что некоторые вещи по-настоящему понимаешь только задним числом. Если Мин права и Илэйн в самом деле любит ал'Тора, стоило убить его хотя бы за то, на какую ужасную судьбу это обрекало его сестру. Может быть, айильцы сделали это за него. Хотя вряд ли.

С угрюмым смешком он посмотрел в зрительную трубу. На одном из ее золотых колец было выгравировано: «Любимому сыну Гавину от Моргейз, королевы Андора. Может быть, тебе суждено стать живым мечом ради своей сестры и Андора». Сейчас эти слова звучали почти горько.

За разбросанными там и сям кучками деревьев мало что удавалось разглядеть. Ветер все еще дул порывами, вздымая вихри пыли. Изредка в ложбинах между приземистыми холмами было заметно какое-то движение. Айильцы, конечно. Только они умели так сливаться с местностью, не то что Отроки в своих зеленых мундирах. Ниспошли Свет, чтобы ему удалось спасти хотя бы тех, кого он увел с собой.

Каким он был дураком! Ал'Тора давно следовало убить; и сделать это должен был именно он. Но не смог. Не потому, что этот человек был Драконом Возрожденным. Просто Гавин пообещал Эгвейн не поднимать руку на ал'Тора. Она исчезла из Кайриэна, оставив Гавину письмо, которое он читал и перечитывал до тех пор, пока бумага не протерлась на сгибах. Он не удивился бы, узнав, что Эгвейн отправилась на помощь ал'Тору. Он вообще не мог нарушить данное слово, а уж слово, данное женщине, которую любил, и подавно. Слово, данное ей, – нет, никогда. Чего бы ему это ни стоило. Гавин надеялся, что она поймет, на какую сделку со своей совестью ему пришлось пойти; он не поднял руку на ал'Тора, как и обещал, но и пальцем не шевельнул, чтобы помочь ему. Сделай так, Свет, чтобы она никогда не попросила его об этом! Недаром говорится, что любовь лишает человека разума; он – живое тому свидетельство.

Он поплотнее прижал зрительную трубу к глазу, чтобы получше рассмотреть женщину, галопом скачущую по открытому полю на высоком черном коне. Лица разглядеть не удалось, но вряд ли служанка носит платье для верховой езды. Выходит, по крайней мере одна Айз Седай спаслась. Если сестрам удалось вырваться из этой западни, может быть, кому-то из Отроков тоже посчастливилось. И если повезет, он разыщет их прежде, чем с ними расправятся случайные группы айильцев. Сначала, однако, нужно помочь этой сестре. Он прекрасно мог продолжить путь и без нее, но бросить женщину одну, когда в любой момент ей угрожает прилетевшая неизвестно откуда стрела, не в его характере. Однако, как только Гавин начал взбираться по склону и замахал ей рукой, ее конь споткнулся и упал, перебросив всадницу через голову.

Гавин выругался, остановился, посмотрел в зрительную трубу и выругался снова, увидев человека, стоявшего чуть повыше того места, где упала женщина. Он торопливо оглядел холмы и выругался еще раз; наверно, дюжины две айильцев в вуалях стояли на гребне одного из ближайших холмов, меньше чем в сотне шагов от всадницы, и наблюдали за ней. Сестра поднялась, явно нетвердо держась на ногах. Если она в здравом уме и не утратила способность направлять Силу, вряд ли несколько айильцев могли причинить ей вред, особенно если она спрячется от стрел за упавшим конем. И все же Гавину было бы спокойнее, если бы он смог помочь ей. Скатившись с гребня – наверху айильцы вполне могли заметить и его, – он заскользил вниз, укрываясь за холмом, и встал, только оказавшись внизу.

Он увел за собой на юг пятьсот восемьдесят одного Отрока. Все в достаточной мере овладели военным искусством, чтобы покинуть Тар Валон. Сейчас в ложбине его дожидались верхом меньше двухсот. И вот что странно. Еще до того, как все это случилось у Колодцев Дюмай, его не покидало ощущение, что все их планы пойдут насмарку и что он и Отроки погибнут еще до возвращения в Белую Башню. Почему – он не знал; может быть, все это с самого начала входило в планы Элайды или Галины? Но это чувство было очень сильным и, увы, оказалось достаточно точным, хотя и не в полной мере. Однако теперь – и в этом не было ничего удивительного – Гавин предпочел бы держаться подальше от Айз Седай, если бы ему представилась такая возможность.

Он подошел к высокому серому мерину, на котором сидел очень юный всадник. Такой же, как большинство Отроков – не многим из них приходилось бриться даже раз в три дня, – но это не мешало Джисао носить на воротнике значок в виде серебряной башни – доказательство того, что он принимал участие в сражении, когда происходило низвержение Суан Санчей; об этом же говорили скрытые одеждой шрамы. Ему вообще пока можно было не бриться, однако

темные глаза Джисао принадлежали, казалось, человеку лет на тридцать старше. Интересно, подумал Гавин, его собственные глаза производят такое же впечатление?

– Джисао, нужно помочь сестре...

Около сотни айильцев, рысью бежавших к западу по гребню низкого холма, остановились и замерли в удивлении, обнаружив внизу Отроков, но ни это неожиданное препятствие, ни даже то, что Отроков было заметно больше, не заставило их свернуть с пути. В мгновение ока они подняли вуали и, потрясая копьями, бросились вниз по склону, целясь как в коней, так и во всадников. Айильцы действовали парами и, конечно, умели сражаться с конным противником, но и Отрокам совсем недавно пришлось немало повоевать с айильцами, а плохие ученики среди них долго не заживались. У многих Отроков имелись тонкие пики, наконечник каждой из которых представлял собой полтора фута кованой стали; кроме того, он был снабжен крестовиной, не позволяющей оружию слишком глубоко погрузиться в тело жертвы и застрять в нем. А во владении мечом Отроки уступали разве что мастеру клинка.

Они дрались по двое или по трое, защищая друг друга со спины и следя за тем, чтобы айильцы не подрезали коням подколенные сухожилия. Мало кому даже из самых быстрых айильцев удавалось прорваться сквозь эти круги сверкающей, молниеносно вращающейся стали. Лошади тоже были обучены драться, превратившись в своего рода смертоносное оружие. Они раскалывали черепа копытами, вцеплялись в противника зубами и трясли его, точно собака надоедливую крысу; им ничего не стоило мощными челюстями оторвать человеку поллица. Сражаясь, лошади пронзительно ржали, а люди вскрикивали от нервного напряжения и возбуждения, всегда владеющего человеком в бою. Нервного напряжения, которое свидетельствовало о том, что они еще живы и готовы драться, даже стоя по колено в крови, драться не на жизнь, а на смерть, драться за то, чтобы завтра снова увидеть восход солнца. Они кричали, убивая, и кричали, умирая; разница не так уж велика.

У Гавина, однако, не было времени ни наблюдать, ни слушать. Айильцы сразу же заметили, что он пеший. Увертываясь от всадников, три фигуры в кадин'сор бросились к нему с копьями наготове. Наверно, они полагали, что им – троим против одного – удастся легко с ним справиться. Однако Гавин быстро вывел их из этого заблуждения. Его меч плавно выскользнул из ножен, одна стойка стремительно сменяла другую. «Полет сокола», «Змея обвивается вокруг дуба», «Луна восходит над озерами». Три раза руку ощутимо трянуло – клинок встретился с плотью, – и все трое айильцев в вуалях оказались сражены. Двое еще слабо шевелились, но они были уже не бойцы, а третий и вовсе лежал без движения. И тут неизвестно откуда вынырнул еще один.

Худой, на ладонь выше Гавина, он двигался точно змея и при этом щитом отклонял удары меча с такой силой, что Гавина отбрасывало назад. Копье в его руке трепетало, щит он выставил перед собой, косо наклонив вперед. «Танец тетерева-глухаря», за ним – «Объятие воздуха» и тут же «Придворный постукивает веером». Айилец уцелел, он отделался всего лишь глубокой раной на ребрах, но и бедро Гавина серьезно зацепило, и вообще он еле увернулся от удара, грозящего пронзить его насквозь.

Забыв обо всем, что творилось рядом, они кружились друг вокруг друга. Из раны Гавина жаркой струей лилась кровь. Айилец делал один отвлекающий маневр за другим, явно рассчитывая вывести противника из равновесия. Гавин переходил из одной стойки в другую, то поднимая, то опуская меч и надеясь, что в какой-то момент айилец слишком увлечется и откроется.

В конце концов все, как это часто бывает, решил случай. Айилец внезапно оступился, Гавин нанес ему удар точно в сердце и только тут заметил коня, который и подтолкнул айильца сзади.

Прежде при таком исходе боя он испытал бы чувство сожаления. Гавин вырос в убеждении, что поединок между двумя людьми только в том случае считается честным, если никакие

внешние обстоятельства не вмешиваются в его ход. Однако, проведя более чем полгода в сражениях, он изменил точку зрения. Поставив ногу на грудь айильца, юноша вытащил меч. Не слишком изящно, зато быстро, а в бою промедление часто смерти подобно.

Однако Гавин тут же понял, что спешить не было нужды. Повсюду лежали люди, и Отроки, и айильцы, одни стонали, другие уже не двигались, а остальные айильцы стремительно убегали на восток, преследуемые двумя дюжинами уцелевших Отроков. И о чем, спрашивается, они думают?

– Стойте! – закричал он. Если эти глупцы позволят заманить себя достаточно далеко, айильцы наверняка тут же воспользуются этим и сделают из них добычу для стервятников. – Прекратите погоню! Остановитесь, кому говорю! Стойте, чтоб вам сгореть!

Отроки неохотно остановились. Джисао повернул мерина.

– Милорд, этим айильцам нет до нас никакого дела. Они просто хотели срезать путь и не ожидали, что встретят здесь сопротивление. – Его меч был весь в крови.

Гавин поймал за поводья своего гнедого жеребца и вспрыгнул в седло, все еще с мечом в руке. Надо бы посмотреть, кто погиб, а кто еще жив, но... не было времени.

– Забудь о них. Надо помочь той сестре. Хэл, собери всех, кто у тебя остался, и позаботься о раненых. Да поосторожнее с айильцами; они вроде умирают, а сами того и гляди набросятся. Остальные – за мной! – Хэл отсалютовал мечом, но Гавин уже пришпорил коня.

Наверно, бой продолжался дольше, чем ему показалось. Поднявшись на гребень холма, Гавин увидел лишь мертвого коня и валяющиеся рядом седельные сумы. Поглядев в зрительную трубу, он не обнаружил никаких признаков ни сестры, ни айильцев, ни кого-либо еще. Двигались лишь взметаемая ветром пыль и какая-то тряпка, застрявшая в песке неподалеку. Женщина, должно быть, тут же бросилась бежать и успела скрыться.

– Вряд ли она убежала слишком далеко, даже если припустила изо всех сил, – сказал Джисао. – Мы наверняка найдем ее, если развернемся веером.

– Ладно, но сначала займемся ранеными, – решительно ответил Гавин.

Вокруг бродили айильцы, и у него не было ни малейшего желания рисковать своими людьми. Светло будет еще всего несколько часов, и нужно успеть до темноты разбить хорошо укрепленный лагерь где-нибудь повыше. Может, ему повезет и он подберет какую-нибудь сестру или даже нескольких. Неплохо бы. Кто-то должен рассказать о случившемся Элайде, и Гавин предпочел бы, чтобы ее гнев обрушился на Айз Седай, а не на него.

Со вздохом повернув гнедого, он поскакал обратно, теперь уже думая только о том, много ли Отроков погибло. Один из первых уроков, который Гавин усвоил, став воином, состоял в том, что при любом исходе сражения приходится расплачиваться убитыми. Тревожное ощущение, что список погибших на сегодня еще не закончен, не покидало его. Кто когда-нибудь слышал об этих проклятых Колодцах Дюмай? Мир вскоре забудет о Колодцах Дюмай – так страшно будущее.

Глава 1

День раздумий

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, в огромном Браймском лесу поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

На северо-восток ветер задул, когда палящее солнце высоко поднялось в безоблачном небе. На северо-восток он помчался, понесся мимо засохших деревьев с бурными листьями и голыми ветвями, мимо редко встречающихся деревень, где воздух мерцал от жары. Этот ветер не принес с собой облегчения – даже намек на дождь, а тем более на снег. На северо-восток он подул и промчался мимо древней арки из искусно обработанного камня. Некоторые считали, что то были ворота, которые некогда вели в огромный город, а другие – что это монумент в честь давно забытого сражения. На массивных камнях уцелели лишь выветрившиеся, ставшие неразборчивыми остатки резьбы, безмолвно напоминающей об утраченной славе легендарной Кореманды. По Тарвалонскому тракту мимо древней арки катились повозки. Люди, идущие рядом, заслоняли глаза от пыли, поднимаемой копытами лошадей, колесами и ветром. Большинство из них сами не знали, куда и зачем идут. Им было ясно одно – все в мире пошло кувырком, конец близок, а может, уже наступил. Страх гнал большинство из них. Что гнало остальных, не ведали и они сами, но страх терзал и их души.

Подгоняемые ветром, по мутно-зеленым водам реки Эринин плыли корабли, делая свое дело, которому ничто не могло помешать. Они перевозили товары даже в эти дни, когда ни один человек не мог знать, чем кончится любая поездка. На восточном берегу реки лес постепенно редел, в конце концов переходя в низкие покатые холмы, покрытые побуревшей, иссушенной травой. Лишь кое-где тут и там попадались небольшие группы деревьев. На вершине одного из этих холмов стояли в круг фургоны. На многих парусиновый верх заметно опален, а на некоторых даже выгорел полностью, обнажив железные обручи, на которые он прежде был натянут. На временном флагштоке, вырезанном из погибшего от засухи молодого деревца и прикрепленном к остову одного из фургонов, развевалось темно-красное знамя с черно-белым кругом в центре. Знамя Света, как некоторые называли его. Или знамя ал'Тора. Существовали и другие названия, не столь безобидные, но их произносили лишь дрожащим шепотом по углам. Ветер, проносясь мимо, резко взметнул знамя и умчался прочь, точно радуясь тому, что может не задерживаться здесь.

Перрин Айбара сидел на земле, прислонившись спиной к колесу фургона и от всей души желая, чтобы ветер не торопился улетать. От него хоть на некоторое время стало прохладней. И не так сильно чувствовался запах смерти, запах, напоминающий о том, где ему надлежало – и меньше всего хотелось – сейчас быть. Здесь, внутри круга повозок, спиной к северу, было гораздо лучше. В какой-то степени ему даже удавалось забыть обо всем. Уцелевшие фургоны еще вчера днем оттащили на вершину холма – когда у людей нашлись силы не только для того, чтобы благодарить Свет за свое спасение, но и для чего-то большего. Теперь снова возшло солнце, и, по мере того как оно ползло по небосводу, становилось все жарче.

Перрин раздраженно поскреб короткую вьющуюся бородку; чем больше потеешь, тем сильнее чешется. Все вокруг – кроме айильцев – просто обливались потом, а до воды отсюда почти миля к северу. Но там находился весь этот ужас и смрад. Мало кому хотелось туда идти. Ему уже давно следовало вернуться к своим обязанностям, но даже чувство вины не способно было заставить Перрина сдвинуться с места. Сегодня был Большой Часалейн, или День раздумий, и дома, в далеком Двуречье, наверняка весь день будут пировать и всю ночь танцевать. В День раздумий полагалось вспоминать все хорошее, что было в жизни, а тому, кто ворчал и проявлял недовольство, могли вылить на голову ведро воды – чтобы смыла все его неудачи. Тогда это частенько даже злило, особенно если было холодно, как и положено в это время года. Сейчас о ведре воды можно было только мечтать. Прекрасно понимая, как ему повезло, что он вообще остался в живых, Перрин все равно не способен был сейчас думать ни о чем хорошем. Вчера он узнал много нового о самом себе. Или, может быть, нынешним утром, после того как все закончилось.

Он все еще чувствовал свою связь с несколькими волками – маленькой кучкой тех, которые уцелели и сейчас спешили куда-то, стремясь убраться подальше от людей. В лагере не умолкали разговоры о волках, высказывались всякие нелепые предположения о том, откуда они взялись и почему. Некоторые были убеждены, что их вызвал Ранд. Большинство думало, что это сделали Айз Седай. Сами Айз Седай своего мнения не высказывали. В мыслях волков не было и намек на упрек – что случилось, то случилось, – но Перрин их фатализма не разделял. Они пришли, потому что он позвал их. Придававшие ему приземистый вид широкие плечи, из-за которых его рост не бросался в глаза, сгорбились под тяжким бременем ответственности. И сейчас, и прежде до него доносились обрывки мыслей других волков, которые не пришли. Они презрительно отзывались о тех волках, кто послушался его: «Вот что получается, когда имеешь дело с двуногими. Чего еще можно от них ожидать?»

Жаль, что он ни с кем не может поделиться своей болью. Перрину хотелось завывать. Потому что волки, те, которые источали презрение, были правы. Потому что ему хотелось домой, в Двуречье. Маловероятно, что так произойдет. Потому что ему хотелось быть со своей женой, все равно где, только с ней, и он не знал, случится это когда-нибудь или нет. Неизвестно. Очень небольшой шанс, может быть, совсем ничтожный. Тревога за Фэйли грызла его изнутри, точно хорек, упорно роющий ход наружу, сильнее, чем тоска по дому или чувство вины из-за волков. А она, похоже, обрадовалась, узнав, что он покидает Кайриэн. Что ему с ней делать – вот задача. Никакими словами не выразить, как сильно он любил свою жену, как скучал по ней, но она чуть что ревновала его, обижалась из-за всяких пустяков, без конца сердилась вообще неизвестно почему. Как все наладить? Ничего путного не приходило на ум. Беспокойные мысли – только ими была забита его голова, и среди них то и дело мелькал образ Фэйли, быстрой и беспокойной, точно ртуть.

– Айильцы могли бы дать им хоть что-то, чтобы прикрыться, – смущенно пробормотал Айрам, хмуро глядя в землю. Он сидел рядом на корточках и держал в руках поводья мускулистого серого мерина; Айрам редко отходил далеко от Перрина. Меч у него за спиной не вязался с курткой Лудильщика, полосатой, зеленой, лишь наброшенной на плечи из-за жары. Свернутый жгутом платок, повязанный вокруг лба, не давал поту стекать на глаза. Подумать

только, когда-то он казался Перрину слишком красивым для мужчины. Однако с тех пор многое изменилось. Почти все время Айрам выглядел хмурым и мрачным, а сейчас даже больше, чем когда-либо. – Это неприлично, лорд Перрин.

Перрин неохотно расстался с мыслями о Фэйли. Когда-нибудь ему, может быть, и удастся разобраться в том, что с ней такое творится. Он должен сделать это. Когда-нибудь.

– У них такой обычай, Айрам.

Айрам скорчил физиономию, точно собираясь сплюнуть:

– Очень неприличный обычай. Мне кажется, айильцы все это придумали, чтобы было легче следить за ними. В таком виде далеко не убежишь и глупостей не наделаешь. Но все равно это неприлично.

Айильцы были повсюду, конечно. Высокие мужчины в серо-коричнево-зеленом; единственное яркое пятно – кусок алой ткани с черно-белым диском, повязанный вокруг головы. Сисвай'аман – так они себя называли. Временами это слово порождало некий отзвук в памяти Перрина, будто он когда-то знал его смысл, но забыл. Да и любой из айильцев, спроси его, глянет так, точно услышал какую-то чепуху. И сами они не обращали внимания на эти полоски ткани. И ни одна из Дев Копья не носила такой повязки. Все Девы, и седовласые, и те, у которых еще материнское молоко на губах не обсохло, выступали гордо, бросая на сисвай'аман вызывающие взгляды. Они, похоже, испытывали от этого чувство удовлетворения, хотя мужчины внешне реагировали на такое их поведение совершенно невозмутимо. И все же в исходящем от них запахе, который Перрин ощущал, чувствовалась напряженная, страстная жажда. Чего? Он не понимал. И от тех и от других доносился привкус ревности, хотя в чем тут дело, Перрин тоже не мог даже представить. И эта подозрительность не была новой, возникла не сейчас.

Некоторые Хранительницы Мудрости тоже были здесь, внутри кольца повозок. В своих объемистых юбках и белых блузах, с темными шальями, точно бросая вызов жаре, увешанные браслетами и ожерельями из золота и резной кости, так кричаще противоречащими простоте остальной их одежды. Их, казалось, забавляло взаимное раздражение Дев и сисвай'аман. И все они – Хранительницы Мудрости, Девы и сисвай'аман – обращали на Шайдо не больше внимания, чем Перрин мог бы обратить на какой-нибудь табурет или коврик.

Вчера айильцы захватили чуть больше двух сотен пленников Шайдо, мужчин и Дев, – не много, если учесть, сколько народу участвовало в сражении, – и этих пленников никто не охранял. Они могли передвигаться совершенно свободно, относительно конечно. Лучше бы уж их охраняли, подумал Перрин. И одели. Ничего подобного. Они таскали воду и бегали по поручениям совершенно голые, как говорится, в чем мать родила. С другими айильцами они держались смиренно, точно мышки. На любого, по чьему лицу можно было догадаться, что он поражен наготой пленников, остальные айильцы бросали насмешливые взгляды. Не один Перрин изо всех сил старался *не замечать* пленников, и не один Айрам не знал, куда деваться от смущения из-за того, что они бегали нагишом. Очень многие двуреченцы явно испытывали подобные чувства. А кайриэнцы вообще вели себя при виде пленников Шайдо так, точно их вот-вот хватит удар. Майенцы лишь покачивали головой, будто считали, что это всего лишь славная шутка. И строили глазки женщинам. Что айильцы, что майенцы – и у тех и у других нет никакого стыда.

– Гаул объяснил мне все это, Айрам. Ты ведь слышал о гай'шайн, правда? И об этом их *джи'у'тох*, о том, что они должны отслужить день и год и все такое? – Айрам кивнул. Хорошо, потому что Перрин и сам не очень-то во всем этом разбирался. Объяснения Гаула относительно айильских обычаев часто приводили к тому, что Перрин совсем запутывался. Нелегко, наверно, объяснять то, что кажется очевидным. – Ну вот, гай'шайн не позволено носить ничего из того, что носят алгай'д'сисвай. Это означает «воины копья», – добавил он в ответ на хмурый вопросительный взгляд Айрама. Неожиданно Перрин заметил, что одна из пленниц Шайдо рысью припустила прямо в его сторону – высокая молодая женщина, золотоволосая и хоро-

шенькая, несмотря на длинный тонкий шрам на щеке и несколько шрамов в других местах. Очень хорошенькая и совершенно голая. Прочистив внезапно охрипшее горло, он отвел взгляд и почувствовал, как вспыхнуло его лицо. – Как бы то ни было, вот почему они... э-э-э... в таком виде. Гай'шайн могут носить только белое, а ничего белого здесь у них нет. Это просто такой обычай.

«Гори огнем и Гаул, и все его объяснения, – подумал Перрин. – Могли дать им что-нибудь, чтобы прикрыться!»

– Перрин Златоокий... – произнес рядом с ним женский голос. – Карагуин послала узнать, не хочешь ли ты воды.

Лицо Айрама побагровело, он, по-прежнему сидя на корточках, резко развернулся, чтобы оказаться к женщине спиной.

– Нет, спасибо.

Это та самая золотоволосая женщина, понял Перрин, упорно продолжая смотреть в сторону, но ничего не видя. У айильцев вообще весьма странное чувство юмора, а у Дев Копья – Карагуин была Девой – оно отличалось особым... своеобразием. Они быстро смекнули, какое впечатление на мокроземцев производят голые Шайдо – только слепой не заметил бы этого, – и неожиданно со всех сторон к мокроземцам поспешили с поручениями гай'шайн, а остальные айильцы только что по земле не катались, глядя на краснеющих, заикающихся, а иногда и вскрикивающих мужчин. Перрин ничуть не сомневался, что Карагуин и ее подруги сейчас не сводят с него глаз. Уже по крайней мере десятый раз к нему подходила одна из женщин-гай'шайн и спрашивала, не хочет ли он напиться, не нужно ли ему принести воды, или оселок, или еще какую-нибудь глупость, чтоб им сгореть.

Внезапно одна мысль пронзила его. К майенцам почти никто не подходил. Кое-кто из кайриэнцев – не многие – явно веселились, поглядывая на все происходящее, хоть и не так открыто, как это делали майенцы; точно так же вели себя и некоторые пожилые мужчины из Двуречья, а ведь им следовало бы лучше понимать, что к чему. Но дело не в этом. Главное, ни к кому из них вторично не подходили с этими якобы поручениями, насколько он мог заметить. Тем же, кто реагировал особенно сильно – кайриэнцам, которые громко возмущались непристойностью такого поведения, и некоторым молодым парням из Двуречья, которые так заикались и краснели, будто готовы были от стыда провалиться сквозь землю, – вот им докучали до тех пор, пока они не убегали из круга фургонов...

Перрин с усилием заставил себя взглянуть в лицо женщины-гай'шайн. В ее глаза. «Сосредоточься на глазах», – со злостью приказал он себе. Они были зеленые и большие и вовсе не кроткие. От нее пахло чистой, беспримесной яростью.

– Поблаговари от меня Карагуин и передай ей, что я не буду возражать, если ты смажешь маслом мое запасное седло. Если она позволит, конечно. И у меня нет чистой рубашки. Ты могла бы мне кое-что постирать, если она не будет против?

– Она не будет против, – хрипло ответила женщина и умчалась.

Перрин больше не смотрел на нее, хотя ее образ так и маячил у него в сознании. Свет, Айрам прав, это неприлично! Но если повезет, к нему больше не будут приставать. Следовало бы подсказать этот выход Айраму и тем двуреченским парням. Может, и кайриэнцам его совет тоже пригодился бы.

– Что мы будем с ними делать, лорд Перрин? – по-прежнему глядя в сторону, спросил Айрам, имея в виду теперь уже не гай'шайн.

– Это Ранду решать, – задумчиво ответил Перрин. Чувство удовлетворения, мгновение назад охватившее его, быстро таяло. Тот факт, что эти люди бежали голышом, никакой проблемы, конечно, собой не представлял. Тут, совсем рядом, есть проблемы посерьезнее. И мысль о них была Перрину так же неприятна, как и раздумья о том, что осталось к северу отсюда, у Колодцев Дюмай.

Внутри круга повозок на дальней стороне от него сидели на земле почти две дюжины женщин. Все одеты, как положено для путешествия, большинство в шелковых платьях и светлых полотняных дорожных плащах, но без единой капли пота на лицах. Трое выглядели совсем молоденькими, он, наверно, даже пригласил бы их на танец. До того, как женился на Фэйли, конечно.

«Если бы только они были не Айз Седай, – с неприязнью подумал Перрин. Как-то ему пришлось танцевать с Айз Седай, так он чуть язык не проглотил, когда до него дошло, с кем он отплясывал. А ведь она была другом, если это слово вообще применимо к Айз Седай. – Может, они только кажутся молодыми? Кто знает, сколько лет женщина должна пробыть Айз Седай, чтобы я не мог определить по виду ее возраст?» Остальные выглядели, как обычно, женщинами без возраста; может, ей двадцать, может, сорок, разницы на первый взгляд никакой. Это что касается лиц, хотя у некоторых в волосах мелькала седина. Ничего нельзя достоверно сказать об Айз Седай. Ничего, ни по какому поводу.

– Эти, по крайней мере, больше не опасны, – сказал Айрам, мотнув головой в сторону трех сестер, сидящих немного в стороне от остальных.

Одна плакала, уткнувшись лицом в колени; две другие сидели, устремив безумные взоры в пространство, и одна из них все время без всякого толку судорожно одергивала юбку. Они находились в таком состоянии уже давно, со вчерашнего дня; хорошо хоть никто из них больше не кричал. Если Перрин правильно понимал происшедшее, в чем он сомневался, они были каким-то образом усмирены после того, как Ранд вырвался на свободу. Это значит, что они никогда больше не смогут направлять Единую Силу. С точки зрения Айз Седай, это хуже смерти.

Он ожидал, что другие Айз Седай постараются утешить их, проявят хоть какую-то заботу, но большая часть сестер не обращали на этих трех ни малейшего внимания, а остальные, похоже, просто следили за ними, не спуская глаз. По правде говоря, усмирённые Айз Седай и сами игнорировали любое проявление внимания со стороны других. Вначале, по крайней мере, кое-кто из сестер подходил к ним, не вместе, а каждая как бы сама от себя. Внешне спокойные, все они издавали острый запах отвращения и неохоты, но их «жертва» оказалась напрасной; за свои труды они не удостоились ничего – ни слова, ни взгляда. Сегодня утром никто уже не возобновлял таких попыток.

Перрин покачал головой. Все, что не нравилось Айз Седай, что они не желали принимать, им волей-неволей приходилось игнорировать, и такого здесь набиралось немало. К примеру, мужчины в черных мундирах, которые находились тут же, охраняя их. Для каждой сестры предназначался отдельный *Аша'ман*, включая тех трех, усмирённых, и все они стояли с каменными лицами и даже, казалось, не мигали. Айз Седай же напустили на себя такой вид, будто никаких *Аша'манов* тут нет; смотрели мимо или, точнее, сквозь них.

Это было просто очередное притворство с их стороны. Перрин и то не мог заставить себя не обращать внимания на *Аша'манов*, а ведь его они не охраняли. Все они, от мальчиков с пушком на щеках до седовласых или лысых мужчин в годах, выглядели на первый взгляд вполне мирно, если бы не черные мундиры с высокими воротниками и не мечи у бедер, которые придавали им угрожающий вид. Все *Аша'маны* умели направлять, и каким-то образом они мешали направлять Айз Седай. Мужчины, владеющие Единой Силой, чудовища из ночных кошмаров. Ранд тоже мог, конечно, но ведь то Ранд и, кроме того, Дракон Возрожденный. При виде этих типов у Перрина волосы на голове шевелились.

Стражи Айз Седай – тоже пленники – сидели несколько в стороне и, конечно, под охраной. Примерно тридцать воинов-дружинников лорда Добрэйна в колоколообразных кайриэнских шлемах и столько же солдат майенской Крылатой гвардии в красных кирасах; все они так и зыркали глазами по сторонам, точно охраняли не безоружных мужчин, а леопардов. Их можно понять, учитывая все обстоятельства. Стражей было больше, чем Айз Седай; многие

пленницы, по-видимому, относились к Зеленой Айя. Охранников было больше, чем самих Стражей, значительно больше. И может быть, все равно недостаточно.

– Свет, сделай так, чтобы нам больше не пришлось лить слезы из-за этих Айз Седай с их Стражами, – пробормотал Перрин.

На протяжении ночи Стражи дважды пытались вырваться на свободу. По правде говоря, эти попытки не увенчались успехом скорее благодаря Аша'манам, чем кайриэнцам или май-енцам. И пресечены они были без всякой обходительности. Никого из Стражей не убили, но многие получили ранения и увечья, однако Айз Седай не позволяли заняться их Исцелением.

– Если лорд Дракон не решается, – еле слышно сказал Айрам, – может, это должен сделать кто-то другой. Чтобы защитить его.

Перрин покосился на него:

– На что решаться? Сестры велели Стражам сидеть тихо и не рыпаться, а все они повинуются своим Айз Седай.

Покалеченные или нет, безоружные, с руками, связанными за спиной, Стражи тем не менее выглядели точно стая волков, настороженно ждущих, когда вожак подаст сигнал напасть. Ни один из них не будет знать покоя, пока его Айз Седай или даже все сестры не окажутся на свободе. Айз Седай и Стражи – ничего себе компания; сухая древесина, готовая вспыхнуть в любой момент. Но даже Стражам и Айз Седай, вместе взятым, Аша'маны оказались не по зубам.

– Я имею в виду не Стражей. – Айрам заколебался, но потом все же придвинулся к Перрину и продолжил, понизив голос до хриплого шепота: – Айз Седай обманом похитили лорда Дракона. Он не сможет доверять им теперь, после этого, ни в коем случае. Но и решиться на то, что нужно сделать... Если бы все они умерли, а он ничего не знал об этом...

– О чем ты говоришь? – Перрин подскочил, чуть не задохнувшись от возмущения. Интересно, осталось в парне хоть что-нибудь от Лудильщика или нет? Этот вопрос возникал у него уже не впервые. – Они же беспомощны, Айрам! Беспомощные женщины!

– Они – Айз Седай. – Темные глаза спокойно встретились с взглядом золотистых глаз Перрина. – Нельзя ни доверять им, ни отпустить их на свободу. Сколько времени можно держать в плену Айз Седай против их воли? Они дольше, чем Аша'маны, имели дело с Силой. И должны знать и уметь больше. Они опасны для лорда Дракона. И для тебя, лорд Перрин. Я видел, как они на тебя смотрели.

Сидя внутри кольца фургонов, сестры шепотом разговаривали между собой, чуть ли не касаясь губами уха собеседницы; Перрин ничего не слышал. Время от времени кое-кто из них поглядывал на Перрина и Айрама. Нет, не на Айрама – на него. Он запомнил имена некоторых из них. Несан Бихара, Эриан Боролеос и Кэтрин Алруддин. Койрен Селдайн, Сарен Немдал и Элза Пенфелл. Дженин Павлара, Белдейн Нирам, Марит Ривен. Эти последние были те самые молодые на вид сестры, но какими бы они ни были, молодыми или лишенными признаков возраста, все поглядывали на него с таким хладнокровием, точно являлись тут хозяйками положения. Несмотря на присутствие Аша'манов. Нанести поражение Айз Седай нелегко. Добиться, чтобы они признали свое поражение, просто невозможно.

Перрин заставил себя расцепить стиснутые руки и положил их на колени – чтобы выглядеть как можно спокойнее, хотя был весьма далек от этого. Они знали, что он *та'верен*, один из тех немногих, вокруг кого формируется Узор. Хуже того, они знали, что он неразрывно связан с Рандом, но никто не понимал, как именно, и меньше всех он сам или Ранд. Или взять Мэта. Мэт тоже оказался в этом запутанном клубке, еще один *та'верен*, хотя никто из них не был столь силен, как Ранд. Дай этим Айз Седай хоть крошечный шанс, и они так же быстро затащили бы в Белую Башню его и Мэта, как собирались проделать это с Рандом. Привязали бы их, точно козлов, приготовленных на корм льву. И ведь они *в самом деле* похитили Ранда и очень скверно обращались с ним. Айрам, безусловно, прав в одном – доверять им нельзя. И

все же то, что предлагал Айрам... Он не мог – нет, нет, не мог! – одобрить такое. Одна мысль об этом вызывала у Перрина тошноту.

– Чтобы я больше не слышал об этом, – внезапно охрипшим голосом сказал он. Лудильщик открыл было рот, но Перрин не дал ему заговорить. – Ни слова, Айрам, слышишь? Ни единого слова!

– Как прикажешь, милорд Перрин, – пробормотал Айрам, склонив голову.

Хотелось бы Перрину видеть его лицо. Он не ощущал в запахе Айрама ни гнева, ни возмущения. И это было хуже всего – то, что запах гнева отсутствовал даже тогда, когда Айрам говорил об убийстве.

Двое двуреченцев вскарабкались на стоящую рядом повозку, поглядывая в сторону севера. У каждого на правом бедре висел ошетилившийся стрелами колчан, а на левом – добротный нож с длинным клинком, почти короткий меч. Из дому за Перрином последовали больше трехсот мужчин. Поначалу он ругался, когда его называли лордом Перрином. Ругался, ругался... до тех пор, пока в один прекрасный день не понял, что ничего ему с этим не поделать. Несмотря на обычный для такого большого лагеря шум, он без труда мог слышать их разговор.

Тод ал'Каар, долговязый, худощавый парень чуть моложе Перрина, глубоко вздохнул, будто впервые увидел то, что скрывали холмы там, куда он смотрел. Мать Тода ничуть не возражала против его участия в походе. Она даже считала для своего сына великой честью воевать вместе с Перрином Златооком.

– Славная победа, – в конце концов произнес Тод. – Ведь мы же победили, Джондин? Верно я понимаю?

Седеющий Джондин Барран, узловатый, точно дубовый корень, был одним из немногих пожилых мужчин среди этих трех сотен. Лучший стрелок в Двуречье – если не считать мастера ал'Тора – и непревзойденный охотник, он был одним из самых беспокойных жителей Двуречья, из тех, кому не сидится на месте. Когда Джондин повзрослел и отец не мог больше удерживать его на ферме, он занялся любимым делом. Лес и охота – только это его и интересовало. Ну и еще добрая выпивка в праздник. Джондин весьма выразительно сплюнул в ответ:

– Если ты так считаешь, парень. Эти проклятые Аша'маны уж точно победили. И прекрасно, говорю я. Вот только... Катились бы они теперь отсюда подальше со своей победой и праздновали бы ее там.

– Они вовсе не так уж плохи, – возразил Тод. – Я и сам не отказался бы стать одним из них. – (Вряд ли он на самом деле так думал, скорее просто напускал на себя бравый вид. И пахло от него в этот момент притворством и страхом. Даже не глядя, Перрин был уверен, что Тод взволнованно облизнул губы. Наверняка мать Тода запугивала того в детстве рассказами о мужчинах, способных направлять Силу.) – Я хочу сказать, что Ранд... то есть лорд Дракон... это все еще звучит как-то непривычно, правда? Ранд ал'Тор – и вдруг Дракон Возрожденный, чудно, да? – Тод засмеялся коротким, нервным смехом. – Ну, он тоже может направлять, но это же ничего не значит... Он не... Я хочу сказать... – Тод громко сглотнул. – Кроме того, как бы мы справились со всеми этими Айз Седай без Аша'манов? – Теперь он уже почти шептал. И запах страха стал гораздо сильнее. – Джондин, что мы будем с ними делать? Я имею в виду, с *пленными* Айз Седай?

Его немолодой товарищ снова сплюнул, еще более смачно, чем прежде. Уж он-то явно не собирался понижать голос. Джондин всегда говорил то, что думал, не важно, кто мог его услышать, и это тоже способствовало его дурной славе.

– Для нас было бы лучше, парень, если бы все они погибли вчера. Мы еще поплатимся за то, что они уцелели, попомни мои слова. Очень крупно поплатимся.

Перрину не хотелось больше ничего слушать – нелегкая задача с его-то слухом. Сначала Айрам, а вот теперь Джондин и Тод, пусть и не так прямо. «Чтоб ты сгорел, Джондин!» Этот человек слыл отъявленным лодырем, по сравнению с ним даже Мэт выглядел просто тружени-

ком, и все равно то, о чем он говорил вслух, остальные только думали. Нет, двуреченцы вряд ли решатся причинить вред женщинам, но интересно, кто еще был бы совсем не против, чтобы пленные Айз Седай умерли? И кто мог попытаться осуществить это свое желание?

Он с тревогой огляделся. Мысль о том, что ему, возможно, придется встать на защиту пленных Айз Седай, не доставляла никакого удовольствия, но Перрин не стал закрывать глаза на то, что такое вполне возможно. Айз Седай вызывали у него очень мало теплых чувств, и еще меньше – те, которые находились здесь, но он вырос в убеждении – хотя оно, может быть, никогда не облекалось в слова, – что мужчина должен пойти на любой риск, чтобы защитить женщину, если, конечно, она позволит ему это. Не имело значения, любил он ее или нет или даже знаком ли он с ней. Правда, любая Айз Седай, если пожелает, сама способна какого угодно мужчину завязать узлом так, что он не скоро придет в себя, но, отрезанные от Единой Силы, они стали такими же, как все. Стоило ему взглянуть на них, и его начинала одолевать внутренняя борьба. Две дюжины Айз Седай. Две дюжины женщин, вероятно понятия не имеющих, как защитить себя без помощи Силы.

Перрин внимательно вгляделся в лица Аша'манов из охраны, замкнутые и суровые, точно маска смерти. Это не относилось только к тем троим, которые охраняли усмирённых женщин. Они тоже пытались напускать на себя мрачный вид, но на самом деле испытывали совсем другие чувства. Удовлетворение, может быть? Если бы только он был поближе, чтобы уловить их запах! Любая Айз Седай представляла собой угрозу для Аша'манов. Хотя, возможно, верно и обратное. Может, Аша'маны способны даже усмирять их. Из того немногого, что знал Перрин, следовало, что усмирёние Айз Седай равнозначно убийству, просто растянутому на несколько лет.

Как бы то ни было, с большой неохотой напомнил он себе, Аша'манами пусть занимается сам Ранд. Те разговаривали только друг с другом и с пленниками, не обращая внимания на остальных, и Перрин очень сомневался, что они прислушаются к словам кого бы то ни было, кроме Ранда. Вопрос – что прикажет им Ранд? И как поступить Перрину, если ему не понравится приказание Ранда?

На время отложив эту проблему, он снова поскреб пальцем бородку. Кайриэнцы слишком нервничали от одного присутствия Айз Седай, чтобы им пришлось в голову расправиться с ними, и майенцы тоже относились к ним с почтением, во всяком случае внешне. И все же он считал, что не мешало бы приглядывать и за теми, и за другими. Кому могло прийти в голову, что Джондин способен на такие высказывания? Многие кайриэнцы и майенцы относились к Перрину с заметным почтением, хотя это чувство не казалось ему прочным. Стоило им немного пошевелить мозгами, и он запросто утратил бы его. В конце концов, он всего лишь простой кузнец. Оставались айильцы. Перрин вздохнул. Он понятия не имел, обладал ли хоть каким-то влиянием на айильцев даже Ранд.

Было трудно различать запахи отдельных людей, когда их столько толпилось вокруг, но с каждым днем чутье Перрина все обострялось. Теперь запахи говорили ему не меньше, чем то, что он видел собственными глазами. Сисвай'аман – они подошли достаточно близко – пахли сдержанным спокойствием, но держались настороже, от них исходил ровный, сильный запах. Они вряд ли вообще замечали присутствие Айз Седай. У Дев запах был резкий, с плохо сдерживаемой яростью, и он усиливался, когда они смотрели на пленниц. А Хранительницы Мудрости...

Все Хранительницы Мудрости, пришедшие сюда из Кайриэна, умели направлять, хотя ни у кого из них не было безвозрастных лиц, как у Айз Седай. Наверно, потому, что они не слишком часто использовали Единую Силу. С гладкой кожей на щеках, вроде Эдарры, и уже заметно покрытые морщинами, как седоволосая Сорилея, все они держались со спокойствием и хладнокровием, не уступая в этом отношении Айз Седай. Симпатичные женщины и, как

правило, высокие – почти все айильцы были такими, – они, казалось, не обращали никакого внимания на сестер.

Взгляд Сорилеи, не задерживаясь, скользнул по лицам пленниц, когда она прошла мимо них, о чем-то тихо разговаривая с Эдаррой и еще одной Хранительницей Мудрости, худой светловолосой женщиной, имени которой Перрин не знал. Если бы только он мог разобраться, о чем они говорят! Однако, как только Хранительницы миновали Айз Седай, их запах резко изменился, хотя выражение спокойных лиц осталось прежним. Раньше запах, исходящий от Сорилеи, был сдержанно-холодным, а теперь в нем чувствовалась... беспощадность. И когда она что-то сказала своим спутницам, их запах тоже изменился и стал таким же, как у нее.

– Проклятье, еще одна забота на мою голову, – проворчал Перрин.

– Что такое? – тут же вскинулся Айрам, правая рука молниеносно скользнула к рукояти меча в виде волчьей головы. Он очень хорошо и быстро научился владеть мечом и никогда не испытывал отвращения, используя его.

– Все в порядке, Айрам, – ответил Перрин, хотя на самом деле было не так. Внезапно оторванный от своих невеселых дум, он точно впервые по-настоящему заметил, что его окружает. И ему совсем не нравилось увиденное, причем Айз Седай были лишь частью картины.

Кайриэнцы и майенцы поглядывали на айильцев с заметной подозрительностью, а те отвечали той же монетой, особенно в отношении кайриэнцев. Ничего удивительного. В конце концов, айильцы никогда не испытывали теплых чувств ни к кому, кто родился по эту сторону Хребта Мира, а к кайриэнцам меньше всего. Точнее говоря, айильцы и кайриэнцы ненавидели друг друга, насколько это было возможно. На данном отрезке времени обе стороны как бы забыли о своей вражде – или, точнее, старались держать ее в узде, – и Перрин видел, что пока им это вполне удастся. Только ради Ранда, никаких других причин не имелось. Однако настроение в лагере было пронизано напряжением, и это напряжение с каждым мгновением ощутимо нарастало. Теперь Ранд на свободе, и, в конце концов, это лишь временный союз – вот именно, временный. Бросая взгляды на кайриэнцев, айильцы приподнимали копья, будто взвешивая их на руке, а кайриэнцы с решительным видом поглаживали рукояти мечей. Точно так же вели себя и майенцы. Они не враждовали с айильцами, даже никогда не сражались с ними, если не считать Айильской войны, в которую так или иначе оказались вовлечены все. Но если дело дойдет до схватки, не возникнет никаких сомнений по поводу того, на чью сторону они встанут. То же самое с большой степенью вероятности можно сказать и о двуреченцах.

Однако самое мрачное настроение владело Аша'манами и Хранительницами Мудрости. Мужчины в черных мундирах обращали на Дев и сисвай'аман не больше внимания, чем на кайриэнцев, майенцев или двуреченцев, но на Хранительниц Мудрости бросали почти такие же угрюмые взоры, как и на Айз Седай. Наверно, в их глазах между этими женщинами, которые так или иначе могли направлять Силу, было очень мало различий. Любую из них они воспринимали как враждебную и опасную. Тринадцать Айз Седай, действующих заодно, были для них смертельно опасны; что же тогда говорить о девятиста Хранительницах Мудрости, находящихся в лагере и вокруг него? Аша'манов было вдвое больше, но при желании Хранительницы Мудрости все равно могли натворить немало бед. Женщины, способные направлять Силу, – пусть они заодно с Рандом – по-прежнему оставались женщинами.

Хранительницы Мудрости, в свою очередь, поглядывали на Аша'манов лишь чуть менее холодно, чем на Айз Седай. Мужчины, способные направлять, они были заодно с Рандом; они были заодно с Рандом, но... Ранд представлял собой особый случай. Как объяснил Перрину Гаул, способность направлять Силу не упоминалась в пророчествах об их Кар'а'карне, однако айильцы делали вид, что этого затруднения не существует. Но об Аша'манах в этих пророчествах уж точно не говорилось. Что испытывает человек, внезапно обнаруживший, что на его стороне сражаются свирепые львы, к тому же взбесившиеся? Как долго сохраняют эти дикие

звери свою преданность? Может, разумнее было бы не рисковать и разделаться с ними прямо сейчас?

Перрин снова откинул голову назад, прислонился к колесу фургона, закрыл глаза, и его грудь затряслась от беззвучного безрадостного смеха. Думай только о хорошем в Большой Часалеин, в День раздумий. «Чтоб мне сгореть, – с тоской подумал он, – я ведь тоже заодно с Рандом. По крайней мере, должен быть». В конечном счете это важнее всего. Но что, Света ради, ему делать? Если айилыцы, и кайриэнцы, и майенцы ополчатся друг на друга, а Аша'маны – на Хранительниц Мудрости... Бочка со змеями, вот что это такое; и единственный способ понять, кто из них ядовитый, а кто нет, состоит в том, чтобы засунуть туда голову. «Свет, я хочу домой, к Фэйли, хочу работать в кузнице и чтобы никто не называл меня лордом, будь проклято это дурацкое звание».

– Ваш конь, лорд Перрин. Вы не сказали, кого хотите, Ходока или Трудягу, вот я и оседлал... – Встретившись с взглядом золотистых глаз Перрина, Кенли Маерин резко попятился к мышастому жеребцу, которого вел в поводу.

Перрин жестом попытался успокоить Кенли. Парень всяко ни в чем не виноват. И вообще, чего нельзя исправить, то надо просто терпеть.

– Успокойся, парень. Ты все сделал правильно. Ходок – просто отлично. Хороший выбор.

Его прямо выворачивало от необходимости разговаривать с Кенли в таком тоне. Невысокий и коренастый, Кенли уже достиг возраста, когда мужчина может жениться или покинуть родной дом, но вот досада: редкая борода, которую он пытался отращивать в подражание Перрину, никак не желала расти. Тем не менее он сражался с троллоками в Эмондовом Луге и вчера тоже не ударил в грязь лицом. Услышав похвалу от самого лорда Перрина Златоокого – вот проклятье! – Кенли широко ухмыльнулся.

Перрин встал, взял свой топор, стоявший у колеса повозки, убранный подальше с глаз, чтобы не думать о нем хоть немного, и сунул его рукояткой в петлю на поясе. Тяжелое лезвие в виде полумесяца с другой стороны уравнивалось толстым, слегка изогнутым шипом; вещь, созданная исключительно для убийства. Чувство, которое Перрин испытывал, держа топор в руках, было слишком хорошо знакомо, чтобы казаться приятным. Не то что держать в руках добрый кузнечный молот, хотя само ощущение было почти одинаковым. Существовало много другого, кроме этого проклятого «лорд Перрин», чего уже нельзя изменить. Один друг когда-то сказал ему, чтобы он расстался с топором, когда ему начнет нравиться использовать его как оружие. От этой мысли он вздрогнул, даром что стояла жара.

Перрин одним махом вскочил в седло Ходока – Айрам, точно тень, тут же оказался рядом на своем сером – и повернулся лицом на юг. И увидел приближающегося огира. По крайней мере в полтора раза выше самого высокого айилыца, Лойал просто осторожно перешагивал через перекрещенные дышла фургонов. Огир был такой огромный, что казалось, наступи он на один из этих тяжелых деревянных брусьев – и тот треснет, точно прутик. Как обычно, Лойал держал в руке книгу, толстым пальцем заложив страницу; вместительные карманы долгополой куртки оттопыривались от других книг. Он провел все утро в небольшой рощице – деревья якобы действовали на него успокаивающе, – но даже если эти деревья и в самом деле давали хоть какую-то тень, жара в конце концов подействовала и на огира. Вид у него был утомленный, куртка расстегнута, рубашка не зашнурована, сапоги отвернуты ниже колен. Хотя, может, дело не только в жаре. Оказавшись внутри круга повозок, Лойал остановился, вглядываясь в лица Айз Седай и Аша'манов, и его уши с кисточками тревожно задрожали. Потом он перевел взгляд больших глаз – с чайные чашки, не меньше, – на Хранительниц Мудрости, и снова уши у него затрепетали. Огиры исключительно чувствительны к настроению, царящему там, где они находятся.

Увидев Перрина, Лойал большими шагами двинулся к нему через весь лагерь. Даже сидя в седле, Перрин был на две или три ладони ниже пешего Лойала.

– Перрин, – зашептал Лойал, – это все плохо. Это плохо и, кроме того, очень опасно. – Для огира это был шепот – гудение шмеля размером с мастифа.

Некоторые Айз Седай повернули голову в его сторону.

– Ты не можешь говорить чуть-чуть погромче? – пробормотал Перрин себе под нос. – Мне кажется, кое-кто в Андоре тебя не слышит. К западу от Андора.

Лойал как будто сильно удивился, потом состроил гримасу, длинные брови нависли над щеками.

– Ты же знаешь, я умею шептать. – На этот раз его и в самом деле вряд ли можно было услышать за пределами трех шагов. – Что будем делать, Перрин? Дурно удерживать Айз Седай в плену против их желания, дурно, да и ничего из этого не выйдет. Я говорил это прежде и повторяю опять. И это даже не самое худшее. Ощущение такое... Одна искра, и все тут взлетит на воздух, точно повозка, груженная зарядами для фейерверка. Ранду об этом известно?

– Не знаю, – ответил Перрин сразу на оба вопроса, и огир неохотно кивнул.

– Кто-то же должен знать, Перрин. Кто-то должен что-то сделать. – Лойал поглядел на север, и Перрин понял, что больше откладывать нельзя.

Он неохотно развернул Ходока. Ладно, даже если у него все волосы вылезут от тревог из-за этих Айз Седай, и Аша'манов, и Хранительниц Мудрости, все равно – что должно быть сделано, то должно быть сделано, и никуда от этого не деться. Думай о хорошем в День раздумий.

Глава 2

Бойня

Сначала Перрин не глядел в ту сторону, куда собирался скакать, где должен был этим утром находиться рядом с Рандом. Сидя в седле у края круга повозок, он шарил взглядом по сторонам, смотря куда угодно, лишь бы не туда. Однако и от того, что Перрин видел вокруг, его затошнило. Ощущение было такое, точно его раз за разом били молотом в живот.

Удар молота. Девятнадцать свежих могил на вершине низкого холма в восточной стороне; девятнадцать двуреченцев никогда больше не вернутся домой. Не всякому кузнецу случается видеть гибель людей, виновник которой – он сам. Эти двуреченцы погибли, выполняя его приказ. Однако не сделай они этого, могил было бы больше.

Удар молота. Прямоугольники свежей земли на соседнем склоне – примерно сотня майенцев, еще больше кайриэнцев, которые пришли к Колодцам Дюмай, чтобы умереть. Не важно, что ими двигало; их привел сюда Перрин Айбара.

Удар молота. Склон на западной стороне, казалось, сплошь покрывали могилы – может быть, тысяча или больше. Тысяча айильцев, похороненных стоя, лицом к восходу солнца. Тысяча. Среди них были и Девы. Мысль о гибели мужчин заставляла сердце Перрина сжиматься; гибель женщин вызывала желание опуститься на землю и завывать. Они сами сделали свой выбор, напомнил он себе. И еще – они оказались здесь, потому что *нужны* были здесь. И то и другое было правдой, но непосредственные приказы отдавал он и поэтому чувствовал, что несет ответственность за все эти могилы. Не Ранд, не Айз Седай – он.

Уцелевшие айильцы стояли неподалеку и пели над своими погибшими. Одни и те же слова повторялись снова и снова, намертво впечатываясь в память.

Жизнь – это сон, где нет ни тени, ни прохлады.
Жизнь – это сон, где есть страдания и скорбь.
Сон, от которого мы жаждем пробудиться.
Сон, от которого мы просыпаемся и идем.

Кто сможет спать, когда новый рассвет наступает?
Кто сможет спать, когда свежий ветер подул?
Сон кончается, когда приходит новый день.
Сон, от которого мы просыпаемся и идем.

Казалось, это пение каким-то образом утешало их. Хотелось бы ему испытывать то же самое, но... Насколько Перрину было известно, на самом деле айильцев будто вообще не волновало, живы они или умерли, а это уже чистой воды безумие. Любому человеку в здравом уме хочет жить. Любому человеку в здравом уме со всех ног кинулся бы прочь от любого сражения – если бы смог – и улепетывал со всей возможной скоростью.

Ходок нервно вскинул голову, раздувая ноздри от идущих со всех сторон запахов, и Перрин успокаивающе похлопал его по шее. Айрам с усмешкой смотрел в ту сторону, куда Перрин старался не глядеть. Лицо Лойала застыло, точно вырезанное из дерева. Губы его, однако, еле заметно шевелились, и до Перрина донеслось:

– Свет, чтоб мне никогда в жизни не видеть такого...

Набрав в грудь побольше воздуха, Перрин наконец заставил себя взглянуть в ту сторону, куда смотрели все они, – на Колодцы Дюмай.

В каком-то смысле это было не так ужасно, как могилы, во всяком случае могилы людей, которых он знал с детства, но все в целом как-то сразу обрушилось на него, точно удар обуха по голове. То, о чем он страстно хотел забыть, стремительно нахлынуло снова. Земля вокруг Колодцев Дюмай и прежде была убийственным местом, умирающим местом, но сейчас она превратилась в нечто худшее. Меньше чем в миле отсюда вокруг маленькой рощицы стояли обуглившиеся остовы повозок, за которыми почти не видны были невысокие каменные стены самих колодцев. А вокруг...

Бурлящее море черных грифов, ворон и воронов с блестящим оперением – десятки тысяч, не меньше! – кружилось водоворотами, то вздымаясь волнами, то вновь опадая; развороченная земля была не видна под ними. И Перрин был даже благодарен им за это. Аша'маны действовали грубо, безжалостно, уничтожая и живую плоть, и землю. Меньше чем за день погибло столько Шайдо, что их невозможно было похоронить, даже если кому-то и пришлось бы в голову заниматься этим; вот почему пировали сейчас грифы и воронье. Мертвые волки тоже лежали здесь. Перрин хотел бы похоронить их, но у волков такое не принято. Обнаружили три трупа Айз Седай – в безумном вихре битвы даже умение направлять Силу не спасло их от копий и стрел – и полдюжины мертвых Стражей. Всех их похоронили, расчистив место около самих колодцев.

Птицы и трупы были не единственными на поле брани. Отнюдь не единственными. Волны черных крылатых тварей вздымались вокруг лорда Добрэйна Таборвина и двух сотен его конных кайриэнцев. Тут же находился и лорд-лейтенант Хавъен Нурелль со всеми оставшимися у него майенцами, кроме тех, которые охраняли Стражей. Все офицеры из Кайриэна, за исключением самого Добрэйна, носили *кон* с двумя белыми ромбами на голубом фоне. Майенцы были в красных доспехах, с красными вымпелами на пиках. Все они имели такой вид, будто, находясь в самом центре кровавой бойни, хотели произвести впечатление, что им все нипочем. Однако не один Добрэйн прижимал к носу платок. То там, то здесь кто-нибудь из воинов, перегнувшись с седла, судорожно корчился, пытаясь освободиться от содержимого желудка, который и без того был уже пуст.

Был здесь и Мазрим Таим, почти такой же высокий, как Ранд, пеший, в черном мундире с драконами, вышитыми на рукавах и отливающими голубизной и золотом, а с ним сотня или больше Аша'манов. Некоторые из них держались за живот. Тут было также множество Дев, еще больше сисвай'аман – больше, чем кайриэнцев, майенцев и Аша'манов, вместе взятых, – и несколько дюжин Хранительниц Мудрости. Все они находились тут на всякий случай. Вдруг Шайдо вздумают вернуться? Или кто-то из якобы умерших придет в себя. По правде говоря, Перрин был уверен, что всякий живой, пролежавший здесь на положении трупа все это время, просто сошел бы с ума.

Все держались неподалеку от Ранда, который находился в центре всего этого столпотворения.

Перрин должен был находиться там, вместе с двуреченцами. Ранд просил Перрина привести их, упирая на то, что доверяет людям с родины, но Перрин ничего ему не обещал. «Он должен будет расплатиться со мной, и скоро», – подумал Перрин. Совсем скоро, как только ему удастся справиться с собой, чтобы не вздрагивать, глядя на эту бойню внизу. Только ножи мясников на бойне рубят не людей, и действуют они аккуратнее, чем топоры и копья, аккуратнее, чем грифы.

Одетые в черное Аша'маны терялись в море птиц – смерть, поглотившая смерть, – а вбóроны и ворбóны, описывающие круги над головами, мешали как следует разглядеть остальных, но Ранд выделялся среди всех превратившейся в лохмотья белой рубашкой, которая была на нем, когда пришла помощь и он вырвался на свободу. Хотя, может, он справился бы и сам. Мин, в своей розовой куртке и плотно облегающих штанах, стояла рядом с Рандом, и это заставило Перрина поморщиться. Здесь не место для нее – как, впрочем, и для любого нормального человека, – но с момента освобождения она почти не расставалась с Рандом и, похоже, держалась к нему даже ближе, чем Таим. Ранд каким-то образом сумел освободить обоих, и себя, и ее, намного раньше, чем Перрин или даже Аша'маны прорвались к нему. У Перрина сложилось впечатление, что теперь Мин лишь в присутствии Ранда чувствовала себя в безопасности.

Шагая по этой почерневшей земле, Ранд время от времени похлопывал Мин по руке или наклонял к ней голову, будто говорил что-то, но чувствовалось, что его внимание занято не этим. Черные тучи птиц вздымались вокруг. Очень немногие освобождали людям дорогу, улетаая, чтобы продолжить пир в другом месте. В особенности неохотно делали это грифы, до последнего момента не желая взлетать, вытягивая голые шеи, пронзительно, вызывающе крича и тут же возвращаясь обратно. Иногда Ранд останавливался, склоняясь над каким-нибудь трупом. Иногда с его рук вырывался огонь, устремляясь вниз, на грифов, не уступавших дорогу. Каждый раз Нандера, которая руководила Девами, или Сулин, ее помощница, принимались что-то горячо обсуждать с ним. Иногда Хранительницы Мудрости спорили с Рандом, судя по тому, как они одергивали одежду на трупах, как бы желая показать что-то. Ранд в ответ кивал и двигался дальше, непременно взглянув на тело, которое ему показывали. И так до тех пор, пока следующий труп не привлекал его внимание.

– Чем это он занимается? – требовательно спросил высокомерный голос рядом с коленом Перрина. Он узнал ее по запаху, даже не глядя вниз. Величественная и элегантная, в зеленом шелковом платье для верховой езды и тонком полотняном плаще-пыльнике, Кируна Начиман была сестрой Пейтара, короля Арафела, и принадлежала к высшей знати. Став Айз Седай, она не сочла нужным менять свои манеры. Поглощенный открывшимся перед ним зрелищем, Перрин не заметил, как она подошла. – Что он делает там, внизу? Ему не следует этим заниматься.

Не все Айз Седай в лагере были пленницами, хотя те, кто оставался на свободе, после вчерашнего старались держаться тише воды ниже травы, разговаривали только друг с другом и, как предполагал Перрин, ломали голову над тем, что же, в конце концов, произошло. Может быть, еще и над тем, как выпутаться из этой ситуации. Бера Харкин, еще одна Зеленая, стояла рядом с Кируной. На вид вполне обыкновенная, даже простоватая женщина, несмотря на безвозрастное лицо и прекрасное шерстяное платье, но вся до мозга костей такая же, как и Кируна, гордая, только на свой лад. Эта «простоватая» женщина могла весьма резко приказать даже королю счистить грязь с сапог, прежде чем входить к ней в дом. Она и Кируна были заправилами среди тех сестер, которые вместе с Перрином пришли к Колодцам Дюмай. Хотя кто их знает? Может, они командовали по очереди. У этих Айз Седай все не как у обычных людей. Ничего не разберешь.

Остальные семь испуганной стайкой стояли неподалеку. А может, вовсе и не испуганной, может, их одолевала гордыня: как это, они – львицы, не перепела какие-нибудь, а никто на них вроде и внимания не обращает? Стражи выстроились позади, и если сестры были, как обычно, внешне безмятежны, Стражи не скрывали своих истинных чувств. Они чем-то очень

сильно отличались от других мужчин, в этих своих меняющих цвет плащах, которые временами создавали впечатление, что тот или иной из них внезапно исчез. Но какими бы они ни были – низкими или высокими, плотными или худыми, – все они казались воплощенной яростью, еле сдерживаемой в узде, к тому же заметно изношенной.

Двух из этих женщин Перрин знал хорошо, Верин Матвин и Аланну Мосвани. Низенькая, плотная и немного рассеянная Верин из Коричневой Айя временами вела себя почти по-матерински – если не изучала тебя, точно птица какого-нибудь червяка. Аланна, стройная, загадочная и хорошенькая, хотя неизвестно почему немного осунувшаяся за последнее время, была Зеленой. В общем, пять из девяти были Зелеными. Как-то, не так давно, Верин посоветовала Перрину не слишком доверять Аланне, и он был всей душой согласен с ней. Он не доверял ни одной Айз Седай, в том числе и самой Верин. Точно так же относился к ним и Ранд, несмотря на то, что вчера они сражались на его стороне, и несмотря на то, что произошло по окончании битвы. Временами Перрин до сих пор сомневался, что это в самом деле случилось, хотя видел все собственными глазами.

Больше дюжины Аша'манов лениво бродили шагах в двадцати от сестер. Один самоуверенный тип с жестким лицом, которого звали Чарл Гедвин, явно был у них сегодня утром за старшего. У всех к высокому вороту приколот значок в форме серебряного меча, а у четырех или пяти, не считая Гедвина, еще один, в виде красно-золотого эмалевого дракона, с другой стороны. Как предполагал Перрин, таким образом обозначался их ранг. Ему уже приходилось видеть оба значка на других Аша'манах. Точно негласная охрана, они ухитрялись все время держаться поблизости от Кируны и остальных. Просто будто прогуливались неподалеку, так и зырая острыми взглядами по сторонам. Вроде бы не наблюдали за Айз Седай, тем не менее не выпускали их из поля зрения. От сестер же пахло настороженностью, замешательством и... яростью. В какой-то мере это явно было связано с Аша'манами.

– Ну? – Темные глаза Кируны вспыхнули от нетерпения. Вряд ли на свете было много людей, которые заставляли ее ждать.

– Не знаю, – солгал Перрин, снова похлопав Ходока по шее. – Ранд мне не докладывает.

Кое-что в поведении Ранда было ему понятно – или он так думал, – но Перрин не собирался ни с кем этого обсуждать. Если Ранд захочет, сам объяснит. Тела, которые Ранд осматривал, принадлежали Девам; в этом Перрин был убежден. Девам Шайдо, конечно, хотя неизвестно, имеет ли значение этот факт для Ранда. Этой ночью Перрин ушел подальше от фургонов, чтобы хоть немного побыть наедине с самим собой. Когда голоса людей, радующихся тому, что они остались живы, стихли позади, он неожиданно наткнулся на Ранда. Дракон Возрожденный, который заставлял трепетать весь мир, сидел на земле, один, в темноте, обхватив себя руками и покачиваясь взад и вперед.

* * *

Перрину казалось, что луна сияла почти так же ярко, как солнце, но ему бы хотелось, чтобы царила тьма. Лицо Ранда было искажено – лицо человека, которому хотелось закричать или, может быть, заплакать и который изо всех сил сопротивлялся этому желанию. Айз Седай владели каким-то трюком, позволяющим сделать так, чтобы жара не касалась их, и хотя Ранд и Аша'маны тоже умели это делать, сейчас Ранду явно было не до трюков. Несмотря на ночное время, тепло было, как летним днем, и Ранд вспотел не меньше Перрина.

Он не оглянулся, хотя сапоги Перрина громко прошуршали по мертвой траве, и все же хрипло заговорил, продолжая покачиваться:

– Сто пятьдесят одна, Перрин! Сто пятьдесят одна Дева погибла сегодня. Из-за меня. Я же обещал им, ты знаешь. Не спорь со мной! Замолчи! Уходи! – Несмотря на пот, Ранд заметно дрожал. – Не ты, Перрин; это я не тебе. Я пообещал им, и я должен выполнять все свои

обещания, ты знаешь. Должен, чего бы это ни стоило. Но я должен выполнять и те обещания, которые дал самому себе. Чего бы это ни стоило.

Перрин старался не думать о том, какая судьба ожидала мужчин, способных направлять Силу. Если повезет, они умирали до того, как сходили с ума; если не повезет – умирали после этого. И независимо от того, относился Ранд к тем, которым повезло, или нет, все держалось только на нем. Все.

– Ранд, я не знаю... Но...

Ранд, казалось, не слышал. Он все так же покачивался взад и вперед. Взад и вперед.

– Исан, из септа Джарра клана Чарин Айил, погибла сегодня из-за меня. Чуонде, из Станового Хребта, из Миагома, погибла сегодня из-за меня. Агирин, из септа Шелан, из Дэрайн...

* * *

Что ему оставалось? Только опуститься на корточки и слушать, как Ранд одно за другим повторяет имена – все сто пятьдесят одно – голосом, в котором чувствовалась такая боль, что казалось, сердце у него вот-вот разорвется. Слушать и надеяться, что, несмотря ни на что, Ранд пока еще не сошел с ума.

Был Ранд еще полностью нормальным или нет, Перрин не сомневался в том, что любая Дева, которая сражалась и погибла здесь за него, будет найдена и достойным образом похоронена вместе с остальными. И Кируны это совершенно не касается. Ни это, ни сомнения Перрина по поводу того, нормален ли Ранд. Ранд должен быть в своем уме, и настолько, насколько требовалось, – и все тут. О Свет, пусть будет так!

«И пусть Свет испепелит меня – за то, что я способен рассуждать об этом так холодно», – подумал Перрин.

Краем глаза он заметил, что Кируна поджала пухлые губы. Она не любила не понимать чего бы то ни было – так же, как не любила, чтобы ее заставляли ждать. Прекрасная женщина, в самом что ни на есть возвышенном смысле этого слова, если бы не то, что она использовала свое обаяние для получения желаемого. И не потому, что такова была ее прихоть, а просто потому, что она абсолютно уверена – чего бы она ни желала, все правильно, и достойно, и так, как нужно.

– Здесь так много воронов и ворон, наверно даже не сотни, а тысячи, и любой из них может сообщить мурддраалу о том, что он видел. – Она даже не попыталась скрыть свое раздражение. Это прозвучало так, будто лично Перрин был повинен в том, что все эти птицы слетелись сюда. – У нас в Пограничных землях их тут же убивают, как только заметят. У тебя полно людей, и у всех есть луки.

Она говорила правду. Воробы и воробы чаще других шпионили для Тени, но при мысли, что опять надо убивать, его охватило отвращение. Отвращение и усталость.

– Что толку? – При таком скопище птиц двуреченцы и айилыцы могут потратить все свои стрелы, и все равно кто-нибудь из этих мерзких шпионов уцелеет. Как отличить, кто из улетевших шпион, а кто нет? – Разве здесь мало было убийств? Больше чем достаточно. Ради Света, женщина, даже Аша'маны ими пресытились!

У сестер, которые не сводили глаз с Перрина и Кируны, брови поползли вверх. Никому не позволялось в таком тоне разговаривать с Айз Седай, ни королю, ни королеве. Бера одарила Перрина таким взглядом, будто всерьез обдумывала, не скинуть ли его с седла и надрать уши. По-прежнему не отрывая взгляда от зрелища бойни внизу, Кируна с выражением холодной решимости поправила юбки. Уши Лойала затрепетали. Он глубоко уважал Айз Седай, но у него они вызывали чувство опасения. Почти вдвое выше большинства сестер, временами он вел себя так, будто боялся, что, окажись он у одной из них на пути, она могла ненароком раздавить его точно муху, даже не заметив этого.

Перрин не дал Кируне возможности заговорить. Сунь Айз Седай палец в рот, и она откусит всю руку, если не больше.

– Держитесь от меня подальше, но прежде я хочу кое-что сказать. Вчера вы послушались приказа. Если вам хочется называть это изменением плана... – Кируна открыла было рот, и он заговорил быстрее: – Что ж, дело ваше. Только это ничего не меняет. – Ей и остальным восьми было велено оставаться с Хранительницами Мудрости и держаться подальше от сражения, под охраной двуреченцев и майенцев. Вместо этого они бросились прямо в гущу боя, туда, где мужчины мечами и копьями кромсали друг друга, точно мясной фарш. – Хавьен Нурелль кинулся за вами, и в результате половина майенцев погибла. Вы всегда делаете то, что считаете нужным, не думая о других. Я не хочу, чтобы снова гибли люди только потому, что вам неожиданно придет в голову действовать другим, «лучшим» способом. А кому это не нравится, тот может отправляться хоть к самому Темному. Вам понятно?

– Ты закончил, деревенщина? – Голос Кируны звучал угрожающе спокойно. Лицо, обращенное к Перрину, казалось вырезанным из темного льда, и от нее несло оскорбительным вызовом. Стоя на земле, она каким-то образом умудрилась создать впечатление, будто смотрит на Перрина сверху вниз. Этот трюк не был открытием Айз Седай, о нет; он не раз наблюдал, как Фэйли проделывает то же самое. Наверно, очень многие женщины знают, как этого добиться. – Я объясню тебе кое-что, хотя человек даже весьма среднего ума мог бы и сам сообразить. Три Клятвы позволяют сестрам использовать Единую Силу как оружие только против приспешников Темного или отродий Тьмы либо для защиты собственной жизни, жизни своего Стража или жизни других сестер. Там, где ты нас поставил, мы могли без толку простоять до Тармон Гай'дон, если бы только сами не оказались в опасности. Мне не нравится объяснять свои поступки, деревенщина. Не заставляй меня делать это снова. Ты понимаешь?

Уши Лойала поникли, он смотрел в пространство прямо перед собой с таким напряженным видом, что было ясно: он хотел бы оказаться где угодно, только не здесь – даже рядом со своей матерью, которая только и думала о том, как бы женить его. Айрам как открыл рот, так и позабыл закрыть, а ведь он всегда старался делать вид, будто Айз Седай не производят на него ни малейшего впечатления. Джондин и Тод спустились с повозки, боясь случайно оказаться замешанными в происходящее; Джондин неспешно, точно прогуливаясь, пошел прочь, а Тод не скрываясь убежал, оглядываясь через плечо.

Объяснение Кируны звучало вполне разумно и даже походило на правду. Нет, учитывая вторую из Трех Клятв, это и была правда. Хотя лазейки оставались. Например, можно говорить не всю правду или выразиться как-то так, чтобы не солгать напрямую, но и не сказать правды. Сестры, возможно, и в самом деле почувствовали себя в опасности, что дало им право использовать Силу как оружие, но Перрин готов съесть свои сапоги, если у них даже в мыслях не было того, как бы первыми добраться до Ранда. Что произошло бы в этом случае, можно только гадать, но, уж конечно, в их планы никак не входило то, что случилось на самом деле.

– Он идет, – неожиданно сказал Лойал. – Смотрите! Ранд идет. – Перейдя на шепот, он добавил: – Будь осторожен, Перрин. – Для огира это и в самом деле был шепот. Айрам и Кируна, скорее всего, слышали каждое слово, может, и Бера тоже, но, несомненно, больше никто. – Они не присягали на верность тебе! – Голос Лойала вернулся к нормальному для него гудению. – Как вы думаете, может он рассказать мне о том, что происходило в лагере? Для моей книги. – Лойал писал книгу о Драконе Возрожденном или, точнее говоря, делал пока заметки для нее. – Я не так уж много видел с того момента, как... как началось сражение. – Он бился бок о бок с Перрином в самой гуще боя, размахивая огромным топором под стать своему росту. Много ли замечаешь, если думаешь о том, как бы уцелеть? А послушать Лойала, так, если ситуация накалялась, огира там будто и не было. – Как вы думаете, Кируна Седай, он расскажет?

Кируна и Бера обменялись взглядами и без единого слова плавно двинулись к Верин и остальным. Глядя им вслед, Лойал тяжело вздохнул – точно ветер пронесся.

– Тебе и вправду следует быть поосторожнее, Перрин, – еле слышно прогудел он. – Язык твой – враг твой. – На этот раз он гудел всего-навсего как шмель величиной с кота, не с мастифа.

Перрин подумал, что, возможно, огир в конце концов и в самом деле научится шептать. Если они подольше побудут в обществе Айз Седай. Он жестом попросил Лойала помолчать – ему хотелось послушать, о чем говорят сестры. Но хотя они весьма оживленно разговаривали между собой, до ушей Перрина не долетало ни звука. Наверно, окружили себя барьером из Единой Силы.

Это стало ясно и Аша'манам. Они прекратили свои ленивые прогулки, в волнении приподнимаясь на носках и теперь уже откровенно не спуская взглядов с сестер. Ничто не указывало на то, что они обратились к *саидин*, мужской половине Истинного Источника, но Перрин готов был поспорить на Ходока, что именно это и происходило. Судя по злой усмешке Гедвина, он даже был готов пустить Силу в ход.

Если во время разговора Айз Седай и были охвачены волнением, теперь они, казалось, совершенно успокоились. Сложив руки, они молча глядели вниз, на склон. Аша'маны обменялись быстрыми взглядами, и в конце концов Гедвин жестом успокоил их. Он выглядел разочарованным. Заворчав от раздражения, Перрин посмотрел туда, куда были устремлены все взоры.

По склону медленно поднимался Ранд, Мин держала его за руку. Время от времени он, разговаривая, легонько похлопывал ее по плечу. Один раз он даже откинул голову назад и засмеялся, и Мин тоже, встряхнув черными локонами, лежащими на плечах. Он выглядел в этот момент обыкновенным деревенским парнем, идущим со своей девушкой. Если не замечать того, что у него на поясе висел меч и время от времени он проводил рукой по длинной рукояти. И если не замечать Таима, который шел с другой стороны. И Хранительниц Мудрости, едва не наступающих Ранду на пятки. И Дев, вместе с сисвай'аман окруживших его кольцом, и замыкавших шествие кайриэнцев с майенцами.

Перрин испытал огромное облегчение оттого, что ему не пришлось спускаться к этой бойне. Но он непременно должен предостеречь Ранда насчет запутанного клубка взаимной враждебности, которую ощутил этим утром. Что, если Ранд не станет слушать? Ранд изменился с тех пор, как покинул Двуречье, и особенно после того, как его похитили Койрен и вся ее шайка. Нет. Он *должен* быть нормальным.

Когда Ранд и Мин вошли внутрь круга фургонов, большинство сопровождающих остались снаружи. Конечно, не все, но за Рандом и Мин последовали только те, кто думал, что имеет на это право, а может, кто считал это своим долгом.

Конечно, Ранда, точно тень, сопровождал Таим; смуглый, с крючковатым носом, он, как казалось Перрину, нравился женщинам. Многие Девы, в частности, явно на него заглядывались. Ну что ж, им, конечно, виднее. Оказавшись внутри круга повозок, Таим вопросительно посмотрел на Гедвина, который в ответ еле заметно покачал головой. Лицо Таима исказила гримаса, но она исчезла так же быстро, как и появилась.

Нандера и Сулин, конечно, едва не наступали Ранду на пятки, и Перрин удивился, как это они не захватили с собой еще хотя бы двадцать Дев. Насколько Перрину было известно, они даже не позволяли Ранду мыться, если лохань не охраняли Девы. Он не понимал, почему Ранд мирится с этим. На каждой была шуфа, которая ниспадала по плечам, позволяя видеть волосы, собранные в хвост и спускающиеся на спину. Жилистая Нандера, с золотистыми, хотя и заметно поседевшими волосами, несмотря на резкие черты лица, выглядела статной и даже почти красивой. Сулин – гибкая, вся в шрамах и совсем седая – производила такое впечатление, что Нандера рядом с ней казалась просто хорошенькой и почти мягкой женщиной. Айилки тоже посмотрели на Аша'манов, не выделяя никого из них, а потом внимательно и насторо-

женно взгляделись в обе группы Айз Седай. Пальцы Нандеры замелькали в языке жестов. Девы часто переговаривались между собой таким образом. Уже не впервые Перрин пожалел, что не понимает этого языка, но любая Дева скорее расстанется с копьем и выйдет замуж за жабу, чем научит языку жестов мужчину. Дева, сидящая на корточках рядом с фургоном неподалеку от Гедвина, на которую Перрин прежде не обратил внимания, ответила Нандере тоже на языке жестов. Вскоре к ней присоединилась другая, которая до этого играла с сестрой по копыю в незамысловатую игру – петля из веревочки, надетая на расставленные руки, – под названием «кошачья колыбелька».

Эмис, введя Хранительниц Мудрости внутрь круга повозок, предоставила их самим себе, а сама подошла к Сорилее и остальным, которые и прежде находились здесь. Несмотря на слишком молодое лицо, которое резко контрастировало с длинными, до талии, серебристыми волосами, Эмис играла значительную роль среди Хранительниц Мудрости, занимая в их иерархии второе место после Сорилеи. Они не использовали Единую Силу, чтобы никто не слышал их разговора, но семь или восемь Дев тут же окружили их и принялись негромко напевать, как бы для самих себя. Кое-кто опустил на землю, кое-кто остался стоять, некоторые сидели на корточках, каждая сама по себе, и все оказались здесь будто случайно. Глупец так бы и подумал.

Перрина такая тоска взяла – просто до жути. То Айз Седай, то Хранительницы Мудрости, то Девы – на каждом шагу. В последнее время женщины вообще, казалось, задались целью довести его до белого каления.

Шествие замыкали Добрэйн и Хавьен, они вели коней в поводу и были одни, без своих воинов. Хавьен, как и мечтал, все-таки увидел сражение. «Интересно, – подумал Перрин, – следующее он так же сильно жаждет теперь увидеть?» Примерно тех же лет, что и Перрин, майенец уже не выглядел таким юным, как день назад. Добрэйна никто не назвал бы молодым, хотя бы из-за длинных седых волос, по обычаю кайриэнских воинов выбритых спереди, и вчера определенно было не первое его сражение. И все же, по правде говоря, он тоже выглядел постаревшим и обеспокоенным. Так же, как и Хавьен. Их взгляды остановились на Перрине.

В другой раз он, может, и поговорил бы с ними, но сейчас соскользнул с седла, кинул поводья Ходока Айраму и зашагал к Ранду. Остальные оказались там раньше его, только Сулин и Нандера продолжали свой молчаливый разговор на языке жестов.

Кируна и Бера тронулись с места в то же мгновение, как Ранд ступил внутрь круга повозок, и, когда Перрин подошел, Кируна уже с величественным видом говорила Ранду:

– Ты вчера отказался от Исцеления, хотя любому ясно, что ты в нем нуждаешься, даже если Аланна... – Она замолчала, когда Бера дотронулась до ее руки, но тут же продолжила почти без паузы: – Может быть, сейчас ты наконец займешься своим Исцелением? – Это прозвучало почти как «Может быть, сейчас ты наконец оставишь свои глупости?».

– Нужно как можно скорее решить, что делать с Айз Седай, Кар'а'карн, – официальным тоном заявила Эмис, точно не замечая присутствия Кируны.

– Их следует поручить нашим заботам, Ранд ал'Тор, – добавила Сорилея, покосившись на Таима, который заговорил одновременно с ней:

– Никакой проблемы с Айз Седай не существует, милорд Дракон. Мои Аша'маны прекрасно с ними управятся. Айз Седай могут находиться в Черной Башне, удерживать их там не составит особого труда. – Взгляд темных глаз едва заметно скользнул в сторону Кируны и Беры, и Перрин потрясенно осознал, что Таим имел в виду *всех* Айз Седай, а не только пленниц. И хотя Сорилея и Эмис нахмурились, услышав слова Таима, их взгляды, устремленные на обеих Айз Седай, красноречиво говорили о том, что они придерживаются того же мнения.

Кируна улыбнулась, глядя на Таима и Хранительниц Мудрости, – тонкая улыбка, еле заметно скользнувшая по губам. Улыбка эта, возможно, была чуточку жестче, когда адресовалась мужчине в черном, но, судя по тому, что она вообще появилась, Кируна явно еще не

осознавала его намерений. Она будто ставила его таким образом на место, давая понять, кем он, с ее точки зрения, является. Чем он является.

– При сложившихся обстоятельствах, – невозмутимо произнесла она, – я ничуть не сомневаюсь, что Койрен Седай и остальные дадут мне слово чести. Вам не о чем беспокоиться...

Все заговорили одновременно.

– У этих женщин нет чести, – с презрением сказала Эмис, и на этот раз не оставалось никаких сомнений в том, что она имеет в виду их всех. – Чего стоит их слово чести? Они...

– Они – *да'тсанг*, – неумолимо, будто произнося приговор, заявила Сориля, и Бера сердито посмотрела на нее.

Перрин подумал, что это слово – из древнего языка, и снова, уже в который раз, оно показалось ему странно знакомым, будто он каким-то непостижимым образом должен был понимать, что это слово означает, – но на самом деле он не знал, почему оно заставило Айз Седай сердито нахмуриться. Не понимал он и того, почему Сулин вдруг закивала, явно соглашаясь с Хранительницей Мудрости, которая продолжала говорить тем же неумолимым тоном, вызывающим в памяти образ валуна, с грохотом несущегося по склону холма:

– Они заслуживают того же, что и все остальные...

– Милорд Дракон, – вмешался Таим таким тоном, будто то, что он говорил, совершенно очевидно, – ты, конечно, захочешь, чтобы Айз Седай – все – были препоручены тому, кому ты доверишь, тому, кто, как тебе известно, способен управиться с ними и кто лучше...

– Хватит! – воскликнул Ранд.

Все тут же как один смолкли, но повели себя совершенно по-разному. На лице Таима не отразилось ничего, хотя от него резко запахло яростью. Эмис с Сорилеей обменялись взглядами и одинаковым движением поправили шали; от них пахло точно так же, как от Таима, и выражение их лиц подтверждало это. Они хотели того, чего хотели, и намеревались добиться этого, с помощью Кар'а'карна или без нее. Кируна и Бера тоже посмотрели друг на друга, и взгляды их были столь красноречивы, что Перрину страстно захотелось уметь разгадывать, что они выражали, – как его нос умел разгадывать запахи. Его глазам предстали две безмятежные Айз Седай, вполне владеющие собой и уверенные, что все будет так, как они хотят; однако нос его ощущал запах тревоги и страха, исходивший от обеих. Они боялись Таима, это ясно. Похоже, они думали, что смогут так или иначе договориться и с Рандом, и с Хранительницами Мудрости, но Таим и Аша'маны по-настоящему пугали их.

Мин потянула Ранда за рукав – она явно заметила всеобщую озабоченность и пахла почти так же тревожно, как сестры. Он успокаивающе похлопал ее по руке, не сводя с остальных пристального, сурового взгляда. Особенно с Перрина, открывшего было рот. Все, кто находился в лагере, в том числе двуреченцы и пленные Айз Седай, смотрели на них, но лишь несколько айильцев стояли достаточно близко, чтобы слышать. Люди не сводили глаз с Ранда, но явно старались по возможности держаться подальше.

– Пленницами будут заниматься Хранительницы Мудрости, – произнес наконец Ранд, и Сориля неожиданно запахла так удовлетворенно, что Перрин энергично потер нос. Таим сердито покачал головой, но Ранд не дал ему возможности заговорить. Он засунул большой палец за пряжку пояса с мечом, на которой был выгравирован позолоченный дракон, и костяшки пальцев на руке побелели; другая рука продолжала тереть рукоять меча. – Планировалось, что Аша'маны будут заниматься обучением и пополнять свои ряды, а не стоять на страже. Тем более на страже Айз Седай.

У Перрина на голове зашевелились волосы, когда до него дошло, какой запах исходил от Ранда, в упор смотревшего на Таима. Ненависть, окрашенная страхом. О Свет, он должен быть нормальным.

Таим коротко, неохотно кивнул:

– Как прикажешь, милорд Дракон.

Мин с тревогой взглянула на этого человека в черном мундире и придвинулась поближе к Ранду.

От Кируны запахло облегчением; бросив, однако, еще один взгляд на Беру, она выпрямилась с выражением непробиваемой самоуверенности на лице:

– Эти айильские женщины, безусловно, заслуживают всяческого доверия... Некоторые из них, возможно, достигли бы многого, приди они в Башню... Но ты же не можешь просто передать им под надзор *Айз Седай*. Это немыслимо! Бера Седай и я...

Ранд поднял руку – и слова замерли у нее на устах. Может, дело было в выражении его глаз, сверкающих, точно серо-голубые камни. Или, может, сыграл свою роль красно-золотой дракон, обвивающий его предплечье, который стал особенно заметен, потому что у рубашки с этой стороны был оторван рукав. Дракон сверкал и переливался в солнечном свете.

– Вы разве не присягали мне на верность?

Кируна вытаращила глаза, будто получила удар под дых.

Спустя мгновение она кивнула с явной неохотой. Делая это, она словно не верила сама себе, точно так же как вчера, когда после окончания сражения стояла на коленях у колодцев и клялась Светом и своей надеждой на спасение и возрождение, что будет повиноваться Дракону Возрожденному и служить ему до Последней битвы, до самого ее конца. Перрин понимал ее потрясение. Даже если забыть о существовании Трех Клятв, начини она отрицать то, что произошло, он, наверно, скорее усомнился бы в собственной памяти. Девять Айз Седай на коленях, с потрясенными лицами, произносящие роковые слова и сами не верящие в то, что они это делают! Даже сейчас лицо Беры перекосилось, точно она надкусила гнилую сливу.

Айилец – почти такой же высокий, как Ранд, с обветренным лицом и темно-рыжими волосами, тронутыми сединой, – подошел ближе. Он кивнул Перрину и слегка прикоснулся к руке Эмис. В ответ она на мгновение сжала его пальцы. Руарк был ее мужем, но айильцы никогда не позволяли себе большего проявления чувств, если рядом находились посторонние. Он был также вождем клана Таардад Айил – он и Гаул единственные среди мужчин-айильцев не носили головную повязку *сисвай'аман*, – и с прошлой ночи он и тысяча его копий производили разведку, рыская по округе.

Даже распоследний слепец, едва прибывший сюда, почувствовал бы напряжение, сгустившееся вокруг Ранда, а Руарк был далеко не глуп.

– У меня новости для тебя, Ранд ал'Тор. – Ранд жестом разрешил ему говорить, и Руарк тут же продолжил: – Эти псы Шайдо все еще со всей возможной быстротой бегут на восток. На севере я видел мужчин в зеленом, на конях, но они избегали нас, и мы, в соответствии с твоим приказом, позволили им уйти, поскольку они не причиняли нам беспокойства. Думаю, они разыскивают Айз Седай, которым удалось сбежать. С ними было несколько женщин. – Лицо его выглядело чеканно спокойным и твердым, холодные голубые глаза остановились на двух стоящих рядом Айз Седай. Прежде Руарк обошел бы стороной любую Айз Седай – каждый айилец поступил бы точно так же, – но вчера с этим было покончено; а может, и раньше.

– Хорошие новости. Я отдал бы почти все на свете за то, чтобы поймать Галину, но все равно хорошие новости. – Ранд снова положил ладонь на обтянутую кожей рукоять меча и на полдюйма вытащил клинок из темных ножен. Казалось, он сделал это неосознанно. Галина, из Красной Айя, была главной среди тех сестер, у которых он находился в плену, и если он сравнительно спокойно говорил о ней сегодня, то вчера, узнав, что она скрылась, пришел в ярость. Даже сейчас от его спокойствия веяло холодом – спокойствие того сорта, которое вполне могло скрывать тлеющий гнев. И от Ранда исходил такой запах, что у Перрина мурашки побежали по телу. – Они должны заплатить за все. И заплатят.

Было непонятно, кого Ранд имел в виду – Шайдо, или спасшихся бегством Айз Седай, или и тех и других.

Бера сделала беспокойное движение головой, и его внимание тут же снова переключилось на нее и Кируну.

– Вы присягали мне на верность, и я верю этому... вот настолько. – Он поднял руку, сблизив большой и указательный пальцы так, чтобы между ними остался крошечный зазор. – Айз Седай всегда все знают лучше других, или, по крайней мере, так им кажется. Поэтому я могу доверить вам одно – точно исполнять мои приказания, но вы даже ванну не примете без моего разрешения. Или разрешения Хранительниц Мудрости.

На этот раз у Беры сделался такой вид, будто ее ударили. Ее светло-карие глаза обратились к Эмис и Сорилее с выражением удивления и негодования, а Кируна затрепетала, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие. Хранительницы Мудрости лишь поправили шали, но пахло от них обеих по-прежнему удовлетворением. Волны жестокого удовлетворения. Айз Седай крупно повезло, подумал Перрин, что их носы не чуяли все так же, как его нос, иначе они готовы были бы броситься в бой прямо здесь и сейчас. Или, возможно, попытались бы скрыться, наплевав на свое достоинство. Он на их месте поступил бы именно так.

Руарк стоял на прежнем месте, с праздным любопытством рассматривая наконечник одного из своих коротких копий. Происходящее было делом Хранительниц Мудрости, а он всегда говорил, что не станет лезть в дела Хранительниц Мудрости, пока они держатся подальше от дел вождей кланов. Но Таим... Сложив руки и со скучающим выражением лица оглядывая лагерь, он пытался делать вид, будто его все это не волнует, и тем не менее от него исходил странный и сложный запах. Перрин сказал бы, что этот человек забавлялся и что его настроение определенно улучшилось по сравнению с тем, каким оно было совсем недавно.

– Мы поклялись тебе, – изрекла наконец Бера, уперев руки в широкие бедра, – и этого вполне достаточно. Только приспешницы Темного могут нарушить эту клятву. – Она произнесла слово «клятва» почти таким же тоном, каким упомянула о приспешниках Темного. Нет, им не нравилось, очень не нравилось то, что они дали эту клятву. – Ты осмеливаешься обвинять нас?..

– Если бы я так думал, – огрызнулся Ранд, – вы бы уже вместе с Таимом были на пути в Черную Башню. Вы поклялись, что будете повиноваться. Ну так повинуйтесь!

Долгое мгновение Бера, похоже, колебалась, потом с головы до пят обрела обычный для Айз Седай царственный вид. Это было что-то... Айз Седай способны даже королеву на троне заставить почувствовать себя замарашкой. Слегка присев в реверансе, Бера лишь еле заметно наклонила голову.

Кируна, со своей стороны, прилагала неимоверные усилия, чтобы держать себя в руках; когда она заговорила, ее голос прозвучал вполне спокойно, но казался каким-то... ломким:

– Должны ли мы в таком случае спросить *разрешения* у этих *достойных* айильских женщин, прежде чем поинтересоваться, не желаешь ли ты, чтобы тебя Исцелили? Я знаю, Галина жестоко обращалась с тобой. Тебе необходимо Исцеление. Пожалуйста. – Даже слово «пожалуйста» в ее устах прозвучало в какой-то степени как приказ.

Мин, явно взволнованная, шевельнулась рядом с Рандом:

– Лучше скажи спасибо за это предложение, овечий пастух. Вот я скажу. Вряд ли тебе нравится боль. Ведь больно же? Кто-то должен заняться тобой, иначе... – Она озорно улыбнулась, на мгновение став очень похожей на ту Мин, какой Перрин помнил ее до похищения. – Иначе ты не сможешь сидеть в седле.

– Молодые люди по глупости часто терпят боль, – неожиданно заговорила Нандера, не обращая ни к кому конкретно, – чего, конечно, делать не следует. Они думают, что доказывают таким образом свою гордость. Хотя на самом деле это доказывает лишь их глупость.

– Кар'а'карн, – сухо добавила Сулин, также в пространство, – вовсе не глуп. Так мне кажется.

Ранд нежно улыбнулся Мин, искоса взглянул на Нандеру и Сулин, но когда он поднял глаза на Кируну, они снова заledenели.

– Очень хорошо. – И добавил, когда она рванулась вперед: – Только не ты. – Лицо Кируны окаменело прямо на глазах. Рот Таима исказила гримаса – почти улыбка, и он шагнул к Ранду, не отрывая взгляда от Кируны. Ранд махнул рукой, указывая на кого-то за его спиной. – Вот она. Подойди сюда, Аланна.

Перрин вздрогнул. Ранд показывал прямо на Аланну, глядя на нее очень странным взглядом. Этот взгляд расшевелил какое-то воспоминание в глубине сознания Перрина, но он никак не мог понять, какое именно. Таим тоже казался удивленным. Его лицо превратилось в маску вежливости, но взгляд темных глаз мерцал, перебегая с Ранда на Аланну. Судя по запаху, ожегшему нос Перрина, правильнее всего было бы сказать про Таима, что он в недоумении.

Аланна тоже вздрогнула. По какой-то причине она все время выглядела очень подавленной, с тех самых пор, как присоединилась к отряду Перрина на пути сюда; от ее безмятежности остались в лучшем случае одни обрывки. Сейчас она пригладила свои юбки, вызывая стрельнуло взглядом в сторону Кируны и Беры и, плавно обойдя их, оказалась перед Рандом. Обе Айз Седай не сводили с нее глаз – точно учителя, которые собирались убедиться, что ученик хорошо выполняет свое задание, но вовсе не уверены, что это так. Что за всем этим стояло? Пусть одна из них была у сестер главной, но, так или иначе, Аланна *тоже* Айз Седай, точно такая же, как и они. От всего этого подозрительность Перрина в отношении Айз Седай только усилилась. Иметь дело с Айз Седай все равно что пересекать вброд протоки в Мокром лесу неподалеку от Трясины. Под спокойной поверхностью скрывались подводные течения, которые способны сбить с ног. Точно такие же опасные течения в любой момент могли возникнуть здесь, и источником их были отнюдь не только сестры.

Ранд повел себя с Аланной удивительно вольно – дотронувшись до ее подбородка, он заставил ее поднять лицо. Бера шумно втянула воздух, и на этот раз, в виде исключения, Перрин был с ней согласен. Даже танцуя с девушкой на далекой родине, Ранд никогда не позволил бы себе такой развязности, а Аланна вовсе не девушка на танцах. Она покраснела, от нее резко пахло неуверенностью. Странно. Айз Седай не краснели от смущения, насколько было известно Перрину, и, уж конечно, *никогда* не испытывали чувства неуверенности.

– Исцели меня, – сказал Ранд. Тонот приказа, а не просьбы.

Аланна покраснела еще жарче, в исходящем от нее запахе появилась примесь гнева. Ее руки дрожали, когда она подняла их и обхватила его голову.

Перрин непроизвольно потер ладонь, раненную вчера одним из копий Шайдо. Его уже не раз Исцеляли прежде, и Кируна Исцелила ему несколько глубоких ран. Ощущение было такое, будто ныряешь головой вниз в пруд с ледяной водой; по окончании ловишь ртом воздух, трясешься и испытываешь слабость в коленях. И как правило, чувствуешь зверский голод. Однако, когда все закончилось, Ранд лишь еле заметно дрожал.

– Как ты терпишь такую боль? – прошептала Аланна.

– С этим покончено, хватит, – ответил Ранд, отводя ее руки. И отвернулся без единого слова благодарности. Он собрался было что-то сказать, но замер, полуобернувшись к Колодцам Дюмай.

– Мы нашли всех, Ранд ал'Тор, – негромко сказала Эмис.

Он кивнул и заговорил уже заметно более оживленно:

– Пора идти. Сорилея, ты назначишь Хранительниц Мудрости, которым Аша'маны передадут пленниц. И еще тех, которые будут сопровождать Кируну и... и остальных моих верных последователей. – Ранд усмехнулся. – Мне не хотелось бы, чтобы они совершили какую-нибудь оплошность... по неведению.

– Как скажешь, Кар'а'карн. – Решительным жестом поправив шаль, Хранительница Мудрости повернулась к Бере, Кируне и Аланне. – Ступайте к остальным и оставайтесь с ними,

пока я не найду того, кто будет заниматься вами. – Как и следовало ожидать, Бера сердито нахмурилась, Кируна уподобилась ледяной статуе, а Аланна стояла, опустив голову, покорная и угрюмая. Сорилея на все это не обратила ни малейшего внимания. Резко хлопнув в ладоши, она сделала руками несколько быстрых подгоняющих движений, точно говоря «кш-ш-ш!» ленивым гусыням. – Ну? Пошевеливайтесь! Живее!

Айз Седай выполнили ее указания с явной неохотой и с таким видом, будто им просто внезапно самим захотелось прогуляться туда, куда было приказано. Эмис подошла к Сорилее и прошептала что-то, чего Перрин не расслышал. Но Айз Седай, по-видимому, обладали более острым слухом. Они неподвижно замерли, с ошеломленными лицами глядя на Хранительниц Мудрости. Сорилея снова хлопнула в ладоши, еще громче, чем прежде, и снова замахала руками, подгоняя своих «гусынь».

Поскребывая бородку, Перрин встретился взглядом с Руарком. Вождь вяло улыбнулся и пожал плечами. Дело Хранительниц Мудрости. С его точки зрения, что бы ни происходило, все хорошо; айильцы даже большие фаталисты, чем волки. Перрин бросил взгляд на Гедвина. Тот стоял, наблюдая, как Сорилея командует Айз Седай. И не просто глядел на сестер – с таким выражением лис смотрит на кур, недоступных для него. «Хранительницы Мудрости все же лучше, чем Аша'маны, – подумал Перрин. – Должны быть лучше».

Если Ранд и заметил этот эпизод, он не подал вида.

– Таим, как только передашь пленниц Хранительницам Мудрости, отправляйся вместе с Аша'манами в Черную Башню. Как можно скорее. Помни, что нужно сдерживать любого, кто учится слишком быстро. И помни о том, что я сказал насчет рекрутов.

– Вряд ли я забуду об этом, милорд Дракон, – сухо ответил Таим. – Я лично приму эту поездку. Но если ты позволишь снова затронуть этот вопрос... Тебе нужна почетная стража.

– Мы это уже обсуждали, – резко сказал Ранд. – Аша'манов, я считаю, лучше использовать для другого. Мне, конечно, нужна надежная охрана, но та, которая у меня *уже* есть, справится с этим. Перрин, ты останешься?..

– Милорд Дракон, – прервал его Таим, – не годится, чтобы с тобой осталось всего несколько Аша'манов.

Ранд повернул голову и посмотрел на Таима. Выражение его лица – оно было почти таким же спокойным, как у Айз Седай, – ни о чем не говорило, но запах... Ярость, острая как бритва, внезапно сменилась любопытством, едва заметным, зондирующим, и смутной настороженностью; потом сокрушительная, смертоносная ярость вернулась, поглотив и то и другое. Ранд еле заметно покачал головой, в его запахе возник оттенок холодной решимости. Ни у кого другого запах не менялся так быстро. Ни у кого.

Таим, конечно, не способен был по запаху определить всю эту гамму чувств. Он судил о реакции Ранда лишь по тому, о чем ему говорили глаза. И увидел лишь, что Ранд еле заметно покачал головой, – и все.

– Подумай. Ты отобрал четверых посвященных и четверых солдат. Тебе нужен хотя бы один Аша'ман, – сказал Таим.

Перрин не понял, о ком шла речь; он-то думал, они *все* – Аша'маны.

– Думаешь, я не смогу обучить их так же хорошо, как ты? – Голос Ранда был обманчиво мягок – как шорох меча, выскальзывающего из ножен.

– Я думаю, что лорд Дракон слишком занят, чтобы заниматься обучением. – Таим говорил спокойно, но исходящий от него запах гнева стал сильнее. – У тебя много дел поважнее. Возьми, по крайней мере, людей, которые потребуются для этого. Я могу выбрать того, кто достиг наибольших успехов...

– Одного, – отрезал Ранд. – И я сам выберу. – Таим улыбнулся, покорно разведя руками, но запах разочарования почти вытеснил запах гнева. И снова Ранд ткнул пальцем, почти не

глядя. – Его. – На этот раз собственный выбор удивил, похоже, даже его самого. Выяснилось, что он указывает на человека средних лет, сидящего по ту сторону кольца фургонов на перевернутой вверх дном бочке и не обращающего никакого внимания на собравшихся около Ранда. Опираясь локтем на колено, а подбородком на руку, он хмуро рассматривал Айз Седай. Однако на высоком воротнике его черного мундира сверкали и меч, и дракон. – Как его зовут, Таим?

– Дашива, – задумчиво ответил Таим, внимательно вглядываясь в лицо Ранда. От него пахло удивлением даже больше, чем от самого Ранда, но и раздражением тоже. – Корлан Дашива. С хутора в Черных холмах.

– Он подойдет, – сказал Ранд, но голос его звучал не слишком уверенно.

– Дашива очень быстро вошел в полную силу, но в голове у него чаще всего туман. Он всегда словно витает где-то. Может, он просто мечтатель, а может, порча на саидин уже повлияла на его разум. Лучше бы ты выбрал Торвала, или Рочайда, или...

Из-за упрямого сопротивления Таима нерешительность Ранда как ветром сдуло.

– Я сказал – Дашива подойдет. Вели ему явиться ко мне, передай пленниц Хранительницам Мудрости и отправляйся. Я не собираюсь тратить целый день на споры. Перрин, собери всех, чтобы как можно быстрее тронуться в путь. Как только будете готовы, разыщи меня.

Не добавив больше ни слова, Ранд зашагал прочь. Мин уцепилась за его руку, Нандера и Сулин, точно тени, ни на шаг не отставали от них. Темные глаза Таима засверкали, но он тут же взял себя в руки и с гордым видом прошествовал прочь, окликнув Гедвина и Рочайда, Торвала и Кисмана. Мужчины в черных мундирах поспешили к нему.

Перрин соорудил гримасу. Он столько всего должен сказать Ранду, а у него не появилось возможности даже рта раскрыть. Ладно, если уж на то пошло, может, получится даже лучше, если рядом не будет ни Айз Седай, ни Хранительниц Мудрости. И Таима тоже.

Дел у него, в общем-то, было не так уж много. Предполагалось, что всеми, кто пришел, чтобы освободить Ранда, командовал он, но на самом деле Руарк гораздо лучше его знал, что и как нужно делать, а Добрэйн и Хавьену достаточно сказать одно слово, чтобы больше не беспокоиться ни о кайриэнцах, ни о майенцах. У обоих был такой вид, что ему стало ясно – они хотят обсудить что-то, но заговорили они только тогда, когда остались одни и Перрин спросил, в чем дело.

Хавьен тут же взорвался:

– Лорд Перрин, он же лорд Дракон! Копаться среди трупов...

– Ну-ну, не увлекайся... – спокойно прервал его Добрэйн. – Мы беспокоимся только о нем, как ты понимаешь. От него очень многое зависит. – Он выглядел как воин и, конечно, был им. Но, кроме того, Добрэйн – кайриэнский лорд, погрязший в Игре Домов, что бы он ни болтал о том, будто его беспокоит только Ранд. Типичный, законченный кайриэнец.

Зато Перрин ни в коей мере не преуспел в Игре Домов.

– С ним все в порядке, – резко сказал он.

Добрэйн лишь кивнул, как будто говоря: «Конечно», и пожал плечами, точно желая показать, что у него больше нет вопросов, но Хавьен залился краской. Оба зашагали к своим солдатам, и, провожая их взглядом, Перрин покачал головой. Он очень надеялся, что не солгал им.

Собрав двуреченцев, Перрин велел им седлать коней, стараясь не обращать внимания на их преувеличенное поклонение. В большинстве случаев оно производило впечатление импульсивного, точно было результатом внутреннего порыва, а не воспитания. Еще Фэйли не раз говорила, что двуреченцы порой слишком усердно проявляют свое поклонение, потому что не привыкли иметь дело с лордами. Ему хотелось закричать на них: «Какой я вам лорд?!» Но он уже поступал так прежде, и без всякого толка.

Все кинулись к своим лошадям, а Даннил и Телл Левины отстали. Они были братьями и выглядели точно два боба из одного стручка. Разница состояла только в том, что Даннил отрастил пышные усы, кончики которых загибались вниз по тарабонской моде, а усы Телла

имели вид двух узких темных полосок под носом, в манере жителей Арад Домана. Беженцы, в последнее время часто появляющиеся в Двуречье, принесли с собой много нового.

– Эти Аша'маны с нами пойдут? – спросил Даннил.

Перрин покачал головой, и Даннил вздохнул с явным облегчением.

– А что с Айз Седай? – с тревогой спросил Телл. – Их ведь отпустят, правда? Я имею в виду, теперь, когда Ранд сам на свободе. Лорд Дракон то есть. Нельзя же держать в плену Айз Седай?

– От вас обоих требуется одно – подготовиться к походу, и больше ничего, – ответил Перрин. – Ранд сам позаботится об Айз Седай.

Они даже среагировали совершенно одинаково – оба обеспокоенно затеребили пальцами усы. Перрин резко отдернул руку от своей бородки. Заметив это, один из парней взглянул на него с таким выражением, точно Перрин блоху поймал.

Тем временем лагерь пришел в движение. Все знали, что с минуты на минуту предстоит отправиться в путь, и все же почти у каждого остались незаконченные дела. Слуги пленных Айз Седай торопливо грузили последние вещи в фургоны, возчики, позванивая сбруей, запрягали лошадей. Кайриэнцы и майенцы, казалось, присутствовали сразу везде, проверяя, в порядке ли седла и уздечки. Туда-сюда стремглав пробегали голые гай'шайн, хотя, казалось, айильцам собрался проще всех.

Вспышки света в стороне от повозок ознакомили отбытие Таима и его Аша'манов. У Перрина сразу улучшилось настроение. Из тех девяти, которые остались, еще один, кроме Дашивы, был средних лет, коренастый, с простым лицом крестьянина, а другой, прихрамывающий, с венчиком седых волос, уже вполне мог бы иметь внуков. Остальные были моложе, некоторые почти мальчишки, тем не менее все они наблюдали за поднявшейся в лагере суматохой с хладнокровием мужчин, побывавших во многих переделках. Однако держались все вместе. За исключением Дашивы, который стоял в нескольких шагах от остальных, уставясь в пространство невидящим взором. Вспомнив предостережение Таима по поводу Дашивы, Перрин понадеялся, что он и вправду всего лишь такой... задумчивый мечтатель.

Когда Перрин нашел Ранда, тот сидел на плетеном коробе, опершись локтями на колени. Сулин и Нандера устроились на корточках по обе стороны от него, с копьями и щитами из бычьей шкуры в руках. Даже здесь, в гуще людей, которые были сторонниками Ранда, они зорко наблюдали за всем, что так или иначе двигалось поблизости от него. Мин сидела на земле, у ног Ранда, подобрав под себя ноги и с улыбкой глядя на него.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Ранд, – сказал Перрин, переместив рукоять своего топора таким образом, чтобы она не мешала ему усесться на корточки. Никто не мог слышать его слов, кроме самого Ранда, Мин и обеих Дев. Если Сулин и Нандера тут же побегут к Хранительницам Мудрости, то с этим ничего не поделаешь. Без каких-либо предварительных объяснений Перрин с горячностью рассказал обо всем, что видел этим утром. И о том, какие запахи чувствовал, тоже. Ранд был одним из немногих, кто знал о нем и о волках, хотя и не показывал вида. Перрин постарался рассказать ему обо всем, что видел и слышал. Аша'маны и Хранительницы Мудрости. Аша'маны и Айз Седай. Хранительницы Мудрости и Айз Седай. Все хитросплетение страстей, которое, точно сухое дерево, могло вспыхнуть в любой момент. Не забыл он и двуреченцев. – Они обеспокоены, Ранд, но если они всего лишь боятся, то можешь не сомневаться: некоторые кайриэнцы могут перейти к действиям. Или тайренцы. Например, просто помочь пленникам сбежать, а может, и что-нибудь похуже. Свет, я вполне могу представить себе, как Даннил и Телл, а вместе с ними и еще не меньше пятидесяти человек помогают им скрыться. Если только кому-то из них придет в голову, как это сделать.

– Что ты имеешь в виду, говоря «что-нибудь похуже»? – спокойно спросил Ранд, и Перрин ощутил покалывание на коже.

Он взглянул прямо в глаза Ранду.

– Да все, что угодно, – ответил он, и вряд ли его голос звучал спокойно. – Я не хочу участвовать в убийстве. А если ты окажешься к этому причастен, я сделаю все, чтобы помешать тебе. – Молчание затянулось, немигающие серо-голубые глаза встретились с такими же немигающими золотистыми.

Серdito взглянув сначала на одного, потом на другого, Мин раздраженно хмыкнула:

– Вы, два дурня с шерстью вместо мозгов! Ранд, ты же прекрасно знаешь, что и сам никогда не отдашь такого приказа, и не позволишь никому другому так поступить. Перрин, а ты знаешь, что Ранд не допустит этого. Вы прямо как два петуха в одном загоне.

Сулин захихикала, но Перрину очень захотелось спросить у Мин, почему она так уверена в том, о чем говорила, хотя он понимал, что задать такой вопрос вслух совершенно невыносимо. Ранд запустил пальцы в волосы и затряс головой, будто возражая невидимому собеседнику. Может, ему уже начали чудиться голоса, как бывает у сумасшедших?

– Все не так-то просто, правда? – заговорил Ранд спустя некоторое время; в глазах его сытла печаль. – Горькая правда состоит в том, что я не могу поручиться, что ничего похуже и в самом деле не произойдет. У меня не такой уж большой выбор. И они сами довели до этого. – Он говорил все это с унылым выражением лица, но в его запахе бурлил гнев. – Живые или мертвые, они – камень на моей шее и так или этак могут умудриться довести меня Свет знает до чего.

Перрин проследил за его взглядом, устремленным на пленных Айз Седай. Все они были на ногах, стояли тесной группкой, но держась чуть поодаль от тех троих, усмирённых. Хранительницы Мудрости с напряженными лицами окружали их со всех сторон, бросая отрывистые приказания, хотя чаще вообще обходились жестами. Может, и неплохо, что они будут с Хранительницами Мудрости, а не с Рандом. Если бы только Перрин мог быть в этом уверен!

– Ты что-нибудь видела, Мин? – спросил Ранд.

Перрин вздрогнул и бросил предостерегающий взгляд на Сулин и Нандеру, но Мин лишь мягко рассмеялась. Сейчас, когда она сидела, прислонившись к коленям Ранда, девушка, может быть впервые с тех пор, как Перрин нашел ее у колодцев, выглядела как та Мин, которую он знал прежде.

– Перрин, им известно обо мне. Хранительницам Мудрости, Девам – может быть, всем. И их это не волнует. – У Мин был дар, который она скрывала. Как он скрывал все, что касалось волков. Иногда она видела вокруг людей образы и ауры и иногда – но далеко не всегда – знала, что это означает. – Ну как бы тебе это объяснить, Перрин... Мне было двенадцать, когда это началось, и мне даже в голову не приходило делать из этого секрет. Все считали, что я просто выдумываю. До тех пор, пока я не сказала человеку, который жил на соседней улице, что он женится на той женщине, с которой я его видела; а ведь он уже был женат. Когда он с ней сбежал, его жена привела к дому, где жили мои тети, целую толпу и заявила, что это я в ответе за случившееся, будто я с помощью Единой Силы подействовала на ее мужа, а может быть, ополчила чем-то их обоих. – Мин покачала головой. – У нее самой рыльце было в пушку. Ей просто нужно было свалить вину на другого. Обо мне пошли разговоры, будто я – приспешница Темного. В городе накануне побывали белоплащники, они всегда готовы взвинтить людей. Так или иначе, тетя Рана убедила меня говорить всем, что я просто нечаянно услышала разговор той парочки, которая потом сбежала. Тетя Мирен громогласно обещала всыпать мне хорошенько за то, что я болтаю всякий вздор, а тетя Джан сокрушенно рассказывала всем и каждому, что у меня, наверно, с головой не все в порядке и меня следует полечить. Ничего этого они, конечно, не делали – они-то знали правду, – но, если бы они сами не понимали в полной мере, что именно произошло, и если бы я не была еще просто ребенком, дело наверняка кончилось бы плохо. Может, меня уже не было бы в живых. Большинству людей не нравится, когда кому-то известно об их будущем. Большинство людей на самом деле вовсе не хотят знать, что их ждет,

если только это не что-нибудь хорошее. Даже мои тети не хотели. Но в глазах айильцев я всего лишь своего рода Хранительница Мудрости.

– Некоторые могут делать что-то, а другие – нет, – заметила Нандера, как будто это все объясняло.

Мин снова улыбнулась и легонько прикоснулась к колену Девы:

– Спасибо. – Присев на корточки, она подняла глаза на Ранда. Наверно, из-за улыбки она сейчас, казалось, вся светилась. И это впечатление сохранилось, даже когда она вновь стала серьезной. Серьезной и явно не слишком довольной. – Что касается твоего вопроса, Ранд, то я не видела ничего такого, что могло бы тебе пригодиться. У Таима кровь на руках, и в прошлом, и в будущем, но об этом и так нетрудно догадаться. Он – опасный человек. Вокруг них целая толпа образов, так же как и вокруг Айз Седай. – Косой взгляд из-под опущенных ресниц в сторону Дашивы и остальных Аша'манов дал понять, кого девушка имела в виду. Вокруг большинства людей образов было немного, но Мин говорила, что с Айз Седай и Стражами дело почти всегда обстояло иначе. – Беда в том, что я очень расплывчато вижу все то, что их окружает. Наверно, это потому, что они владеют Силой. Так часто бывает, когда я смотрю на Айз Седай; а хуже всего, когда они направляют. Вокруг Кируны и остальных множество самых разных образов, но сейчас Айз Седай стоят так тесно, что они накладываются один на другой, сливаются, и... По большей части ничего нельзя понять. А у пленниц и вовсе полный сумбур.

– Пусть пленницы тебя не волнуют, – сказал Ранд. – Они ими и останутся.

– Но, Ранд, у меня такое чувство, что с ними связано что-то важное! Если бы только я могла разобрать, что именно. Ты должен об этом узнать.

– «Если не знаешь всего, продолжай делать свое дело с тем, что тебе известно», – с кривой усмешкой процитировал известное высказывание Ранд. – Наверно, я никогда не узнаю всего. Вряд ли это вообще возможно. Но если нет иного выбора, кроме как продолжать свое дело, что еще остается? – Это прозвучало совсем не как вопрос.

Подошел, широко шагая, Лойал, заметно уставший, но тем не менее полный энтузиазма:

– Ранд, они говорят, что уже готовы тронуться в путь, но ведь ты обещал рассказать мне, пока все еще свежо в памяти. – Внезапно уши у него задергались от смущения, гудящий голос зазвучал почти жалобно: – Я прошу прощения; я знаю, что это не доставит тебе удовольствия. Но я должен знать. Ради книги. Ради памяти – это же на все времена.

Смеясь, Ранд поднялся и дернул огира за распахнутую куртку:

– На все времена? Писатели все так говорят? Не волнуйся, Лойал. Все еще будет очень даже свежо в памяти, когда я стану рассказывать тебе. – Мрачный, угрюмый запах хлынул от него, несмотря на улыбку, и тут же исчез. – Но только по возвращении в Кайриэн. Сначала нам нужно выкупаться и поспать в постели. – Ранд сделал знак Дашиве подойти поближе.

Этот человек не выглядел ни худым, ни слабым, тем не менее двигался он как-то нерешительно, еле передвигая ноги и сложив руки на животе, что придавало ему странный вид.

– Милорд Дракон? – склонил он голову.

– Дашива, ты можешь сделать проход?

– Конечно. – Дашива принялся потирать руки, облизывая губы кончиком языка. Интересно, он всегда так нервничает или дело в том, что он разговаривает с Драконом Возрожденным? – подумал Перрин. – Это, значит... М'Хаэль начинает учить Перемещению, как только ученик более или менее овладеет Силой...

– М'Хаэль? – спросил, прищурившись, Ранд.

– Такое звание у лорда Мазрима Таима, милорд Дракон. Оно означает «предводитель». На древнем языке. – Дашива ухитрился улыбнуться одновременно нервно и покровительственно. – Я много читаю у себя на хуторе. Все книги, которые приносят бродячие торговцы.

– М'Хаэль, – с оттенком неодобрения пробормотал Ранд. – Ладно, как бы то ни было, Дашива, открой мне проход, чтобы мы оказались неподалеку от Кайриэна. Пора посмотреть,

что случилось в мире, пока я отсутствовал, и что мне делать со всем этим. – Он засмеялся совсем невесело, и от смеха Ранда у Перрина снова мурашки побежали по коже.

Глава 3

Холм Золотого Рассвета

На плоской вершине низкого холма к северо-востоку от Кайриэна, вдалеке от дорог и человеческого жилья, внезапно возникла тонкая вертикальная прорезь – выше сидящего на коне человека. Местность вокруг плавно опускалась и поднималась, точно когда-то она застыла волнами. Ближайший лес находился на расстоянии примерно в милю, до него тянулось чистое поле, если не считать отдельных редких кустов. Сверкающая прорезь расширилась до прямо-угольника, коричневая трава на этом месте поникла, нижний край отверстия рассек мертвые стебли тоньше, чем бритва. Возникла своего рода дыра в воздухе.

Как только переходные врата полностью открылись, через них хлынули айильцы в вуалях, мужчины и Девы, и, точно бурные потоки, во всех направлениях устремились по склонам, окружая холм. Почти затерявшись среди них, около самого прохода заняли позицию четыре Аша'мана, бросая по сторонам внимательные взгляды. Вокруг все было неподвижно, если не считать пробегающей по высокой пыльной траве ряби и слегка покачивающихся под ветром ветвей. Тем не менее Аша'маны стреляли взглядами по сторонам с таким видом, с каким голодный ястреб высматривает кролика. Затаившийся кролик не менее внимательно наблюдает за ястребом, но не с такой угрозой.

Вслед за половодьем айильцев на холм проскакали верхом по двое в ряд кайриэнцы. Как только они оказались по ту сторону прохода, над их головой взметнулось темно-красное знамя Света. Ни на мгновение не задерживаясь, Добрэйн повел своих людей вперед и начал выстраивать у подножия холма – все в шлемах и латных рукавицах, у всех пики подняты под одним и тем же углом. Опытные воины, они готовы были броситься в атаку по первому его знаку.

Вслед за последним кайриэнцем проскакал на Ходоке Перрин, непроизвольно пригнувшись в проходе. Один большой прыжок – и его мышастый оставил позади Колодцы Дюмай и оказался на холме под Кайриэном. Верхний край переходных врат находился достаточно высоко над головой, но Перрин знал по опыту, насколько тот опасен, когда открывается, и у него не было ни малейшего желания проверять, так ли это, когда врата уже открыты. Сразу же за ним проследовали Лойал и Айрам – огир пешим, с топором на плече, в проходе слегка согнув ноги в коленях, – а за ними двуреченцы. Они еще задолго до прохода низко пригнулись к седлам. Ред ал'Дэй нес знамя с красной волчьей головой, знамя Перрина, как все его называли, а Телл Левин – знамя с красным орлом.

Перрину неприятно было даже смотреть на эти знамена, особенно на красного орла. Двуреченцам же, напротив, очень хотелось, чтобы с ними в походе было и то и другое. Что за лорд без знамен, говорили они. Он лорд, это правда, и все же эти растреклятые знамена безумно раздражали его. Но все без толку. Сколько Перрин ни говорил двуреченцам, чтобы избавились от них, знамена никогда не исчезали надолго. Красная волчья голова заставляла его чувствовать себя тем, кем он не был и не хотел быть, а красный орел... Больше двух тысяч лет минуло с тех пор, как Манетерен была стерта с лица земли во время Троллоковых войн, и еще почти тысяча после того, как Андор вобрал в себя часть того, что некогда носило имя Манетерен. И все же еще есть люди, в памяти которых не умерли легенды, и для андорцев это знамя равносильно призыву к мятежу. Конечно, простые двуреченцы вот уже на протяжении нескольких поколений и не вспоминали о том, что они андорцы, но у королей память не такая короткая.

Перрин встречался с новой королевой Андора – казалось, с тех пор прошла уже тысяча лет! – в Твердыне Тира. Тогда она еще не была королевой, да и сейчас станет ею только в том случае, если будет коронована в Кэймлине. Она показалась ему просто приятной молодой женщиной, даже хорошенькой, хотя он не питал пристрастия к рыжим. Немного чересчур занята сама собой, конечно, но ведь на то она и дочь-наследница. Однако кое-кому удалось-таки привлечь к себе ее внимание. Ранду. Хотя они то и дело попадались Перрину на глаза то в одном укромном уголке, то в другом, это еще ни о чем не говорит. Ранд собирался посадить ее не только на Львиный трон в Андоре, но и на Солнечный трон в Кайриэне. Конечно, если она станет королевой, то из чувства благодарности, надо думать, закроет глаза на это знамя, тем более что на самом деле оно ничего не означает. Поглядывая на двуреченцев, разворачивающихся строем позади этих знамен, Перрин покачал головой. В любом случае сейчас не до таких пустяков.

Двуреченцы мало походили на истинных воинов, большинство – парни вроде Тода, сыновья фермеров и пастухов; и все же они действовали уверенно и слаженно. Каждый пятый держал поводья еще четырех коней, кроме своего, пока остальные торопливо спешивались с луками наготове. Оказавшись на земле, они выстраивались не слишком ровными рядами, не столько смотря себе под ноги, сколько таращась на то, что их окружало, но привычные жесты, которыми они проверяли колчаны, и то, как они обращались с луками, свидетельствовали, что все они умели обращаться с оружием; а ведь у них большие двуреченские луки почти в рост человека. Дальность полета стрелы у этих луков такая, какая никому, кроме двуреченцев, и не снилась. И стреляли они очень и очень метко.

Перрин страстно надеялся, что ничего подобного им не придется делать сегодня. Иногда он мечтал о мире, где вообще не было бы войн. И Ранд...

* * *

– Думаете, мои враги спали, пока я... отсутствовал? – неожиданно спросил Ранд, когда они стояли, дожидаясь, пока Дашива откроет проход.

На Ранде была куртка, которую он отыскал в одной из повозок, хорошо скроенная, из прекрасной зеленой шерсти, но она делала его каким-то... непохожим на себя. Лишь одна эта куртка во всем лагере оказалась Ранду впору. Ладно хоть в голову ему не пришло еще Стража раздеть или снять кадин'сор с айильца... Что он в ней нашел? Перерыл все повозки и вчера вечером, и сегодня утром, просто перевернул все вверх дном, точно искал что-то из ряда вон – шелк и роскошную вышивку.

Фургоны вытянулись длинной извивающейся линией, запряженные, со снятыми парусиновыми покрытиями и торчащими железными обручами. Кируна и остальные присягнувшие Ранду сестры сидели в головной повозке, в тесноте, и, конечно, были этим явно недовольны. Они больше не протестовали открыто, поняли, что это ни к чему хорошему не приведет, но

время от времени сердито ворчали. Но как бы то ни было, они уже готовы отправиться в путь. Их пешие Стражи окружили фургон молча, с каменными лицами. Пленные Айз Седай с напряженным, угрюмым видом стояли отдельной группой, взятые в кольцо Хранительницами Мудрости, за исключением тех, которые находились около Ранда, то есть практически всеми, кроме Сорилеи и Эмис. Стражи пленниц стояли отдельно, в сотне шагов от них, нахмуренные, злые, – гибельный смерч, который мог вырваться наружу в любой момент, несмотря на все их раны и охрану из сисвай'аман. Ранд держал в поводу крупного черного коня, прежде принадлежавшего Кируне, а Мин уже сидела на мышастой кобыле со стройными ногами. Остальные лошади Айз Седай и Стражей не предназначались ни для Аша'манов, ни для кого бы то ни было другого, но их и не впрягли дополнительно в повозки; это почему-то возмущало их прежних владельцев даже больше, чем необходимость идти пешком! Все они были привязаны к задкам фургонов длинными веревками.

– Как ты считаешь, Флинн? А ты, Грейди?

Один из Аша'манов, дожидаящийся, пока откроется проход, чтобы первым шагнуть сквозь него, приземистый, с простым крестьянским лицом, неуверенно взглянул сначала на Ранда, а потом на своего товарища, морщинистого, уже заметно в годах. У обоих на воротниках поблескивали серебряные мечи, но драконов не было.

– Только глупцы могут думать, что их враги бездействуют, пока они не смотрят, милорд Дракон, – хриплым голосом ответил старик. В его тоне ощущалась старая солдатская закваска.

– А ты что думаешь, Дашива?

Дашива вздрогнул, удивленный тем, что к нему обратились:

– Я... вырос на хуторе. – Он поправил ремень, на котором висел меч, в чем не было никакой необходимости. Предположительно их обучали обращению как с мечом, так и с Единой Силой, но Дашива производил впечатление человека, который плохо отличал первое от второго. – У меня было не так уж много врагов. – Несмотря на всю его неуклюжесть, в нем ощущалась своего рода дерзость. Хотя, вообще говоря, все они производили такое впечатление.

– Если ты останешься со мной, – негромко произнес Ранд, – они у тебя будут.

Его улыбка заставила Перрина содрогнуться. Именно так он и улыбался, отдавая приказ начать движение через проход, будто нисколько не сомневался, что на той стороне их ждала засада. Враги повсюду, сказал Ранд. Всегда помните это. Враги везде, и никогда не знаешь точно, кто друг, а кто враг...

* * *

Исход продолжался, не ослабевая. Прогрохотали, кренясь, повозки, прямо от Колодцев Дюмай к Кайриэну, на первой ехали сестры, похожие на ледяные статуи. Их Стражи рысцой бежали по бокам, сжимая рукояти мечей и шаря взглядами по сторонам, будто думали, что их Айз Седай нуждаются в защите как от тех, кто уже миновал переходные врата, так и от тех, кто мог неожиданно появиться на той стороне. Прошли Хранительницы Мудрости вместе со своими подопечными – точно пастухи со стадом; они подгоняли Айз Седай прутьями. Сестрам, правда, удавалось делать вид, будто они не замечают ни Хранительниц Мудрости, ни их прутьев. Быстрой рысью пробежали гай'шайн, в колонне по четыре, за ними приглядывала одна-единственная Дева. Разместив пленных Шайдо в стороне от прохода, она стрелой умчалась к остальным Фар Дарайз Май, а гай'шайн опустились на колени прямо там, где стояли, все так же рядами, голые, как новорожденные сойки, и гордые, как орлы. Прошли оставшиеся Стражи вместе со своей охраной, распространяя вокруг себя такой мощный запах ярости, что он на время перебил все остальные, а за ними – Руарк с сисвай'аман, Девы, четыре оставшихся Аша'мана – каждый вел в поводу двух коней, для себя и для тех Аша'манов, которые стояли

у прохода, – и, наконец, Нурелль и его Крылатая гвардия со своими пиками, на которых развевались красные вымпелы.

Майенцы с самодовольным видом смеялись и насмешливо кричали, обращаясь к замыкающим шествие кайриэнцам, чтобы те поторопились, а то как бы не вернулись Шайдо, хотя фактически кайриэнцы не были последними. Позади всех проехали Ранд на мерине Кируны и Мин на своей кобыле. Сорилея и Эмис шагали с одной стороны от черного коня, Нандера и полдюжины Дев – с другой, а за ними Дашива вел в поводу гнедую кобылу, судя по виду весьма мирного нрава. Проход замерцал, тая, Дашива сощурился, глядя на то место, где он был, слабо улыбнулся и неуклюже вскарабкался в седло. Он что-то пробормотал себе под нос, наверно, из-за того, что меч запутался у него в ногах и он едва не упал. Несомненно, он пока еще был в здравом уме.

Армия усеяла весь холм – в боевом порядке, готовая отразить любое нападение, хотя, судя по всему, им пока никто не угрожал. Небольшая армия, всего несколько тысяч человек, хотя до того, как орды айильцев перевалили через Драконову Стену, она выглядела бы не такой уж маленькой. Ранд неспешно поскакал к Перрину, внимательно оглядывая местность. Обе Хранительницы Мудрости, Нандера и Девы последовали за ним, негромко переговариваясь и стреляя глазами во все стороны. Если бы Ранд был волком, Перрин сказал бы, что он принюхивается, чтобы по запаху определить, нет ли поблизости опасности. Поперек высокой седельной луки у Ранда лежал Драконов скипетр с копейным наконечником длиной в два фута, украшенный бело-зеленой кистью и резьбой в виде драконов. Время от времени он взвешивал его в руке, точно напоминая себе о нем.

Натянув поводья, Ранд изучающе посмотрел на Перрина – почти таким же взглядом, каким смотрел по сторонам.

– Я доверяю тебе, – кивнув, произнес Ранд в конце концов. Мин заерзала в седле, и он добавил: – И тебе, Мин, конечно, тоже. И тебе, Лойал. – Огир неловко переступил с ноги на ногу, бросив неуверенный взгляд на Перрина. Ранд посмотрел на склон холма – на айильцев, Аша'манов и всех остальных. – Так немного тех, кому можно доверять, – устало прошептал он. В его запахе, настолько насыщенном, что казалось, он исходил от двух человек, смешались гнев и страх, решимость и отчаяние. Но поверх всего волной накатывала усталость.

«Только не сходи с ума, – хотел сказать ему Перрин. – Держись!». Однако острое чувство вины сковало язык. Потому что он хотел сказать это Дракону Возрожденному, а не своему другу детства. Он очень хотел, чтобы его друг не спятил; Дракон Возрожденный *должен* был оставаться в своем уме во что бы то ни стало.

– Милорд Дракон! – внезапно окликнул Ранда один из Аша'манов, почти совсем мальчик, с темными глазами, большими, как у девушки, без меча и дракона на воротнике черного мундира, который он тем не менее носил с большим достоинством. Наришма, так его звали, насколько помнилось Перрину. – Взгляните на юго-запад.

Со стороны леса, на расстоянии мили или чуть больше, показалась бегущая женщина в высоко подоткнутых юбках. Перрин сразу определил – айилка. Хранительница Мудрости, хотя пока поручиться за это было трудно. И все же он почти не сомневался. При виде нее все его опасения вспыхнули с новой силой. Стоило им пройти через переходные врата, и тут же, точно из-под земли, возникает кто-то из тех, кто оставался в Кайриэне. Вряд ли это сулит хорошие новости. Когда Перрин отправился вызволять Ранда, в Кайриэне снова стали появляться Шайдо, но для айильцев Хранительница Мудрости оставалась Хранительницей Мудрости, к какому бы клану она ни принадлежала. Пока их кланы убивали один другой, эти женщины ходили в гости друг к другу, точно соседи на чашку чая. Два айильца, дерущиеся не на жизнь, а на смерть, расступались, чтобы позволить Хранительнице Мудрости пройти между ними. Может быть, со вчерашнего дня все стало иначе, а может быть, и нет. Перрин тяжело вздохнул. Даже в самом лучшем случае вряд ли ее появление означает хорошие вести.

Почти все, кто находился рядом с ним, испытывали те же чувства. Рябь пробежала по рядам, копыта были взяты на изготовку, стрелы наложены на тетивы луков. Кайриэнцы и май-энцы понадежнее устроились в седлах, Айрам с горящими от возбуждения глазами вытащил меч. Лойал, опираясь на огромный топор, с явным сожалением поглаживал пальцами лезвие. Топор был инкрустирован золотом и украшен выгравированными на нем листьями и завитками. Инкрустация немного стерлась от частого использования топора. Если Лойалу придется снова пустить его в ход, он сделает это, но с такой же неохотой, как и Перрин, и в большой степени по тем же самым причинам.

Ранд просто неподвижно сидел на коне с непроницаемым выражением лица. Мин подъехала поближе и погладила его по плечу – так человек пытается успокоить мастифа, у которого шерсть встала дыбом.

Хранительницы Мудрости не проявляли внешних признаков беспокойства, но это не означало, что они бездействовали. Сорилея сделала жест рукой, и дюжина женщин из тех, которые охраняли Айз Седай, присоединились к ней и Эмис, держась на значительном расстоянии от Ранда и Перрина. У не многих из них в волосах виднелась седина, и только у Сорилеи было морщинистое лицо, но это ни о чем не говорило, потому что среди тех Хранительниц Мудрости, которые находились здесь, вообще мало у кого заметна седина в волосах. Факт оставался фактом – не многие айильцы доживали до седых волос. И все же эти женщины обладали определенным положением или влиянием, как бы то ни называлось у Хранительниц Мудрости. Перрин видел, что Сорилея и Эмис неоднократно советовались с ними и прежде, хотя «советовались» не совсем точное слово. Говорила сейчас только Сорилея, иногда Эмис вставляла слово, а остальные слушали. В какой-то момент Эдарра явно принялась возражать, но Сорилея без особых усилий подавила этот протест и сделала знак двум другим, Сотарин и Косайн. Те тут же подобрали руками юбки и быстро, только ноги замелькали, устремились навстречу бегущей женщине.

Перрин успокаивающе похлопал Ходока по шее. Еще не пришло время убивать. Пока еще нет.

Три Хранительницы Мудрости встретились примерно в полумиле от холма и остановились. Они поговорили совсем немного, а потом вместе побежали к холму. Прямо к Сорилее. Вновь пришедшая, молодая длинноносая женщина с массой неправдоподобно ярких рыжих волос, торопливо начала что-то объяснять. По мере того как она говорила, лицо Сорилеи каменило. В конце концов огненноволосая женщина замолчала, и все Хранительницы повернулись к Ранду. Однако никто не сделал движения в его сторону. Они просто ждали, сложив руки на животе, не менее загадочные и непостижимые, чем Айз Седай.

– Кар'а'карн, – скривив губы, пробормотал Ранд себе под нос.

Перенеся ногу через спину коня, он прыгнул на землю и помог спешиться Мин.

Перрин тоже слез с коня и повел его за собой к Хранительницам Мудрости. Лойал шел следом, а Айрам ехал верхом и слез, только когда Перрин жестом велел ему спешиться. Айильцы не ездили верхом без крайней необходимости и считали оскорблением для себя, если кто-то беседовал с ними, сидя в седле. Руарк присоединился к ним, и неизвестно чем недовольный Гаул тоже. Все это послужило безмолвным указанием Нандере, Сулин и Девам подойти поближе.

Рыжеволосая женщина заговорила, как только Ранд оказался рядом:

– Бэйр и Мегана расставили наблюдателей на всех дорогах, по которым ты мог направиться к городу древоубийц, Кар'а'карн, хотя, по правде говоря, никто не думал, что это будет...

– Ферейгин! – сердито оборвала ее Сорилея, и та залилась краской. Ее зубы щелкнули – по-видимому, она слишком резко захлопнула рот, – и она уставилась на Ранда сверкающими голубыми глазами, избегая взгляда Сорилеи.

Сориля глубоко вздохнула и тоже посмотрела на Ранда.

– В палатках волнение, – сказала она ровным голосом, имея в виду лагерь айильцев. – Среди древоубийц распространились слухи, что ты вместе с явившимися к тебе Айз Седай отправился в Белую Башню – отправился, чтобы преклонить колени перед Престолом Америк. Те, кому известно, как обстоит дело, не решались опровергать эти слухи, боясь причинить еще больший вред.

– И к чему это привело? – негромко спросил Ранд. От него исходило такое напряжение, что Мин снова погладила его по плечу.

– Многие поверили в то, что ты бросил Айил, – точно так же негромко ответила Эмис. – Многие вновь охвачены унынием, как было после откровения. Ежедневно тысяча или даже больше бросают копья и уходят, не в силах взглянуть в глаза нашему будущему или нашему прошлому. Возможно, некоторые присоединяются к Шайдо. – В ее голосе зазвенело презрение. – По углам шепчут, что истинный Кар'а'карн никогда не сдался бы на милость Айз Седай. Индириан заявляет, что по доброй воле ты никогда не отправился бы в Белую Башню. Он готов повести своих Кодарра на север, на Тар Валон, и станцевать танец копий с любой Айз Седай, которая ему попадется. Или с любым мокроземцем; он говорит, что тебя, наверно, предали. Тимолан ворчит, что, если верить слухам, это ты нас предал и он уведет свой клан, Миагома, обратно в Трехкратную землю. Но только после того, как своими глазами увидит тебя мертвым. Манделайн и Джанвин еще не определились, но они прислушиваются и к Тимолану, и к Индириану.

Руарк состроил гримасу, с присвистом втянув в себя воздух; для айильца это почти то же самое, что в отчаянии рвать на себе волосы.

– Новости, конечно, не слишком хороши, – вмешался Перрин, – но ведь еще не вечер, правда? Как только Ранд объявится, слухи тут же смолкнут.

Ранд поскреб затылок:

– Если бы дело ограничилось только этим, Сориля не выглядела бы так, точно ящерицу проглотила. – Если уж на то пошло, у Нандеры и Сулин был такой вид, будто проглоченные ими ящерицы еще живы и движутся по пищеводу. – Ну, чем еще порадуешь меня, Сориля?

Женщина с морщинистым лицом одобительно улыбнулась ему:

– Ты чувствуешь то, что не выражено словами. Это хорошо. – Тон ее, однако, оставался по-прежнему мрачным. – Теперь ты возвращаешься, а вместе с тобой Айз Седай. Уверена, для многих это будет означать, что ты и в самом деле поставлен на колени. Что бы ты ни сказал и ни сделал, они будут считать, что Айз Седай держат тебя на коротком поводке. Это мнение возникнет сразу же, как только ты появишься, еще до того, как станет известно, что ты был у них в плену. Секреты всегда находят щели, через которые даже блохе не проскочить, а секрет, известный многим, вообще обретает крылья.

Перрин взглянул на Добрэйна и Нурелля, которые вместе со своими людьми не сводили с Ранда глаз, и проглотил тошнотворный ком в горле. Сколько из них присоединились к Ранду в большей степени потому, что на его чаше весов находилась огромная сила, которую представляли собой айильцы? Не все, конечно. Но на каждого человека, который пошел за ним просто потому, что он Дракон Возрожденный, приходилось пять или даже десять таких, кто был убежден, что Свет ярче всего сияет на стороне сильного. Если айильцы покинут его или если в их рядах произойдет раскол...

От одной мысли о такой возможности у Перрина волосы встали дыбом. Он чувствовал свою ответственность за двуреченцев, и это заставляло его делать то, к чему от природы у него не было ни склонностей, ни способностей. И не важно, та'верен он или нет. В любом случае он знал, что не сможет остаться в стороне от всего происходящего, хотя бы ради Ранда. И все же пределом его возможностей были проблемы деревенского масштаба, он даже свои собственные никак не мог решить. В голове у него все перемешалось от непосильных стараний найти

выход. Что делать, если худшее все-таки случится? Перед его внутренним взором замелькали имена: кто, скорее всего, останется с Рандом, а кто попытается улизнуть. Первый список оказался весьма короток, второй настолько длинен, что у Перрина пересохло в горле. Очень многие, поступая так или иначе, по-прежнему руководствовались соображениями сиюминутной выгоды, будто и слыхом не слыхивали о том, что существуют пророчества о Драконе или что грядет Последняя битва. Он нисколько не сомневался, что некоторые будут поступать точно так же даже в тот день, когда начнется Тармон Гай'дон. И что хуже всего, большинство из них вовсе не приспешники Темного, а обыкновенные люди. Просто собственные интересы они ставили на первое место. Уши Лойала уныло дрогнули, он тоже все понимал.

Еще до того, как Сорилея закончила свой рассказ, взгляд ее метнулся в сторону с таким выражением, что казалось, мог просверлить дырку даже в железе.

– Вам было приказано оставаться в фургоне. – (Бера и Кируна остановились так неожиданно, что идущая следом Аланна чуть не налетела на них.) – Вам было приказано не обращаться к Единой Силе без разрешения, и все же вы услышали то, о чем здесь говорилось. Придется поучить вас лучше понимать мои слова.

Несмотря на грозный взгляд Сорилеи, не предвещающий ничего хорошего, все трое не сдвинулись с места – Бера и Кируна с видом холодного достоинства, Аланна с еле тлеющим вызовом. Лойал перевел взгляд больших глаз сначала на них, потом на Хранительницу Мудрости. Если до этого уши его еле заметно подрагивали, то теперь они полностью поникли, а густые брови нависли над щеками. С тревогой снова мысленно проглядывая свои списки, Перрин рассеянно подумал: интересно, как далеко Айз Седай намерены зайти в своем непослушании? Подслушивать с помощью Силы! За это им наверняка здорово достанется от Хранительниц Мудрости – вряд ли дело ограничится только грозным рыканьем Сорилеи. И Ранд тоже вряд ли будет доволен.

На этот раз, однако, все как будто обошлось. У Ранда был такой вид, точно он вообще не заметил появления Айз Седай. Он, казалось, смотрел в пространство, хотя взгляд его был устремлен на Сорилею. Или, быть может, прислушивался к чему-то, что слышал только он сам.

– Что происходит у мокроземцев? – в конце концов спросил он. – Колавир короновалась и стала королевой? – Это прозвучало не как вопрос.

Сорилея кивнула, сжав пальцами рукоять висящего на поясе ножа и ни на мгновение не выпуская из поля зрения Айз Седай. Айильцев меньше всего волновало, кто именно король или королева у мокроземцев. В особенности если речь шла о древоубийцах-кайриэнцах.

Словно ледяная сосулька вонзилась в грудь Перрина. То, что Колавир из Дома Сайган спала и видела, как бы усесться на Солнечный трон, ни для кого не было секретом. Она лелеяла эти планы с тех пор, как Галдриан Райатин был убит, задолго до того, как Ранд объявил себя Драконом Возрожденным. И не унялась даже после того, как стало известно, что Ранд собирается посадить на этот трон Илэйн. Не многие, однако, знали, что Колавир способна даже на хладнокровное убийство. А Фэйли оставалась в городе. Хорошо хоть, что не одна. Байн и Чиад должны быть рядом с ней. Они Девы и ее подруги, может быть такие же близкие, как почти сестры, – есть такое понятие у айильцев. Они не допустят, чтобы с ней произошло что-нибудь плохое. Однако сосулька внутри не таяла. Колавир ненавидела Ранда и распространяла это отношение на всех, кто близок ему. Например, на жену человека, который был другом Ранда. Нет. Байн и Чиад не допустят, чтобы с ней случилась беда.

– Возникает очень щекотливая ситуация. – Придвинувшись к Ранду, Кируна с удивительным самообладанием делала вид, будто не замечает Сорилею. Хранительница Мудрости на вид была не так уж сильна, однако взглядом, казалось, способна забивать гвозди. – Последствия могут оказаться очень серьезными. Я...

– Что Колавир говорила обо мне? – спросил Ранд Сорилею нарочито небрежным тоном. – Берелейн не пострадала? – Именно Берелейн, Первую Майена, Ранд оставил вместо себя в Кайриэне.

Почему он не спросил о Фэйли?

– С Берелейн сур Пейндраг все в порядке, – пробормотала Сорилея, продолжая сверлить взглядом Айз Седай.

Внешне Кируна сохраняла спокойствие, несмотря на то что ее прервали и явно игнорировали, но ее взгляд, неотрывно прикованный к Ранду, заморозил бы даже огонь в кузнечном горне. Сорилея жестом велела Ферейгин продолжать.

Рыжеволосая женщина вздрогнула и прочистила горло. Она явно не ожидала, что ей будет еще раз предоставлено слово, и попыталась на ходу собрать все свое достоинство, точно торопливо накиннутую одежду.

– Колавир Сайган говорит, что ты, Кар'а'карн, отправился в Кэймлин или, может быть, в Тир, но где бы ты ни находился, все должны помнить, что ты – Дракон Возрожденный, и повиноваться тебе. – Ферейгин презрительно фыркнула. О Возрожденном Драконе в айильских пророчествах не упоминалось, только о Кар'а'карне. – Она говорит, что ты вернешься и подтвердишь ее право на трон. Она часто встречается с вождями кланов и уговаривает их послать копыя на юг. Так ты велел, она говорит. Она не встречается с Хранительницами Мудрости и не прислушивается к нашим советам. – На этот раз она усмехнулась не менее выразительно, чем Сорилея. Никто не смел указывать вождям кланов, что им делать, но если Хранительницы Мудрости считали, что с ними плохо обходятся, обсуждать что-либо с вождями кланов вообще не имело смысла.

Все сказанное в какой-то степени отвлекло мысли Перрина от Фэйли. Колавир всегда с презрением относилась к «дикарям», считая Хранительниц Мудрости не больше чем травницами. Но на самом деле больше всего ей хотелось бы, чтобы все до последнего айильцы покинули Кайриэн. В данных обстоятельствах важнее было то, прислушивались к ее словам вожди кланов или нет. Ранда, однако, это как будто не интересовало.

– Что еще произошло в городе? Все, что ты слышала, Ферейгин. Может, что-то такое, что важно только для мокроземцев.

Она презрительно тряхнула рыжей гривой:

– Мокроземцы похожи на песчаных мух, Кар'а'карн: кто может знать, что для них важно? Станные вещи иногда происходят в городе, а иногда и в палатках Айил – так я слышала. Люди видят то, чего не может быть, а иногда то, чего не может быть, происходит на самом деле. Мужчины, женщины, дети умирают. – (У Перрина по коже побежали мурашки: то, о чем она говорила, Ранд называл пузырями зла; точно пена в зловонном болоте, поднимались они из узилища Темного и медленно дрейфовали по Узору, пока не лопались. Однажды Перрин и сам угодил в такой, ни за что в жизни не хотелось бы ему столкнуться с подобным еще раз.) – Если вас интересует, что делают мокроземцы, – продолжала она, – то кто обращает внимание на песчаных мух? Разве только когда они кусаются. Да, я еще кое-что вспомнила. Я этого не понимаю, но, может быть, ты поймешь. Песчаные мухи обязательно укусят, раньше или позже.

– Что за песчаные мухи? Мокроземцы? О чем ты говоришь?

Ферейгин во всех отношениях далеко до Сорилеи, и все же ни одна Хранительница Мудрости, насколько было известно Перрину, не могла спокойно отнестись к тому, что в разговоре с ней проявляют нетерпение. Даже если это был вождь вождей. Вздернув подбородок, она плотнее натянула шаль и ответила:

– Три дня назад древоубийцы Каралайн Дамодред и Торам Райатин подошли к городу. Они выпустили воззвание, что Колавир Сайган – узурпатор, но ничего не предпринимают, просто сидят в своем лагере к югу от города и время от времени посылают в город людей. За пределами лагеря сотня их со всех ног убегает от одного алгай'д'сисвай или даже гай'шайн.

Человек, которого называют Дарлин Сиснера, и другие тайренцы прибыли вчера к городу на корабле и присоединились к ним. С тех пор они только и делают, что пируют и пьянствуют, будто у них праздник. Солдаты древоубийц стянуты в город по приказу Колавир Сайган, но они наблюдают за нашими палатками больше, чем за другими мокроземцами или за порядком в самом городе. Просто наблюдают – и все, ничего не предпринимая. Может, ты, Кар'а'карн, понимаешь, почему они так себя ведут, а я – нет, и Бэйр с Меганой тоже, и никто в наших палатках.

Леди Каралайн и лорд Торам стояли во главе тех кайриэнцев, которые отказались признать власть Ранда в Кайриэне, а в Тире мятежниками руководил благородный лорд Дарлин. Ни от тех, ни от других особого вреда не было; Каралайн и Торам вот уже несколько месяцев сидели у подножия Хребта Мира, угрожая и требуя, а Дарлин делал то же самое в Хаддонском Сумрачье. Но ничего больше. Перрин, сам того не замечая, провел большим пальцем по лезвию топора. Мало того что Ранду угрожала опасность потерять поддержку айильцев, так еще и все его враги собрались в одном месте. Не хватало только Отрекшихся. И Севанны с ее Шайдо. Вместо крема в медовом торте. И все же сейчас это встревожило Перрина не больше, чем если бы он узнал, что по улицам Кайриэна бродят призраки из ночных кошмаров. Фэйли – вот что важнее всего. С ней ничего не должно случиться.

– Лучше смотреть, чем драться, – задумчиво пробормотал Ранд, снова как будто прислушиваясь к невидимому собеседнику.

Перрин всем сердцем был согласен с Рандом – все, что угодно, лучше, чем смертоубийство, – но айильцев такой подход, конечно, не устраивал, особенно если речь шла о врагах. Все они – Руарк и Сориля, Ферейгин, Нандера и Сулин – все посмотрели на Ранда с таким выражением, будто он сказал, что пить песок лучше, чем воду.

Ферейгин вытянулась, даже привстала на цыпочки. Для айилки она была не очень высока, почти по плечо Ранду, но каким-то образом умудрилась оказаться с ним почти нос к носу.

– В этом лагере мокроземцев чуть больше десяти тысяч человек, – укоризненно сказала она, – а в городе и того меньше. С ними ничего не стоит справиться. Даже Индириан не забыл, что ты запретил убивать мокроземцев, разве что защищаясь, но кто знает, долго ли они будут бездействовать? И мало проку от того, что в городе есть Айз Седай. Кто знает, что они...

– Айз Седай? – Голос Ранда звучал спокойно, но он так стиснул Драконов скипетр, что костяшки пальцев побелели. – Сколько?

От его запаха по спине Перрина пробежал озноб. Внезапно он буквально всей кожей ощутил, что пленные Айз Седай не сводят с них глаз, и не только пленные. И Бера, и Кируна, и все остальные.

Сориля тут же утратила всякий интерес к Кируне. Руки в боки, она процедила сквозь стиснутые зубы:

– Почему ты не рассказала об этом мне?

– Не успела, Сориля, ты сама прервала меня, – протестовала Ферейгин, внезапно как будто став меньше ростом и тяжело дыша. Снова переведя взгляд голубых глаз на Ранда, она продолжила уже более твердым голосом: – Может быть, их десять или больше, Кар'а'карн. Мы держимся подальше от них, конечно, особенно с тех пор... – Ее взгляд опять метнулся к Сорилее, и опять она тяжело задышала и поникла. – Ты сама ничего не хотела слушать о мокроземцах, Сориля. Только о том, что происходит в наших палатках. Ты сама так сказала. – Повернувшись к Ранду, она снова подтянулась. – Большинство из них скрываются у Арилин Дулайн, Кар'а'карн, и редко показываются на люди. – И снова, глядя на Сорилею, сгорбившись, чуть слышно: – Сориля, ты же знаешь, я бы все рассказала тебе. Ты сама меня прервала.

Когда до Ферейгин дошло, сколько людей наблюдает за ней и особенно что многие из них, во всяком случае среди Хранительниц Мудрости, улыбаются, глаза у нее вспыхнули, а щеки запылали. Поворачиваясь то к Сорилее, то к Ранду, она открывала и закрывала рот, не

издавая ни звука. Некоторые Хранительницы Мудрости захихикали, прикрываясь ладонями. Эдарра смеялась совершенно открыто, как и Руарк, который откинул назад голову и захохотал во все горло.

Перрину, конечно, было не до смеха. У айильцев вообще весьма своеобразное чувство юмора. Кто знает, может, айилец способен найти повод для веселья даже в том, что его про-
ткнули мечом? Только Айз Седай не хватало. Свет! Он выбросил из головы все, кроме того, что волновало его больше всего.

– Ферейгин! Моя жена, Фэйли, как она?

Бросив на него растерянный взгляд, Ферейгин с явным усилием постаралась взять себя в руки.

– Думаю, с Фэйли Айбара все в порядке, *Сей'кайр*, – уже спокойно ответила она. Или почти спокойно. Краешком глаза она продолжала следить за Сорилеей.

Сорилея не смеялась и даже не улыбалась. Сложив руки на животе, она не отрываясь смотрела на Ферейгин; по сравнению с этим взглядом тот, которым она прежде одарила Кируну, казался просто кротким.

Эмис положила ладонь на руку Сорилеи.

– Она не виновата, – прошептала Эмис так тихо, что ее услышали только Хранительница Мудрости и Перрин.

Мгновение поколебавшись, Сорилея кивнула. Взгляд, способный содрать с человека кожу, сменился обычным, просто придиричивым. Насколько Перрину было известно, такого эффекта могла добиться только Эмис, только ей одной Сорилея вообще позволила бы даже попытаться сделать что-то в этом роде, не сровняв ее с землей. Если не считать, конечно, Руарка, но он относился к подобным вспышкам с полным безразличием. Точно валун, которому все равно, бушует над ним гроза или нет. Утихомирить грозу была способна только Эмис.

Перрину хотелось бы побольше услышать от Ферейгин – она лишь *думает*, что с Фэйли все в порядке, или ей это точно известно? – но прежде, чем он успел открыть рот, его с обычным для нее тактом опередила Кируна.

– Теперь внимательно выслушай меня, – заявила она, обращаясь к Ранду и выразительно взмахнув рукой прямо у него перед носом. – Я назвала ситуацию щекотливой. Это не так. Ситуация настолько сложная, что ты даже представить себе не можешь, настолько хрупкая, что способна разбиться вдребезги от одного легкого дуновения. Бера и я отправимся в город вместе с тобой. Да-да, Аланна, и ты тоже, – нетерпеливо отмахнулась она от Зеленой сестры. У Перрина создалось впечатление, что Кируна снова прибегла к своему знаменитому угрожающему трюку, в результате которого стала как будто выше ростом и оказалась чуть ли не нос к носу с Рандом. Хотя, приглядевшись, Перрин обнаружил, что это лишь кажется. Ранд по-прежнему, конечно, на голову выше ее. – Мы будем давать тебе советы, и ты непременно должен им следовать. Одно неверное движение, одно неосторожное слово, и с Кайриэном может случиться то же, что с Тарабоном и Арад Доманом. Хуже того, ты можешь просто по неведению, даже не догадываясь, на какую опасную почву вступаешь, натворить множество ужасных бед.

Перрин поморщился. Вся эта речь будто нарочно предназначалась для того, чтобы вывести Ранда из себя. Однако Ранд просто дождался ее окончания и повернулся к Сорилее:

– Возьми Айз Седай с собой к палаткам. Всех, и побыстрее. Проследи, чтобы все знали, что они Айз Седай. Пусть все видят, что они слушаются малейшего твоего приказанья. Ты ведь исполняешь приказанья своего Кар'а'карна? Ну вот, значит, это убедит всех, что я не хожу у них на поводке.

Кируна покраснела. Она чувствовала себя оскорбленной, она негодовала, и это так сильно ощущалось в ее запахе, что у Перрина зачесалось в носу. Бера попыталась успокоить ее, но без заметного успеха, и Кируна продолжала метать в Ранда взгляды, которые говорили: «Ты, невежа, сосунок, деревенщина!»; Аланна закусила губу, изо всех сил стараясь не улыбнуться.

Хотя, если судить по запаху, исходящему от Сорилеи и остальных Хранительниц Мудрости, особых поводов для веселья у Аланны не было.

Сорилея криво улыбнулась Ранду.

– Может быть, Кар'а'карн, – сухо произнесла она; Перрин как-то засомневался, что Сорилея очень уж слушается Ранда. – Может быть, все так и получится.

Покачивая головой, Ранд отошел вместе с Мин в сопровождении Дев, которые, точно тени, ни на шаг не отставали от него. Он принялся отдавать распоряжения тем, кто отправлялся с ним, и остающимся с Хранительницами Мудрости. Руарк, в свою очередь, тут же начал выкрикивать соответствующие приказания своим сисвай'аман. Аланна не сводила взгляда с Ранда. Перрин терялся в догадках, что же здесь произойдет дальше. Сорилея и прочие тоже смотрели на Ранда, и в их запахе ощущалось все, что угодно, только не спокойствие.

И тут до Перрина дошло, что Ферейгин больше никого не интересует и, следовательно, у него появился шанс. Но как только он направился к ней, Сорилея, Эмис и остальные из их «совета», как назло, окружили ее, оттеснив его в сторону. Отойдя вместе с Ферейгин на некоторое расстояние, они забросали ее вопросами, изредка поглядывая на Кируну и двух других сестер, как бы давая им понять, чтобы поостереглись снова подслушивать. Кируна, по-видимому, заметила этот маневр; она так сердито сверкала глазами, что казалось, вот-вот задымится. Бера что-то настойчиво внушала ей, и Перрин без малейших усилий различил слова «благоразумна», и «терпелива», и «осторожна», а потом «глупый». Что к кому относилось, не требовало разъяснений.

– Как только доберемся до города, будет бой. – В голосе Айрама явственно звучали нотки нетерпения.

– Ничего подобного, – решительно заявил Лойал. Уши у него подрагивали, он посмотрел на свой топор так, будто с удовольствием зашвырнул бы его подальше. – Ведь ничего не будет, правда, Перрин?

Перрин покачал головой. Он не знал. Если бы только Хранительницы Мудрости оставили Ферейгин одну хоть на несколько мгновений! Что такое важное они обсуждают?

– Женщины, – пробормотал Гаул, – еще более непонятные создания, чем пьяные мокроземцы.

– Что? – рассеянно спросил Перрин.

Может, просто протолкнуться сквозь круг Хранительниц Мудрости? Что произойдет? Точно прочтя его мысли, Эдарра сердито посмотрела на него, то же сделал и еще кто-то. Иногда и впрямь казалось, что женщины способны читать мысли мужчин. Ладно...

– Я говорю, ничего у них не понять, у этих женщин, Перрин Айбара. Чиад сказала, что не положит свадебный венок к моим ногам, прямо так и заявила. – Айилец, казалось, был потрясен. – Я, говорит, могу взять тебя в любовники, для себя и для Байн, но не более того. – (В другое время этакое слова могли бы шокировать Перрина, хотя он уже слышал о таком прежде. Айильцы были невероятно... свободны в этих вопросах.) – Как будто я недостаточно хорош, чтобы быть мужем, – сердито фыркнул Гаул. – Я не люблю Байн, но готов жениться и на ней, лишь бы Чиад была счастлива. Если Чиад не собирается плести для меня свадебный венок, с какой стати она заигрывает со мной? Раз я не гожусь ей в мужья, пусть оставит меня в покое.

Перрин хмуро посмотрел на него. Зеленоглазый айилец был выше Ранда и почти на голову выше его самого.

– О чем это ты толкуешь?

– О Чиад, разумеется. Ты что, не слушал меня? Она вроде как избегает меня, но каждый раз, как попадается навстречу, непременно останавливается. Проверяет, успел ли я ее заметить. Не знаю, как обстоит дело у вас, мокроземцев, но у нас таким способом женщины привлекают мужчин. Она появляется, когда ты меньше всего этого ждешь, но тут же снова исчезает. До сегодняшнего утра я даже понятия не имел, что она здесь, вместе с Девами.

– Как это – здесь? – прошептал Перрин. Сосулька, точно клинок, пронзила сердце, земля ушла из-под ног. – А Байн? Тоже здесь?

Гаул пожал плечами:

– Они редко разлучаются. Но меня интересует Чиад, а не Байн.

– Чтоб они сгорели, и ты вместе с ними! – завопил Перрин. Хранительницы Мудрости дружно обернулись и уставились на него. Почти все, кто стоял на склоне холма, сделали то же самое. Кируна и Бера тоже обратили к Перрину внимательные лица. Приложив невероятное усилие, он заговорил тише, хотя напряжение по-прежнему клочкотало в его голосе, с этим Перрин ничего не мог поделать. – Они должны были защищать ее! Она в городе, в королевском дворце, с Колавир – Колавир! А они должны были в случае чего защитить ее.

Почесывая голову, Гаул взглянул на Лойала:

– Это мокроземцы так шутят? Фэйли Айбара уже выросла из детских юбок.

– Я знаю, что она не ребенок! – Перрин набрал полную грудь воздуха. Очень трудно не кричать, если живот у тебя, казалось, полон кислоты. – Лойал, объясни этому... объясни Гаулу, что наши женщины не кидаются друг на друга с копьями, что Колавир даже в голову не придет предлагать Фэйли сражаться, что ей достаточно просто приказать, и Фэйли перережут горло, или сбросят ее со стены, или... – Нет, слишком яркие оказались эти страшные образы; у Перрина все внутри перевернулось.

Лойал сочувственно похлопал Перрина по плечу:

– Перрин, я понимаю твое беспокойство. Я знаю, что испытывал бы то же самое, если бы думал, что Эрит угрожает опасность. – Кисточки на кончиках его ушей задрожали. К его утешениям, конечно, стоило прислушаться, как же; мать мечтала женить его на молодой женщине-огир, которую выбрала сама, а он только и делал, что бегал от нее. – Ах! Ну ладно, Перрин. Фэйли ждет тебя, целая и невредимая. Я знаю это. И ты знаешь, что она вполне способна постоять за себя. – Лойал несколько принужденно рассмеялся своим гудящим смехом, но тут же снова стал серьезен, даже угрюм. – Перрин... Перрин, ты же знаешь, что не можешь всегда находиться при Фэйли, чтобы защищать ее, как бы тебе того ни хотелось. Ты – та'верен. Узор сплетает вокруг тебя свое кружево, как ему, Узору, угодно, и использует тебя, как ему, Узору, нужно.

– Чтоб он сгорел, этот Узор! – прорычал Перрин. – Пусть все горит огнем, если это спасет ее.

Уши Лойала от потрясения встали торчком, и даже Гаул выглядел ошеломленным.

«Что со мной творится?» – подумал Перрин. Он всегда презирал тех, кто всю жизнь занимался исключительно своими мелкими делишками и думать не думал о Последней битве и тени Темного, которая надвигалась на мир. Чем же он теперь отличается от них?

Ранд придержал черного коня, поравнявшись с Перрином:

– Ты идешь?

– Иду, – мрачно ответил Перрин.

Он не знал ответа на вопрос, который только что задал себе, но в одном был полностью уверен. Нехорошо, конечно, если судьбы мира не волнуют человека, но для него лично мир без Фэйли не имел смысла.

Глава 4 В Кайриэне

Дай Перрину волю, и он скакал бы еще быстрее, хотя понимал, что долго лошади такого темпа не выдержат. Они поочередно то скакали рысью, то бежали бок о бок с лошадьми. Ранд, казалось, с головой ушел в свои мысли, если не считать того, что он подставлял руку Мин каждый раз, когда она спотыкалась. Остальных для него как будто не существовало, он даже удивленно помаргивал, когда Перрин или Лойал попадались ему на глаза. По правде говоря, все были примерно в таком состоянии. Люди Добрэйна и Хавьена смотрели прямо перед собой, пытаясь угадать, что ждет их впереди. Двуреченцы, чувствуя мрачное настроение Перрина, погрузились в уныние. Им нравилась Фэйли – по правде говоря, некоторые просто обожали ее, – и если бы с ней что-то случилось... Даже нетерпение Айрама поугасло, когда до него дошло, что Фэйли может угрожать опасность. Каждый мысленно отсчитывал лигу за лигой, прикидывая, сколько их еще осталось до города. За исключением Аша'манов, конечно. Точно стоя черных воронов, они держались сразу позади Ранда и были полностью поглощены тем, что обшаривали взглядами местность, остерегаясь засады. Дашива тяжело, точно куль, трясся в седле и мрачно бормотал что-то себе под нос каждый раз, когда приходилось слезать с коня и бежать. Казалось, ему стало бы даже легче, если бы они и в самом деле напоролись на засаду.

Впрочем, вряд ли это было возможно. Сулин и дюжина Фар Дарайз Май рысью мчались перед колонной, примерно столько же бежали по бокам, а еще больше Дев двигалось настолько далеко впереди, что Перрин даже не видел их. Многие засунули свои короткие копья под перевязь, которая удерживала налuch на спине, и теперь наконечники копий подскакивали над их головой; короткие луки из рога они держали в руках, наложив стрелы на тетиву. Девы высматривали все, что могло угрожать Кар'а'карну, но в равной степени следили и за ним самим, точно опасаясь, что он снова исчезнет. Они первыми обнаружили бы любую опасность или западню, оказавшиеся на пути.

Чиад бежала среди Дев, которые держались рядом с Сулин, – высокая женщина с темными, чуть рыжеватыми волосами и серыми глазами. Взгляд Перрина был неотрывно прикован к ее спине, он страстно желал, чтобы Чиад отстала от остальных и он смог бы переговорить с ней. Она, однако, делала вид, что ничего не замечает, и явно избегала его, точно зачумленного. Байн бежала не с колонной. Большинство Дев следовали тем же путем вместе с Руарком и алгай'д'сисвай, но они заметно отстали из-за повозок и пленниц.

Черная кобыла Фэйли рысью бежала за Ходоком, ее поводья были привязаны к его седлу. Двуреченцы, присоединившиеся к Перрину возле Колодцев Дюмай, привели Ласточку с собой из Кэймлина. Каждый раз, когда он оглядывался на лошадь, которая гарцевала позади, перед

его мысленным взором возникало лицо жены, ее рельефно очерченный нос, раскосые темные глаза и высокие скулы. Она любила эту лошадь, может, даже не меньше, чем его. Женщина столь же гордая, сколь и прекрасная, столь же вспыльчивая, сколь и гордая. Дочь Даврама Башира вряд ли способна тихонько отсидеться в уголке или хотя бы попридержать язык ради того, чтобы угодить Колавир.

Колонна останавливалась четыре раза, чтобы дать отдохнуть лошадям, и Перрин скрежетал зубами из-за каждой заминки. И все же, поскольку проявлять заботу о лошадях было его второй натурой, он рассеянно осматривал Ходока и чисто механически давал жеребцу немного воды. К Ласточке он проявлял больше внимания. Если Ласточка благополучно доберется до Кайриэна... Странная идея незаметно пустила корни в его сознании. Если он приведет лошадь Фэйли в Кайриэн, с ней самой все будет в порядке. Нелепая ребяческая фантазия, которая могла бы зародиться в голове какого-нибудь несмышленища, но он никак не мог от нее избавиться.

На каждой остановке Мин старалась развеять мрачное настроение Перрина. «Что у тебя за вид? – добродушно посмеиваясь, спрашивала она. – Краше в гроб кладут». «Если ты явишься к жене с таким лицом, – уверяла она, – та наверняка захлопнет дверь у тебя перед носом». Но Мин пришлось признать, что ни в одном из своих видений она не видела Фэйли целой и невредимой.

– Света ради, Перрин, – в конце концов сердито сказала она, теребя серые перчатки для верховой езды, – ты что, не знаешь ее? Если кто-нибудь задумает обидеть твою жену, она велит ему подождать в прихожей, пока у нее не найдется для него время.

Он чуть не зарычал в ответ. Ее слова вовсе не означали, конечно, что эти две женщины недолюбливают друг друга, но они прозвучали как-то очень... невпопад.

Лойал напомнил Перрину, что охотники за Рогом способны позаботиться о себе и что Фэйли осталась цела и невредима даже после стычки с троллоками.

– С ней все в порядке, Перрин, – сочувственно гудел он, торопливо перебирая ножищами рядом с Ходоком, держа свой огромный топор на плече. – Я уверен. – Однако Лойал произносил эти слова, наверно, уже раз двадцать, и каждый раз они звучали чуть менее сочувственно.

Последняя попытка огира проявить сочувствие явно увлекла его чуть дальше, чем он намеревался.

– Я уверен, Перрин, что Фэйли способна позаботиться о себе. Она не то что Эрит. Я жду не дождусь, когда Эрит предложит мне стать ее мужем. Тогда я смогу о ней позаботиться. Я бы, наверно, умер, если бы она изменила свое отношение ко мне. – Проговорив это, Лойал так и замер с открытым ртом, хлопая огромными глазами; уши задрожали от волнения, он споткнулся, зацепившись ногой за ногу, и чуть не упал. – Я не это имел в виду, – хрипло пробормотал он, догнав коня Перрина и широко шагая рядом с ним. Его уши все еще подрагивали. – Я хотел сказать, что и сам еще не уверен... Я слишком молод, чтобы... – С трудом проглотив комок в горле, он бросил на Перрина укоризненный взгляд, а потом другой, на Ранда, скакавшего впереди. – Рядом с *двумя* та'веренами лучше вообще не раскрывать рта. Что-нибудь да ляпнешь!

Ничего невозможного в том, что сорвалось у него с языка, не было, огир прекрасно понимал это, и присутствие рядом та'верена тут совершенно ни при чем. И все же Лойал почему-то выглядел ужасно испуганным, Перрину никогда не случалось видеть его таким. Прошло довольно много времени, прежде чем уши огира перестали дрожать.

Фэйли заполонила мысли Перрина, но все же он не ослеп и постепенно стал замечать то, на что вначале не обращал внимания или что, может быть, просто не доходило до его сознания. Жара стояла и тогда, когда меньше двух недель назад он вел своих людей из Кайриэна, и все же сейчас прикосновение Темного к миру ощущалось сильнее. Земля, казалось, погибала прямо на глазах. Хрупкая трава, которая потрескивала под копытами коней, съежилась, превратилась

в коричневую паутину, стелющуюся по земле и липнущую к камням на склоне холмов. Обнаженные ветки, безжизненные, почти мертвые, с треском ломались под порывами сухого ветра. Сосны и болотные мирты побурели и пожелтели, как никогда прежде.

Спустя несколько миль стали появляться фермы, незамысловатые прямоугольные постройки из темного камня. Вначале они попадались редко, на далеко отстоящих друг от друга расчищенных участках посреди леса, потом все чаще и чаще, по мере того как лес редел, превращаясь во что-то, что и лесом-то вряд ли можно назвать. Появилась проезжая дорога, ползущая по склонам и гребням холмов, огибающая окруженные каменными оградами поля, которые теперь составляли основную примету местности. Большая часть попадавшихся раньше ферм выглядели заброшенными – там стул со спинкой из перекладин лежит на боку перед фермерским домом, здесь тряпичная кукла валяется на обочине. Коровы – кожа да кости – и вялые овцы усеивали пастбища, на которых тут и там ссорились из-за трупов вороны; почти на каждом пастбище гнили чьи-нибудь останки. То, что прежде выглядело как бурные потоки, теперь превратилось в еле заметные ручейки, прокладывающие себе дорогу по засохшей грязи. Засеянная пашня, которую по всем законам природы должно было укрывать снежное одеяло, выглядела так, будто земля вот-вот превратится в пыль, а там, где это уже произошло, пыль развеял ветер.

Высокий столб пыли сопровождал движение колонны, и так было до тех пор, пока узкая грунтовая дорога не влилась в широкую, вымощенную камнем, которая тянулась от перевала Джангай. Здесь уже попадались люди, хотя и немного. Все они казались вялыми, с потухшими глазами. Хотя солнце было уже на полпути к горизонту, в воздухе ощущалась жара. Редкие повозки, запряженные волами или лошадьми, поспешно съезжали на более узкие тракты или даже в поля, лишь бы убраться с дороги. Те, кто правил ими, по виду обычные крестьяне, ничего не понимающими взглядами провожали три знамени, проносившиеся мимо.

Тысяча вооруженных мужчин – здесь было на что поглазеть! Тысяча вооруженных мужчин, несущихся куда-то и с какой-то целью. Да, здесь было на что поглазеть, а заодно и поблагодарить судьбу за то, что они скрылись из глаз.

Наконец, когда солнцу осталось совсем немного до горизонта, дорога взобралась на гору и открылся вид на Кайриэн, раскинувшийся на расстоянии двух или трех миль. Ранд натянул поводья, и Девы, которые теперь держались все вместе, уселись на корточки прямо там, где остановились. По-прежнему, однако, не забывая внимательно поглядывать по сторонам.

Никакого движения не было заметно на голых холмах перед огромной массой серого камня – прямоугольные стены и башни, замершие, точно зачарованные, – спускающейся к реке Алгуэнья. Корабли всех размеров стояли на якорях, некоторые пришвартовались к пристани на дальнем берегу, где располагались амбары для хранения зерна. Несколько кораблей плыли под парусами или на веслах, придавая картине мирный, благополучный вид. В небе не было ни облачка, и света еще вполне хватало, чтобы Перрин отчетливо разглядел огромные знамена, развевающиеся над городскими башнями. Алое знамя Света, белое знамя Дракона со змеем, поблескивающим красно-золотой чешуей, Восходящее солнце Кайриэна с волнистыми лучами, золотое на голубом. И четвертое, укрепленное не выше, но и не ниже остальных. Серебряный ромб – алмаз – мерцал на клетчатом желто-красном поле.

Опустив небольшую зрительную трубу, Добрэйн с хмурым видом засунул ее в кожаный цилиндрический футляр, привязанный к седлу.

– Я надеялся, что дикарки что-то не так поняли, но раз знамя Дома Сайган развевается вместе с Восходящим солнцем, значит на троне и вправду Колавир. Она наверняка каждый день раздает в городе подарки: деньги, еду, безделушки. Так всегда по традиции отмечают Торжество коронации. Любой правитель наибольшей популярностью пользуется в течение недели после того, как завладеет троном. – Он искоса взглянул на Ранда; в лице Добрэйна читалось напряжение, связанное с тем, что он говорит так прямо в присутствии Дракона Возрожден-

ного. – Простой люд может взбунтоваться, если ему не понравится то, что ты собираешься делать. На улицах может пролиться кровь.

Серый жеребец Хавьена нетерпеливо гарцевал под всадником, который переводил взгляд с Ранда на город и обратно. Это был не его родной город. Майенец и раньше не скрывал, что его мало беспокоит, прольется на этих улицах кровь или нет. Главное, чтобы с его собственным правителем ничего плохого не случилось.

Ранд довольно долго просто внимательно рассматривал город. Что бы он там ни увидел, его лицо сохраняло мрачное выражение. Мин все это время разглядывала Ранда с явным беспокойством, может быть, даже с состраданием.

– Я постараюсь во всем разобраться, – произнес он в конце концов. – Флинн, ты остаешься здесь с солдатами. Мин...

Она резко прервала его:

– Нет! Я буду там, где ты, Ранд ал'Тор. Я нужна тебе, и ты знаешь это. – Последнее прозвучало не как требование, но если женщина стоит руки в боки и сверлит тебя взглядом, это мало похоже на просьбу, какие бы слова она при этом ни произносила.

– И я тоже, – добавил Лойал, опираясь на свой топор. – Как-то так получается, что все самое интересное происходит с тобой, когда меня нет рядом. – В его голосе послышались жалобные нотки. – Так не годится, Ранд. Не годится для книги. Как я могу писать о том, чему не был свидетелем?

Все еще глядя на Мин, Ранд предостерегающим жестом протянул было к ней руку, но потом уронил ее. Девушка спокойно встретила его взгляд.

– Это... безумие. – Жестко натягивая поводья, Дашива ударами в бока заставил свою упитанную лошадь подойти вплотную к черному коню Ранда. У него было такое выражение лица, точно он делал это против своего желания; может, даже Аша'манам бывало не по себе, если они оказывались слишком близко к Ранду. – Вполне достаточно одного-единственного человека с... с луком или ножом, которого вы не заметите вовремя. Пошлите кого-нибудь из Аша'манов. Или нескольких, если считаете, что это необходимо. Можно открыть проход прямо во дворец и оказаться там, прежде чем кто-либо поймет, что происходит.

– И сидеть здесь, дожидаясь темноты, – перебил его Ранд, направляя жеребца так, чтобы объехать Дашиву, – пока нас не разглядят на открытом месте? Вот уж точно отличный способ вызвать кровопролитие. Они видят нас со стен, они ведь не слепые. Рано или поздно они пошлют сюда кого-нибудь, чтобы выяснить, кто мы такие и сколько нас. – (Основную часть колонны скрывал склон холма, знамена тоже находились ниже по склону, но всадники на гребне, да еще в сопровождении Дев, несомненно должны вызвать любопытство.) – Будет так, как я сказал. – Его голос зазвенел от гнева, и от него запахло холодным бешенством. – Никто не погибнет, Дашива, если этого можно будет избежать. Я уже пресытился смертью. Ты понимаешь меня? Никто!

– Как прикажете, милорд Дракон. – Дашива слегка склонил голову, но голос звучал сердито, а пахло от него...

Перрин потер нос. Этот запах... промелькнул, точно хвост вспорхнувшей птицы, слишком быстро, так что он почти ничего не успел разобрать. И тут же нахлынули страх, ненависть, гнев и еще целая дюжина, если не больше, эмоций. И все же у него больше не оставалось сомнений в том, что этот человек безумен, какую бы маску простодушного добряка он на себя ни надевал. Однако все это тут же вылетело у Перрина из головы. Так близко...

Ткнув Ходока каблуками в бока, он устремился в город, не дожидаясь остальных, не думая о том, скачет за ним Айрам или нет. Впрочем, в этом он несколько не сомневался. Сейчас Перрин не мог думать ни о чем, кроме Фэйли. Если Ласточка в целости и сохранности доберется до города... Громадным усилием он заставил себя перевести Ходока на крупную

рысь. Скачущий галопом всадник мог привлечь ненужное внимание, вызвать расспросы и, следовательно, задержку.

Как только Перрин поскакал медленнее, остальные довольно быстро догнали его и Айрама. Мин, кажется, и Лойал. Девы, развернувшись веером, вскоре оказались впереди. Рысцой обгоняя его, некоторые из них бросали на Перрина сочувственные взгляды. Пробегая мимо, Чиад не отрывала взор от земли.

– Мне все-таки не нравится этот план, – пробормотал Хавьен, который скакал бок о бок с Рандом. – Простите, милорд Дракон, но это так.

Добрэйн с другой стороны от Ранда проворчал:

– Нас слишком много, майенец. Если бы мы сделали по-твоему, они закрыли бы перед нашим носом ворота еще до того, как мы проскакали хоть милю.

Хавьен буркнул что-то в ответ и, понукая коня, отъехал на несколько шагов. Он считал, что вместе с Рандом в город должны были отправиться все.

Перрин оглянулся через плечо на тех, кто остался. На гребне холма стояли, держа под уздцы лошадей, Дамер Флинн, которого легко можно было узнать по мундиру, и несколько двуреченцев. Перрин вздохнул. Он и думать забыл о двуреченцах. Может быть, их все же следовало взять с собой? Скорее всего, однако, Ранд прав, да и Добрэйн как будто поддержал его.

Несколько человек запросто могли проникнуть туда, куда армию, пусть даже небольшую, ни за что не пропустят. Захлопнись перед ними ворота, айильцам пришлось бы осаждать город, если они еще, конечно, поддерживали Ранда. И тогда резня неминуема. Ранд засунул Драконов скипетр в один из седельных выюков, откуда торчал лишь его конец, украшенный резьбой. Внешний вид Ранда вряд ли мог навести на мысль, что он Дракон Возрожденный. Что касается Аша'манов, никто в городе понятия не имел, что означает черный мундир. Конечно, уничтожить нескольких человек легче, чем армию, пусть и небольшую, даже если среди этих людей большинство умеет направлять Силу. Перрин своими глазами видел, как копьё Шайдо пронзило одного из Аша'манов в живот и тот умер в мучениях, как и любой другой человек.

Дашива проворчал что-то себе под нос. Перрин разобрал лишь слова «герой» и «глупец», и то и другое было сказано пренебрежительным тоном. Если бы не Фэйли, он бы, пожалуй, и согласился. Один раз Ранд бросил взгляд на айильский лагерь, растянувшийся по холмам восточнее города на две или три мили, и Перрин затаил дыхание – а вдруг Ранд вздумает свернуть туда? Но что бы ни пришло в голову Ранду, Перрин знал, что продолжит свой путь. Фэйли, вот что важнее всего, согласится с этим Ранд или нет.

Когда до ворот Кайриэна оставалось меньше чем полмили, отряд въехал в другой лагерь, при виде которого Перрин нахмурился. Он был такой большой, что сам напоминал город. Насколько хватало глаз, вплотную друг к другу лепились полуразвалившиеся лачуги и шаткие навесы, установленные прямо на голой выжженной земле и льнувшие к высоким серым городским стенам. Прежде это место – густое переплетение кривых улочек и переулков – называлось Слобода, но потом Шайдо сожгли его. Только немногие молча оглядывались, когда мимо них проносился незнакомый отряд в сопровождении огира и айильских Дев, но большинство продолжало заниматься своими делами. Настороженные, угрюмые лица; эти люди знать ничего не хотели, кроме того, что происходило прямо у них под носом. Жители Слободы одевались довольно пестро. Пышные яркие наряды, выброшенные предыдущими хозяевами, подобранные и превратившиеся в лохмотья, соседствовали с одеждой мрачных тонов, обычной для столичных жителей, и с совсем простыми темными одеяниями обитателей деревень и ферм. Когда Перрин покидал Кайриэн, обитатели Слободы ютились в самом городе вместе с тысячами беженцев из внутренних областей страны. На лицах многих красовались синяки, порезы и даже раны, чаще всего неперевязанные. Вряд ли они ушли из города, из-под защиты стен, по своей воле. И жители Слободы, и беженцы боялись возвращения Шайдо. Известное дело – кто однажды обжегся, шарахается от раскаленного железа.

Путь пролегал через Слободу к Джангайским воротам, которые представляли собой три высокие прямоугольные арки с башнями. По переходам за зубчатыми стенами с праздным видом ходили туда и обратно люди в шлемах, поглядывая вниз через проемы между каменными зубцами. Некоторые смотрели в ту сторону, где на вершине холма осталась армия; офицер, за спиной которого трепетал флажок-кон, время от времени прикладывал к глазу зрительную трубу. Маленький отряд Ранда вызвал удивленные взгляды. Мужчины верхом и айильские Девы – необычная компания. На зубчатой стене замелькали арбалеты, но никто не проявлял открытой враждебности. Окованные железом ворота стояли открытыми. Перрин затаил дыхание. Он хотел одного – скакать галопом, без задержек, в Солнечный дворец, к Фэйли.

Сразу за воротами располагалось караульное помещение с низким потолком, где прибывшие в город, прежде чем войти, обычно должны были отметиться. Когда отряд проходил мимо, кайриэнский офицер с квадратной челюстью окинул всех прибывших угрюмым взглядом, в особенности Дев. Однако он просто стоял, наблюдая, и не произнес ни слова.

– Я же говорил, – сказал Добрэйн, как только отряд миновал караулку. – Колавир разрешила свободный доступ в город в честь Торжества коронации. Сейчас пропустят любого, даже того, на кого есть приказ об аресте. Такова традиция.

И все же в его голосе слышалось явное облегчение. Мин шумно вздохнула, а вздох Лойала наверняка можно было расслышать на соседних улицах. Перрин не мог даже вздохнуть – так сильно у него щемило в груди. Ласточка дошла до Кайриэна, оставалось лишь доставить ее в королевский дворец.

Вблизи Кайриэн вполне соответствовал тому, что его вид обещал издали. Город располагался на высоких холмах, но, украшенные террасами и облицованные камнем, они уже не выглядели холмами. Широкие улицы, проложенные под прямым углом друг к другу, были заполнены народом. В этом городе даже крошечные переулки пересекались не вкривь и вкось, а строго перпендикулярно. Улицы редко поднимались по холмам и опускались с них, чаще они просто прорезали их насквозь. Все здания, от лавок до дворцов, были строго прямоугольные или квадратные, даже огромные, укрепленные контрфорсами башни, легендарные поднебесные башни Кайриэна, каждая из которых стояла на вершине одного из холмов и была одета лесами, – они все еще восстанавливались после того, как были сожжены во время Айильской войны. Город в целом выглядел очень сурово, и косые вечерние тени, прорезающие его, усиливали мрачное впечатление. Украшенные кисточками уши Лойала почти непрерывно подрагивали, брови беспокойно хмурились, нависая над щеками, на лбу образовались складки.

Вокруг было не так уж много признаков праздника, будь то Торжество коронации или Большой Часалеин. Перрин представления не имел, что праздник может быть приурочен к какому-то определенному событию, ведь в Двуречье День раздумий наступал тогда, когда кончались зимние холода и все радовались, что можно позабыть о них. Здесь, несмотря на толпы народа, атмосфера была молчаливой и безрадостной. Если бы это происходило где-то в другом месте, можно было бы предположить, что на настроение людей повлияла противоестественная жара, но на самом деле, за исключением обитателей Слободы, кайриэнцы вообще суровые, серьезные люди. Внешне, по крайней мере; о том, что происходило в их душах, Перрин до сих пор как-то не задумывался. Лоточники и повозки бродячих торговцев, которых он помнил, исчезли с улиц, так же как музыканты, акробаты и кукольники. Кое-кто, видимо, посчитал, что им самое место среди прочего сброда за стенами города. Закрытые, темные паланкины тут и там покачивались в молчаливой толпе, некоторые со знаменами Домов, чуть большими, чем кон, укрепленный выше их. Они продвигались так же медленно, как повозки, запряженные волами, рядом с которыми шли погонщики; оси телег пронзительно взвизгивали в тишине. Чужеземцы выделялись среди прочих не столько более пестрой одеждой, сколько потому, что не многие, кроме них, ехали верхом. Как правило, более низкорослые местные жители напоминали в своих темных одеяниях бледнолицых ворон. Айильцы, конечно, тоже бросались в глаза.

Сколько бы их ни было, один-единственный или сразу десять, они свободно проходили сквозь любую толпу. Все отводили взгляды и расступались перед ними, где бы они ни появлялись.

Лица айильцев поворачивались вслед отряду, медленно прокладывавшему путь сквозь толпу. Даже если не все они узнавали Ранда в его зеленой куртке, наверняка догадывались, кем должен быть высокий мокроземец, сопровождаемый Девами. От этих взглядов у Перрина мурашки по спине побежали: уж очень эти взгляды были внимательные. Именно эти взгляды вызвали у него прилив благодарности к Ранду за то, что он не взял с собой Айз Седай. Если не учитывать айильцев, вокруг Дракона Возрожденного плескалось море безразличия, которое расступалось перед Девами и снова смыкалось за Аша'манами.

Королевский дворец в Кайриэне, или Солнечный дворец, или Дворец солнца, восходящего во всем своем великолепии, – кайриэнцы великие мастера давать названия, одно пышнее другого, – стоял на вершине самого высокого холма в городе. Темная прямоугольная масса камня, увенчанная башнями и подавляющая своими размерами. Ведущая к ней улица, Коронная дорога, представляла собой длинный и широкий уклон, поднимающийся к дворцу, и Перрин глубоко вздохнул, когда они вступили на нее. Фэйли здесь. Она должна быть здесь, и с ней не случилось ничего плохого. Все, что угодно, но она должна быть жива и здорова. Он дотронулся до узла, которым поводья Ласточки были привязаны к кольцу на передней луке его седла, коснулся топора у пояса. Подковы звонко цокали по каменной мостовой. Девы передвигались совершенно бесшумно.

Стражники у огромных, широко распахнутых бронзовых ворот наблюдали за их медленным приближением, обмениваясь взглядами. По сравнению с тем, как обычно одевались кайриэнские солдаты, они выглядели довольно красочно. Десять человек с золотым восходящим солнцем на кирасах и шарфами цветов Дома Сайган, повязанными на алебардах. Перрин читал их мысли как по писаному. Тринадцать человек на лошадях, едут не спеша, лишь двое в доспехах, один – майенец в красном. Неприятностей можно ожидать от Каралайн Дамодред и Торама Райатина, но не от майенцев. И еще женщина и огир. Ну, с этими хлопот и вовсе не будет. Однако три с лишним дюжины Дев бегут рысью перед всадниками. Уж наверно, они не просто так решили заглянуть на чашку чая. Потребовались считанные мгновения на то, чтобы все это было обдумано и взвешено. Потом одна Дева подняла свою вуаль. Стражники дернулись, точно испуганные гуси, один из них прислонил к стене алебарду и бросился к воротам. Сделав два шага, он остановился как вкопанный. Вслед за ним все стражники замерли точно статуи, двигая только головой.

– Отлично, – пробормотал Ранд. – Теперь свяжите их потоками и оставьте так.

Перрин поежился, чувствуя себя как-то неуютно. Аша'маны стояли позади всех, заняв бо́льшую часть дороги; должно быть, они использовали Силу. Не исключено, что все вместе – восемь человек – они способны разнести дворец на части. Может, Ранд в состоянии сделать то же самое в одиночку. Но если бы с этих башен на них обрушился град арбалетных стрел, все они запросто могли погибнуть на открытой дороге, которая больше не казалась такой уж широкой.

Однако ничего такого не произошло. Всякий, кто вздумал бы выглянуть наружу сквозь высокие узкие окна дворца или с галерей над колоннадой, не увидел бы ничего необычного. Сулин, быстро мелькая руками, что-то безмолвно сказала Деве, и та торопливо опустила вуаль. Все медленно двинулись вперед, вверх по каменному уклону. Головы некоторых стражников дико вздрагивали, глаза выкатились. Один, похоже, почти потерял сознание и тяжело навалился на колонну, упираясь подбородком в грудь. Рты у всех были открыты и напряжены, но оттуда не доносилось ни звука. Перрин постарался не думать о том, что заставляло их молчать. Медленно вперед, сквозь распахнутые бронзовые ворота, на главный двор.

Никакой охраны, каменные балконы вокруг дворца совершенно пусты. Слуги в ливреях тут же выбежали, потупив взоры, чтобы взять поводья коней и подержать стремяна. По рукам

их темных кафтанов и платьев сбегали вниз нашивки красного, желтого и серебряного цветов, у каждого на левой стороне груди сверкал маленький значок с изображением восходящего солнца. Они выглядели наряднее, чем когда-либо прежде слуги в Кайриэне, по крайней мере как помнилось Перрину. Они не видели стражников снаружи, но если бы и видели, это бы вряд ли что-либо изменило. В Кайриэне слуги играли в свою собственную версию *Даэсс Дей'мар*, Игры Домов, но при этом делали вид, будто воспринимают как должное любые поступки тех, кто стоит выше. Обращать слишком много внимания на то, что происходит у вышестоящих, – или, по крайней мере, проявлять к их делам интерес – чревато последствиями. В Кайриэне, как, впрочем, в большинстве стран, простого человека могли раздавить, даже не заметив, если он случайно оказывался на пути у обладающих властью и могуществом.

Грубоватого вида служанка увела Ходока и Ласточку, даже не взглянув на Перрина. Ласточка была уже в Солнечном дворце, но это пока ничего не изменило. Перрин все еще не знал, жива ли Фэйли. Глупая мальчишеская фантазия.

Сдвинув топор назад, он зашагал вслед за Рандом к широким серым ступеням, которые виднелись в дальнем конце двора, и кивнул, когда Айрам чуть выдвинул из ножен меч. При их приближении слуги в ливреях распахнули на верху длинной лестницы огромные двери, тоже бронзовые, похожие на внешние ворота и украшенные большим изображением Восходящего солнца Кайриэна.

Прежде даже вестибюль ошеломил бы Перрина своим великолепием. Мощные прямоугольные колонны из темного мрамора поддерживали высокий, тоже прямоугольный, сводчатый потолок. Пол был выложен в шахматном порядке темно-голубыми и золотыми плитками. Вдоль карниза по всем стенам огромного зала располагались позолоченные эмблемы Восходящего солнца. Резные фризы, тянувшиеся вдоль стен, прославляли сражения, в которых Кайриэн одерживал победы. Зал был пуст, если не считать небольшой группки молодых людей, сгрудившихся под одним из фризов с батальной сценой. Завидев Перрина и остальных, они тут же смолкли.

Все были при мечах, хотя из семи четверо оказались женщинами. Все – в куртках и обтягивающих штанах вроде тех, которые носила Мин. У всех – и у мужчин, и у женщин – недлинные волосы собраны сзади в некое подобие хвоста, доходящего до плеч, и перевязаны темной лентой. Одна из женщин одета в зеленое, чуть более светлого оттенка, чем обычно принято у кайриэнцев, другая – в ярко-голубое. Остальные – в темной одежде с несколькими яркими полосами поперек груди. Все они тут же уставились на отряд Ранда и особенно на Перрина; наверно, их поразили его желтые глаза. Он, вообще-то, уже привык к подобной реакции и даже не обращал на нее внимания, разве что кто-нибудь вздрагивал или приходил в смятение. Так они и стояли, тараща глаза в полном молчании, пока не закрылись двери за последним Аша'маном. Гулкое «бум!» захлопнувшихся дверей заглушил жаркий шепот; потом кайриэнцы подошли ближе, женщины держались даже более важно и высокомерно, чем мужчины, которые слегка отстали. Все они преклонили колени, но даже это умудрились сделать с надменным видом.

Одетая в зеленое женщина бросила взгляд на другую, в голубом, которая стояла, опустив голову, и сказала:

– Милорд Дракон, я – Камейле Нолайзен. Наше общество возглавляет Селанда Даренгил... – Она удивленно заморгала, заметив сердитый взгляд женщины в голубом. Несмотря на этот взгляд, от Селанды пахло насквозь пронизывающим ее страхом, если, конечно, Перрин правильно понял, кто из них кто. Вздвинув горло, Камейле продолжала: – Мы не думали... Мы не ожидали, что вы вернетесь... так скоро.

– Да, – негромко произнес Ранд. – Сомневаюсь, чтобы кто-либо думал, что я вернусь... так скоро. Ни у кого из вас нет ни малейших причин бояться меня. Ни у кого. Я хотел бы, чтобы вы поверили мне. – Поразительно, но, говоря, он глядел прямо на Селанду. Когда она подняла

голову и посмотрела на него, запах страха пошел на убыль. Не исчез совсем, но уменьшился до еле заметного всплеска. Как Ранд вообще догадался, что именно она так напугана? – Где Колавир? – спросил Ранд.

Камейле открыла было рот, но ответила Селанда:

– В Большом зале Солнца. – Голос ее креп с каждым мгновением, а запах страха становился все слабее. Странно, но, когда кайриэнка взглянула на Мин, Перрин уловил легкий оттенок ревности, еле заметный. Иногда способность Перрина распознавать, какие чувства означал тот или иной запах, приводила к тому, что он только больше запутывался. – Там идет третий Закатный прием, – продолжала она. – Мы недостаточно важные персоны, чтобы присутствовать на нем. Кроме того, полагаю, наше общество ей неприятно.

– Третий, – пробормотал Добрэйн. – Уже девятый вечер после коронации. Времени она не теряет. По крайней мере, они там все вместе. Никто, ни один тайронец или кайриэнец, независимо от звания или своих претензий на него, не окажется в стороне.

Поднявшись с колен, Селанда сказала доверительным тоном, таким, будто, кроме нее и Ранда, здесь никого не было:

– Мы готовы станцевать танец клинков для вас, милорд Дракон.

Сулин, вздрогнув, покачала головой, еще одна Дева громко охнула. Некоторые Девы выглядели и пахли так, будто готовы тут же, на месте, разделаться с юнцами. Айильцы вообще ломали голову, что им делать с этими молодыми мокроземцами. В глазах айильцев проблема состояла в том, что те пытались изображать из себя айильцев и придерживаться джи'и'тох, по крайней мере своего варианта этого своеобразного айильского кодекса чести. Этими семьями их число вовсе не исчерпывалось; по всему городу можно было найти по крайней мере несколько сот таких ненормальных, объединившихся в сообщества по образцу айильских. Половина айильцев, как слышал Перрин, была не прочь помочь им; другая половина считала, что с ними следует покончить.

Однако в данный момент все они вместе с их джи'и'тох волновали Перрина меньше всего.

– Где моя жена? – требовательно спросил он. – Где Фэйли?

Эти молодые идиоты обменялись предостерегающими взглядами. Предостерегающими!

– Она тоже в Большом зале Солнца, – медленно сказала Селанда. – Она... она – одна из фрейлин королев... леди Колавир.

– Не заводишь, Перрин, – прошептала Мин. – Наверно, так сложились обстоятельства. Без очень важной причины она не стала бы так поступать.

Пожав плечами, Перрин попытался и в самом деле взять себя в руки. Одна из фрейлин Колавир? Для этого и впрямь нужна была, без сомнения, очень веская причина. Но какая?

Селанда и остальные вновь обменялись предостерегающими взглядами. Один из кайриэнцев, молодой человек с острым носом, сердито прошептал:

– Мы поклялись не говорить никому! Никому! Дали водный обет!

Прежде чем Перрин успел открыть рот, чтобы спросить, о чем идет речь, заговорил Ранд:

– Селанда, проводи нас в Большой зал. Предупреждаю, никаких клинков. Я сам прослежу за тем, чтобы восторжествовала справедливость и все получили по заслугам.

Что-то в его голосе заставило волосы на загривке у Перрина зашевелиться. Беспощадная жесткость; этот голос вызвал в сознании Перрина образ безжалостно опускающегося молота. У Фэйли имелась очень веская причина. Как может быть иначе?

Глава 5

Сломанная корона

Высокие и широкие коридоры казались тесными и плохо освещенными, несмотря на позолоченные торшеры, оснащенные зеркалами для отражения света; светильники были установлены специально для того, чтобы освещать пространство, куда дневной свет проникнуть не мог. На стенах висели гобелены, изображающие сцены охоты или сражений; люди и животные на них казались более совершенными, чем в жизни. В разбросанных тут и там нишах стояли чаши, вазы и небольшие статуэтки из золота, серебра или алебаstra. Мастера, изготовившие их, старательно избегали сколько-нибудь плавных, закругленных линий, будто для них важна была не форма, а сам материал, металл или камень.

Тишина, которая так поражала в городе, здесь казалась еще ощутимей. Звуки шагов по плиткам пола порождали гулкое эхо – глухая поступь, наводившая на мысль о дурном предзнаменовании. Перрин не думал, что такое ощущение возникало только у него. Уши Лой-ала подрагивали при каждом шаге, он осматривался по сторонам с таким видом, будто ждал, что в любой момент из глубины коридора на них кто-нибудь набросится. Мин ступала решительно и быстро, сочувственно поглядывая на Ранда. Она, казалось, все время испытывала желание подойти к нему поближе; сдерживать свой порыв стоило ей заметных усилий и явно не доставляло удовольствия. Молодые кайриэнцы вначале по-прежнему вышагивали важно, точно павлины, но их надменность заметно увяла под воздействием мрачной обстановки и глухого отзвука шагов. Даже Девы чувствовали разлитую в воздухе угрозу. То и дело та или другая из них – за исключением одной Сулин – поднимала руку и ощупывала висящую на груди вуаль.

Им, конечно, постоянно попадались слуги – бледные, узколикие мужчины и женщины в темных мундирах или платьях с эмблемой Восходящего солнца на левой стороне груди и нашивками цветов Колавир на рукавах. Некоторые, узнав Ранда, изумленно замирали. Очень немногие падали на колени и склоняли голову. Большинство ограничивались лишь тем, что коротко приседали в реверансе или низко кланялись, а потом снова возвращались к своим делам. Проявляй уважение к вышестоящим, кто бы они ни были, повинуйся им во всем, но не замечай, чем они занимаются, и тогда, может быть, не окажешься втянутым в их дела. Вот такой у них был подход, и мысль об этом заставила Перрина стиснуть зубы. Неправильный подход, люди не должны им руководствоваться.

Два ливрейных служителя перед украшенными позолоченной резьбой дверями Большого зала Солнца посмотрели на Дев, а может, и на молодых кайриэнцев с явным неодобрением. Люди старшего поколения вообще косо поглядывали на юнцов, которые старались во всем подражать айильцам. Очень многие родители делали все, чтобы положить этому конец, требовали

от сыновей или дочерей бросить эти глупости, приказывали слугам гнать с порога их приятелей, которые тоже вбили себе в голову всю эту чушь, точно обычных бродяг или уличных головорезов. Перрин не удивился бы, если бы слуги у дверей позолоченными жезлами преградили доступ в зал Селанде и ее друзьям, не пропустили их через распахнутые двери, не важно, относились они к благородным семействам или нет, и точно так же обошлись с Девами. Некоторые кайриэнцы все еще осмеливались называть айилыцев дикарями, если не на людях, то в узком кругу уж точно. Служители у дверей, по-видимому, именно так и намеревались поступить; набрали в грудь побольше воздуха, напряглись и... И увидели Ранда поверх голов Дев. Глаза у слуг чуть не выскочили из орбит. Они покосились друг на друга и рухнули на колени. Один упорно смотрел в пол; другой зажмурился, и Перрин услышал, как он забормотал молитву.

– Вот как меня любят, – негромко промолвил Ранд. Похоже, он не отдавал себе отчета в том, что произнес эти слова вслух. Мин залилась краской и дотронулась до его плеча. Ранд не глядя похлопал ее по руке, и по какой-то причине это, казалось, огорчило ее еще сильнее.

Большой зал Солнца казался необъятным. Сведенный под углом потолок в верхней точке достигал полных пятидесяти шагов в высоту, позолоченные светильники свисали на позолоченных цепях, таких прочных, что их вполне можно было использовать для ворот какой-нибудь крепости. И этот громадный зал был полон народу. С обеих сторон от центрального прохода в два ряда тянулись массивные прямоугольные колонны из иссиня-черного, испещренного прожилками мрамора, и все пространство между ними было заполнено людьми. Первыми заметили вошедших те, кто стоял у дверей. Долгополые и короткие кафтаны, одни были ярких цветов, другие украшала вышивка; кое-кто явился на прием в дорожной одежде, на некоторых женщинах были платья для верховой езды. Пестрая толпа. И на всех лицах мгновенно проступило любопытство. Пристальные, внимательные взгляды, одинаково настойчивые у мужчин и женщин.

Охотники за Рогом, решил Перрин, взглянув на тех, кто был в дорожном платье. Большинство из них по рождению принадлежали к благородным семействам или утверждали, что это так, а сегодня, по словам Добрэйна, здесь должны присутствовать все члены благородных семейств, которые только смогли прийти. Узнали они Ранда или нет, что-то, безусловно, почувствовали все, и их руки зашарили там, где обычно висели мечи и кинжалы, отсутствующие на месте в этот вечер. Трудно сказать, что на самом деле искали охотники, Рог Валир или приключений и достойного места в истории. Как бы то ни было, нюх на опасность у них развит превосходно. Они ощутили ее мгновенно, даже если не узнали Дракона Возрожденного.

Остальные в Большом зале были менее чувствительны к восприятию опасности или, скорее, в большей степени заняты своими кознями и заговорами. Почти наступая Ранду на пятки, Перрин прошел около трети длинного центрального прохода, прежде чем по залу, точно ветер, промчалась волна изумленных вздохов. Бледные кайриэнские лорды с цветными нашивками на груди темных шелковых кафтанов, кое-кто с выбритыми спереди волосами и напудренными лбами; кайриэнские леди в платьях с такими же нашивками, как у мужчин, с воротом под самый подбородок и кружевами, почти закрывающими руки, с причудливыми прическами, представляющими собой сложные башни из волос, иногда в добрый фут высотой. Тайренские благородные лорды и обладатели менее значимого титула лорда страны – с напыженными бородками клинышком, в бархатных шляпах и кафтанах красного, синего и всяких других цветов, с пышными рукавами, отделанными атласными вставками; тайренские леди в еще более ярких платьях с широкими кружевными рюшами и в плотно прилегающих к голове шляпках, усыпанных жемчугами и лунными камнями, огневиками и рубинами. Они узнавали Перрина, узнавали Добрэйна и даже Хавьена и Мин, но, что было гораздо важнее, они узнавали Ранда. Рябь узнавания катилась по залу вслед за идущими. Глаза широко распахивались, челюсти отвисали, люди замирали, почти одеревенев. У Перрина даже возникла мысль, что, может быть,

Аша'маны связали их точно так же, как они это проделали со стражниками во дворе. В зале, в этом море духов и притираний, ощутимо запахло соленым потом – и дрожью страха.

Однако все внимание Перрина тут же сосредоточилось на дальнем конце зала, на низком помосте из темно-синего мрамора, где стоял Солнечный трон, сияя, точно светило, в честь которого он был назван, с изображением испускающего волнообразные лучи золотого Восходящего солнца в верхней части высокой спинки. Колавир медленно поднялась, пристально глядя поверх головы Ранда. На ее темном, почти черном платье не было ни одной цветной полоски, свидетельствующей о принадлежности к благородному семейству, но огромную массу локонов на голове украшала корона в виде золотого Восходящего солнца, усыпанная желтыми бриллиантами. Позади Солнечного трона стояли семь молодых женщин в платьях с темными корсажами, с кружевами под самый подбородок и с юбками из вертикальных полос цветов Колавир – желтыми, красными и серебряными. По-видимому, кайриэнская мода предписывала королеве и ее фрейлинам одеваться в прямо противоположном стиле.

Еле заметное движение позади трона указало на то, что женщин на помосте восемь, а не семь, как показалось сначала, но Перрина не волновали ни Колавир, ни кто-либо еще. За исключением женщины, стоявшей справа от королевы, – Фэйли. Взгляд ее слегка раскосых глаз, похожих на влажные темные луны, остановился на Перрине, но спокойное, приличествующее случаю выражение лица ни на йоту не изменилось. Разве что это лицо стало чуть более замкнутым. Он попытался определить, чем от нее пахнет, но запах духов – и страха – со всех сторон был слишком силен. У нее имелась причина оказаться здесь, на помосте, очень веская причина. Должна была быть.

Ранд прикоснулся к рукаву Сулин.

– Ждите здесь, – сказал он.

Сулин нахмурилась, шрам на ее морщинистом лице проступил заметнее. Она внимательно вгляделась в его лицо и с явной неохотой кивнула. Свободной рукой она сделала еле уловимый жест, и еще одна волна изумления пробежала по залу, когда Девы подняли вуали. Это было почти забавно. Восемь мужчин в черных мундирах, стреляющие взглядами по сторонам, запросто могли убить всех собравшихся здесь, прежде чем первая Дева успела бы метнуть копьё, но никто из присутствующих понятия не имел, кем или чем они являются. Никто не взглянул на них дважды, для всех они были лишь горсткой мужчин с мечами в ножнах. Все смотрели только на Дев. И на Ранда. Неужели никто не заметил, что ни один из этих мужчин не вспотел, так же как и Ранд? Перрину, по крайней мере, казалось, что он плавает в поту.

Оставив позади Дев, Ранд вместе с Мин двинулся вперед и остановился около Перрина. Добрэйн и Хавьен тут же присоединились к ним. И Айрам, конечно, точно тень Перрина. Ранд внимательно вглядывался поочередно в их лица, медленно кивая каждому. Перрина он разглядывал дольше других, и прошло больше всего времени, прежде чем он кивнул. У обоих воинов – седовласого кайриэнца и молодого майенца – лица смертельно побледнели. Перрин понятия не имел, как выглядит он сам, чувствовал лишь, что челюсти у него плотно стиснуты. Никто не причинит вреда Фэйли, не важно, что она сделала и почему. Не важно, на что ему придется пойти, чтобы помешать этому.

Они двинулись к трону по полу, выложенному плитками и украшенному мозаикой в виде золотого Восходящего солнца на голубом фоне; их шаги очень громко звучали в полной тишине. Подхватив руками юбки, Колавир несколько раз облизнула губы, взгляд ее метался между Рандом и дверями позади него.

– Ждешь, когда появятся Айз Седай? – Голос Ранда отозвался эхом. Он улыбнулся кривой, неприятной улыбкой. – Я отправил их в айильский лагерь. Если Айил не смогут научить их хорошим манерам, то никто не сможет.

Прошелестело, постепенно затихая, изумленное бормотание. Нос Перрина ощутил, что запах страха усилился.

Колавир вздрогнула:

– Зачем мне?.. – Глубоко вздохнув, она собрала все свое достоинство. Очень красивая женщина, даром что уже средних лет, без единой серебристой нити в темных волосах. Ее отличала королевская осанка, независимо от того, была у нее на голове корона или нет. Она родилась на свет, чтобы приказывать; чтобы править, так она считала. В глазах, жестких, все взвешивающих и оценивающих, светился незаурядный ум. – Милорд Дракон... – сказала Колавир, присев так низко, что это выглядело почти насмешкой. – Я приветствую ваше возвращение. Кайриэн приветствует ваше возвращение.

Она произнесла эти слова таким тоном, что создавалось впечатление, будто Колавир отождествляет себя с великим городом.

Ранд медленно поднялся на помост. Мин сначала хотела было последовать за ним, но потом остановилась, сложив руки. Перрин двинулся было за Рандом, чтобы оказаться поближе к Фэйли, но преодолел лишь часть пути. Его остановил взгляд жены. Взгляд, который выдавал ее желание понять, что происходит, почти такое же сильное, как у Колавир. Устремленный на него точно с таким же выражением, как и на Ранда. Хотелось бы Перрину ощутить ее запах. Даже не для того, чтобы попытаться разобраться в ее чувствах, а просто потому, что это ее запах. Однако вонь страха со всех сторон по-прежнему была слишком сильна. Почему Фэйли молчит? Почему не подойдет к нему? Не улыбнется? Почему хотя бы просто не улыбнется?

Колавир в какой-то степени удалось собрать остатки своего достоинства, но не более того. Ее голова находилась на уровне груди Ранда, хотя башня из волос создавала впечатление, что они одного роста. Взгляд Ранда скользнул по лицам женщин, выстроившихся по обеим сторонам трона. Возможно, задержавшись на Фэйли. Перрин не был в этом уверен.

Ранд положил руку на один из тяжелых подлокотников Солнечного трона:

– Тебе известно, что я предназначал этот трон для Илэйн Траканд. – Его голос не выражал никаких эмоций.

– Милорд Дракон, – спокойно ответила Колавир, – в Кайриэне слишком долго не было правителя. Кайриэнского правителя. Вы сами говорили, что лично вас не интересует Солнечный трон. Илэйн Траканд могла бы претендовать на трон, – еле заметный быстрый жест словно отбросил саму эту возможность, – если бы была жива. Прошел слух, что она мертва, как и ее мать. – Было рискованно с ее стороны напоминать об этом. Многие слухи утверждали, что именно Ранд убил обеих, и мать, и дочь. Однако Колавир была не из трусливых.

– Илэйн жива. – Голос Ранда по-прежнему ничего не выражал, но в глазах вспыхнул огонь; Перрин не ощущал его запаха по той же причине, по какой не мог почувствовать запах Фэйли, но ему не требовался нос, чтобы распознать загнанный в бутылку гнев. – Она получит обе короны, андорскую и кайриэнскую.

– Милорд Дракон, что сделано, то сделано. Если вы чем-то недовольны...

При всем ее достоинстве, при всем ее мужестве Колавир потребовалось заметное усилие, чтобы не вздрогнуть, когда Ранд потянулся и сорвал с ее головы Солнечную корону. Башня из локонов чуть не развалилась, послышался громкий треск ломающегося металла, и корона согнулась. Несколько желтых бриллиантов выскочили из креплений и упали. Ранд держал в руке растянутую металлическую дугу, потом она медленно сама по себе согнулась обратно, ее концы соединились и... Может, Аша'маны и поняли, что произошло, но не Перрин. Только что корона была покоренной, сломанной, а в следующее мгновение она снова оказалась цела. Никто из присутствующей знати не издал ни звука, даже не шаркнул ногой. Перрин подумал, что они и шелохнуться боялись. От них исходили волны даже уже не просто страха, а какого-то неуправляемого ужаса.

– Все, что сделано, – спокойно сказал Ранд, – можно переделать.

Кровь отхлынула от лица Колавир. Несколько прядей, выбившихся из прически, придали ей вид загнанного в угол дикого зверя. Сглотнув, она дважды открыла и закрыла рот, прежде чем смогла произнести хотя бы слово.

– Милорд Дракон... – Вначале это был придушенный шепот, но постепенно голос окреп, в нем отчетливо зазвучало отчаяние. Казалось, Колавир забыла обо всех присутствующих. – Я соблюдала все установленные вами законы, отстаивала вашу политику. Даже если она шла вразрез с древними законами Кайриэна, со всеми его обычаями. – Вероятно, Колавир имела в виду те кайриэнские законы, которые позволяли вельможам безнаказанно убивать фермеров и ремесленников. – Милорд Дракон, вы вправе распоряжаться Солнечным тронном. Я... знаю это. Я... я была не права, решившись занять его без вашего позволения. Но у меня есть права на него, по рождению и по крови. Если мне следовало получить его из ваших рук, тогда дайте его мне, дайте своей рукой. Я имею на это право!

Ранд просто глядел на Колавир, ничего не говоря. Он, казалось, прислушивался к чему-то другому, не к ней.

Перрин прочистил горло. Почему Ранд медлит? Пусть все, что должно быть сделано, будет наконец сделано. Тогда он уведет Фэйли туда, где они смогут поговорить.

– Ты имела право убить лорда Марингила и благородного лорда Мейлана? – требовательно спросил Перрин. В глубине души он несколько не сомневался в том, что это дело рук Колавир; они были ее основными соперниками в борьбе за трон. Или она, или они – так стоял вопрос. Почему Ранд замер как вкопанный и молчит с таким странным видом? Ему не хуже Перрина известно обо всем. – Где Берелейн?

Не успело это имя сорваться с его уст, как Перрин тут же пожалел об этом. Фэйли, все еще сохраняя спокойное выражение лица, бросила на него один-единственный взгляд, но от этого взгляда могла бы вспыхнуть вода. Недаром говорится, что ревнивая жена подобна беспокойному шершню в тюфяке. Как ни остерегайся, все равно ужалит.

– Вы осмеливаетесь обвинять меня в этом гнусном преступлении? – возмутилась Колавир. – У вас нет доказательств. И не может быть никаких доказательств, ведь я невиновна! – Внезапно она, казалось, осознала, где находится, – окруженная толпой теснившихся среди колонн благородных, которые все видели и слышали. Что бы о ней ни говорили, мужества ей было не занимать. Выпрямившись, Колавир посмотрела прямо в глаза Ранду, стараясь не откидывать голову слишком далеко назад. – Милорд Дракон, восемь дней назад на восходе солнца я была коронована и стала королевой Кайриэна в соответствии с законами и обычаями Кайриэна. Я сдержу клятву верности вам, но я – *королева* Кайриэна. – (Ранд по-прежнему молча глядел на нее. И с ним что-то происходило, как казалось Перрину.) – Милорд Дракон, я – королева, если, конечно, вы не сочтете возможным поправить все законы.

И снова ответом ей было молчание Ранда и его немигающий взгляд.

«Что с ним такое творится?» – терялся в догадках Перрин.

– Выдвинутые против меня обвинения ложны. Это безумие! – Молчание и пристальный взгляд Ранда. Колавир сделала беспокойное движение головой. – Анноура, мне нужен твой совет! Анноура, подойди! Помоги мне!

Перрин подумал, что она обращается к одной из своих фрейлин, но на женщине, которая вышла из-за трона, не было полосатых юбок. Широкоскулое лицо с большим ртом и похожим на клюв носом, в обрамлении длинных тонких темных косичек, повернулось к Ранду. Лицо, лишенное признаков возраста. К удивлению Перрина, Хавьен издал странный горловой звук и ухмыльнулся. У самого Перрина волосы на голове зашевелились.

– Я не могу сделать этого, Колавир, – с тарабонским акцентом произнесла Айз Седай, поправляя шаль с серой бахромой. – Боюсь, я позволила тебе неправильно истолковать мое отношение. – Глубоко вздохнув, она добавила: – В этом... В этом нет необходимости, мастер ал'Тор... – На мгновение в ее голосе послышались слегка неуверенные нотки. – Или милорд

Дракон, если предпочитаешь. Я не питаю к тебе зла. Если бы это было не так, я нанесла бы удар прежде, чем ты узнал о моем присутствии.

– И от тебя осталось бы мокрое место, если бы ты так поступила. – Голос Ранда звучал холодно-спокойно, лицо казалось почти кротким. – У меня ты не найдешь защиты, Айз Седай. Кто ты? Почему ты здесь? Отвечай! У меня вообще на исходе терпение к... к таким, как ты. Или желаешь, чтобы тебя отволокли в лагерь Айил? У меня есть кому сделать это. Готов поспорить, Хранительницам Мудрости нетрудно будет заставить тебя разговориться.

Эта Анноура явно соображала быстро. Ее взгляд метнулся сначала к Айраму, потом в проход, где стояли Аша'маны. И она поняла. Наверно, именно их он имел в виду, мужчин в черных мундирах, с беспощадными лицами, на которых не было ни единой капельки пота, хотя от него блестели лица всех прочих, за исключением ее самой и Ранда. Молодой Джахар Нарисша смотрел на нее, точно ястреб на кролика. Нелепый в этой обстановке, Лойал стоял в центре со своим топором на плече. Одной огромной рукой он ухитрялся прижимать к груди открытую тетрадь для записей и одновременно удерживать бутылочку с чернилами, а другой быстро писал, окуная в чернила ручку, которая была толще большого пальца Перрина. Он записывал свои наблюдения! Прямо тут!

Вельможи расслышали слова Ранда не хуже Анноуры. Прежде они с тревогой следили за Девами, чьи лица были скрыты под вуалями; теперь они шарахнулись от Аша'манов, теснясь, точно сельди в бочке. Кое-кто даже потерял сознание, оставаясь на ногах лишь благодаря тесноте.

Вздрогнув, Анноура поправила шаль и, точно по волшебству, вновь обрела обычное для Айз Седай хладнокровие.

– Я – Анноура Ларизен, милорд Дракон. Из Серой Айя. – Не было никаких признаков того, что она отгорожена от Истинного Источника, что она даже замечает присутствие мужчин, умеющих направлять Силу. Она говорила, казалось, даже снисходительно. – Я – советница Берелейн, Первенствующей Майена. – (Вот почему Хавьен ухмылялся точно ненормальный; он узнал эту женщину. Перрину, однако, было вовсе не до смеха.) – Это держалось в секрете, ты понимаешь, – продолжала она, – из-за отношения Тира и к Майену, и к Айз Седай, но мне кажется, время моих секретов прошло, не так ли? – Анноура повернулась к Колавир, жестко сжав губы. – Что бы ты ни воображала, Айз Седай не станет давать советы только потому, что ей приказывают. В особенности если она уже является советницей кого-то другого.

– Если Берелейн подтвердит твои слова, – сказал Ранд, – я освобожу тебя под ее честное слово. Если она, конечно, захочет взять на себя такую ответственность. – Его взгляд упал на корону, и он, казалось, только сейчас осознал, что это узорчатое плетение из золота и драгоценных камней все еще у него в руках. Очень бережно Ранд положил ее на обтянутое шелком сиденье Солнечного трона. – Я не считаю, что каждая Айз Седай – непременно мой враг, нет, не все. Но я не допущу, чтобы меня снова втягивали в интриги, чтобы мною манипулировали. Этого больше не будет. Выбирай, Анноура, но если ошибешься, попадешь к Хранительницам Мудрости. Если проживешь достаточно долго. Я не стану удерживать Аша'манов, и ошибка может дорого тебе обойтись.

– Аша'маны, – спокойно повторила Анноура. – Я все поняла. – Она облизнула пересохшие губы.

– Милорд Дракон, Колавир лжет, говоря, что она сдержала данную вам клятву верности. – Перрин настолько не ожидал, что Фэйли заговорит, что невольно вздрогнул, когда она это сделала, шагнув вперед из ряда фрейлин. Очень тщательно выбирая слова, она обрушилась с обвинениями на самозваную королеву, точно стремительно падающий орел. Свет, как же она прекрасна! – Колавир поклялась повиноваться вам во всем и соблюдать ваши законы, но на самом деле строила планы освободить Кайриэн от айильцев, услатить их на юг и вернуть все к тому положению, которое было до вашего появления. Она заявляла, что даже если вы и

вернетесь, то не осмелитесь изменить сделанное ею. Женщина, от которой я узнала все это, Майре, была одной из ее фрейлин. Майре исчезла вскоре после того, как пооткровенничала со мной. У меня нет доказательств, но я уверена, что она мертва. Я уверена также, что Колавир сожалела о том, что слишком поторопилась открыть свои замыслы.

Добрэйн поднялся по ступенькам на помост, зажав шлем под мышкой. Его лицо холодно застыло, точно выкованное из стали.

– Колавир Сайган, – произнес он официальным тоном, и его голос разнесся по всему Большому залу, – клянусь Светом и моей бессмертной душой, ты виновна. Я, Добрэйн, верховная опора Дома Таборвин, обвиняю тебя в измене, наказанием за которую является смерть.

Ранд откинул назад голову и закрыл глаза. Его губы еле заметно задвигались, он зашептал так тихо, что только он сам и Перрин услышали сказанное:

– Нет. Я не могу. Я не хочу.

Перрин понял, в чем дело. Ранд искал выход из положения. Как Перрину хотелось помочь ему!

Колавир, несомненно, не слышала слов Ранда, но она тоже готова была отдать все, что угодно, лишь бы найти выход из положения. Она дико озиралась по сторонам – на Солнечный трон, на остальных своих фрейлин, на тех, кто толпился внизу, – будто надеясь, что кто-то выступит в ее защиту. Однако их ноги приросли к полу, словно схваченные цементом; ее окружало море нарочито ничего не выражающих, потных лиц – и глаз, избегающих ее взгляда. Некоторые смотрели в сторону Аша'манов, хотя и не слишком открыто. Пространство между толпящимися внизу придворными и Аша'манами с каждым мгновением становилось все шире.

– Ложь! – прошипела Колавир, теребя свои юбки. – Все ложь! Ты, подлая маленькая... – Она сделала шаг по направлению к Фэйли. Ранд вытянул между ними руку. Колавир сделала вид, что не заметила ее, а Фэйли выглядела так, точно желала, чтобы он не делал этого. Любого, кому пришлось бы в голову напасть на нее, поджидал сюрприз.

– Фэйли не лжет! – прорычал Перрин. Или что-то в этом роде.

И снова Колавир продемонстрировала, что способна совладать с собой. Будучи не слишком высокого роста, она подтянулась, используя каждый дюйм. Перрин почти восхищался ею. Если бы не Мейлан, и Марингил, и эта самая Майре, и один Свет знает, сколько еще других.

– Я требую справедливости, милорд Дракон. – Теперь ее полный достоинства – королевского достоинства! – голос вновь звучал почти спокойно. – Нет никаких доказательств этого... этих мерзостей. Якобы кто-то, кого нет сейчас в Кайриэне, что-то там рассказывал, чего на самом деле не было. И это все, в чем можно меня обвинить? Я требую правосудия по законам самого лорда Дракона. В соответствии с ними должны быть предъявлены доказательства.

– Откуда тебе известно, что ее больше нет в Кайриэне? – требовательно спросил Добрэйн. – Где она?

– Полагаю, она уехала. – Отвечая, Колавир смотрела на Ранда. – Майре оставила службу у меня, и я заменила ее на Реале, вот она. – Колавир сделала жест в сторону третьей слева фрейлины. – Я понятия не имею, где Майре. Приведите ее сюда, если она еще в городе, и пусть она выскажет свои смехотворные обвинения, глядя мне в глаза. Я швырну ее ложь прямо ей в лицо.

Фэйли сверлила ее взглядом с таким выражением, точно готова была убить. Перрин надеялся, что она не выхватит один из тех ножей, которые всегда носит с собой, спрятав под одеждой. Она имела обыкновение так поступать, когда ею в достаточной степени овладевал гнев.

Аннура прочистила горло. Она слишком внимательно приглядывалась к Ранду, и это беспокоило Перрина. Внезапно она напомнила ему Верин этим своим взглядом птицы, изучающей червя.

– Можно мне сказать, мастер... ах!... милорд Дракон? – Он коротко кивнул, и она продолжила, поправив шаль: – Что касается юной Майре, я не знаю ничего, кроме того, что однажды

утром она была здесь, а вечером ее нигде не смогли найти и никто не знал, куда она подевалась. Но лорд Марингил и благородный лорд Мейлан – это другой случай. Первая Майена привезла с собой двух очень хороших ловцов воров, имеющих большой опыт в разнюхивании преступлений. Они предъявили мне двоих мужчин, которые вместе с другими подстерегли благородного лорда Мейлана на улице, хотя оба настаивали, что сами не убивали его, а лишь держали за руки, пока остальные делали это. Еще ловцы воров привели ко мне служанку, положившую яд в приправленное пряностями вино лорда Марингила, которое тот имел обыкновение выпивать перед сном. Она заявила, что сделала это не по собственной инициативе; ей пригрозили, что ее больная мать и сама она умрут, если лорд Марингил останется жив. Так она сказала, и я убеждена, что она говорила правду. Она вполне искренне сокрушалась по поводу своей вины – так мне показалось. И оба мужчины, и женщина единодушно утверждали одно: сделать то, что они сделали, им приказала сама леди Колавир.

С каждым словом вызывающее выражение на лице Колавир таяло. Она еще стояла, хотя это казалось удивительным; она выглядела безвольной, точно мокрая тряпка.

– Они обещали, – пробормотала она, глядя на Ранда. – Они обещали, что вы никогда не вернетесь. – Колавир зажала рот обеими руками – слишком поздно. Ее глаза чуть не вылезли из орбит. Перрин много бы отдал за то, чтобы никогда в жизни не слышать тех звуков, которые издавало ее горло. Человек не должен издавать таких звуков.

– Измена и убийство. – В голосе Добрэйна явственно прозвучало удовлетворение. На рвущие душу вопли Колавир он не обратил ни малейшего внимания. – Наказание в обоих случаях одно и то же, милорд Дракон. Смерть. С той лишь разницей, что по вашим новым законам за убийство полагается повешение.

Что-то заставило Ранда поглядеть в этот момент на Мин. Ее ответный взгляд был полон глубокой печали, но печаль она испытывала вовсе не из-за Колавир. А из-за самого Ранда. Перрину хотелось бы знать, что стояло за этим обменом взглядами.

– Я... я требую палача. – Колавир изо всех сил пыталась справиться с удушьем, от которого голос ее превратился в хрип. Мышцы лица обвисли, она старела прямо на глазах; в темных зрачках застыл ужас. Но, даже потеряв все, она сражалась – хотя бы за то небольшое, что ей осталось. – Это... это мое право. Лучше голова с плеч... Я не хочу, чтобы меня... повесили, точно какую-то простолюдинку!

Ранд заметно боролся с собой, огорченно качая головой. Когда он наконец заговорил, его голос звучал холодно, точно зимняя стужа, но чеканно твердо:

– Колавир Сайган, я лишаю тебя всех твоих титулов. – Он бросал каждое слово, точно вгонял гвоздь. – Я лишаю тебя всех земель, и имущества, и владений – всего, кроме одежды, которая на тебе сейчас. У тебя есть... У тебя была какая-нибудь ферма? Маленькая ферма?

Слова приговора обрушивались на женщину, сотрясая ее до глубины души. Она качалась, точно пьяная, беззвучно повторила слово «ферма» с таким видом, будто не слышала его никогда прежде. Анноура, Фэйли и все остальные смотрели на Ранда с изумлением и любопытством. И Перрин тоже. Ферма? В Большом зале и раньше стояла тишина, но теперь, казалось, никто даже не дышал.

– Добрэйн, у нее была маленькая ферма?

– Ей принадлежит... принадлежало... много ферм, милорд Дракон, – запинаясь, ответил кайриэнец. Было совершенно ясно, что он понимал не больше Перрина. – В основном больших. Но около Драконовой Стены земля всегда была поделена на небольшие участки, меньше пятидесяти гайдов каждый. Все арендаторы покинули их во время Айильской войны.

Ранд кивнул:

– Сейчас самое время изменить это. Слишком много земли долго оставалось заброшенной. Я хочу, чтобы люди вернулись туда, вновь занялись полями. Добрэйн, выясни, какая ферма из тех, что принадлежали Колавир, самая маленькая. Колавир, я приговариваю тебя к

ссылке на эту ферму. Добрэйн проследит, чтобы ты имела все необходимое для крестьянской работы и чтобы тебя научили возделывать землю. И чтобы ферма охранялась. За тем, чтобы ты никогда не удалялась от нее больше чем на расстояние одного дня пешего пути, будут приглядывать. До конца твоих дней. Проследи за этим, Добрэйн. Я хочу, чтобы в течение недели она отправилась в путь.

Сбитый с толку, растерянный, Добрэйн не сразу кивнул. За спиной Перрина послышался невнятный ропот. Все это было просто неслыханно. Никто не понимал, почему Колавир избежала смерти. А все остальное! Конфискация имущества производилась и прежде, но не всего целиком, и, главное, вельмож никогда не лишали титулов. Их ссылали, конечно, и даже пожизненно, но не на *ферму* же!

Очевидно, даже для Колавир это оказалось чересчур. Глаза у нее закатились, и она, оседая, начала падать спиной на ступеньки.

Перрин бросился, чтобы подхватить ее, но его опередили. Прежде чем он успел подскокнуть к ней, падение прекратилось. Колавир замерла в воздухе, зависнув над ступенями помоста. Тело с безвольно болтающейся головой поднялось, развернулось в воздухе и мягко опустилось перед Солнечным тронном. Ранд. Перрин был уверен, что Аша'маны дали бы ей упасть.

Аннуура негромко хмыкнула. Она не выглядела ни удивленной, ни взволнованной, если не считать того, что нервно потирала большими пальцами обеих рук указательные.

– Думаю, она предпочла бы иметь дело с палачом. Я присмотрю за ней, если ты прикажешь своему человеку... своему... Аша'ману...

– Пусть она тебя не волнует, – резко сказал Ранд. – Она жива и... Она жива. – Он глубоко, прерывисто вздохнул. Мин оказалась возле него, прежде чем он успел остановить ее. Просто стояла рядом, хотя казалось, что ей хотелось сделать что-то еще. Его лицо окаменело. – Аннуура, ты отведешь меня к Берелейн. Джахар, освободи ее, у нас не будет с ней хлопот. Ей одной с нами девятью не справиться. Я хочу разобраться во всем, что произошло в мое отсутствие, Аннуура. И в том, с какой стати Берелейн у меня за спиной привезла тебя сюда. Нет, не говори. Я хочу услышать это от нее. Перрин, я знаю, ты хочешь поговорить с Фэйли. Я...

Взгляд Ранда медленно заскользил по залу, по лицам вельмож, застывших в молчаливом ожидании. Под этим взглядом никто не осмелился сделать ни единого движения. Запах страха усилился, судорожно выплескиваясь мощными волнами. За исключением охотников за Рогом, все находившиеся здесь давали Ранду ту же самую клятву, что и Колавир. Кто знает, может, среди них есть и еще изменники? Перрин, во всяком случае, этого не знал.

– Прием окончен, – объявил Ранд. – Я забуду лица тех, кто уйдет немедленно.

Впереди стояли люди самого высокого звания, наиболее могущественные и родовитые. Они начали без излишней торопливости продвигаться к дверям, обходя Дев и Аша'манов, стоявших в проходе, в то время как остальные просто растерянно наблюдали за их действиями. Мозги всех присутствующих усиленно заработали, обдумывая сказанное Рандом. Что именно он имел в виду? Ноги задвигались быстрее, женщины подхватили юбки. Охотники, стоявшие ближе всех к дверям, начали выскальзывать из зала, сначала по одному, потом хлынули потоком. Увидев это, менее знатные кайриэнцы и тайренцы кинулись к выходу, опережая более знатных. В дверях мгновенно образовался затор. Все, мужчины и женщины, отпихивали и расталкивали друг друга локтями, стремясь вырваться наружу. И ни один не оглянулся назад, на женщину, лежащую перед тронном, который она занимала так недолго.

Глава Старый страх, новый страх

Ранд прошел сквозь толпу отпихивающих друг друга людей без малейшего труда. Может быть, сыграло свою роль присутствие Дев или Аша'манов. Может быть, сам Ранд или один из его спутников в черных мундирах призвал на помощь Силу, но толпа расступалась перед ним. Он шел сквозь нее вместе с Мин, вцепившейся в его руку, покорной Анноурой, которая пыталась заговорить с ним, и Лойалом. Огир, несмотря на все трудности, умудрялся на ходу строчить в записной книжке, естественно не выпуская из рук топор. Неотрывно глядя друг на друга, Перрин и Фэйли упустили момент, когда можно было присоединиться к остальным; толпа сомкнулась, оставив их позади.

Некоторое время оба молчали. То, что Перрину хотелось сказать, невозможно было произнести здесь, в присутствии Айрама, уставившегося на них с выражением почтительности и обожания – так смотрит на любимых хозяев собака. И в присутствии Добрэйна, хмуро взиравшего на все еще не пришедшую в сознание женщину, предоставленную его попечению. Больше никого на помосте не осталось. Хавьен отправился с Рандом на поиски Берелейн, и как только Ранд ушел, остальные фрейлины кинулись к дверям, ни разу не оглянувшись на Перрина и Фэйли. И на Колавир. Точнее говоря, они вообще не смотрели по сторонам. Приподняв полосатые юбки, они тут же бросились бежать. Из свалки у дверей доносились пыхтение, ворчание и проклятия, и отнюдь не все голоса принадлежали мужчинам. Хотя Ранда уже не было в зале, эти люди стремились поскорее вырваться отсюда. Может, они думали, что Перрин остался здесь, чтобы наблюдать за ними, а потом доложить Ранду. А ведь стоило им хоть раз оглянуться, и они поняли бы, что ему нет до них никакого дела.

Поднявшись на возвышение и подойдя к Фэйли, Перрин взял ее за руку и, вдохнув, отчетливо ощутил исходящий от нее запах. Теперь, когда он находился совсем рядом, остальные запахи не мешали ему. Все отступило, осталась только она одна. Фэйли вытащила откуда-то красный кружевной веер и, прежде чем раскрыть его, прикоснулась сначала к своей щеке, потом к щеке мужа. В ее родной Салдэе существовал целый язык вееров. Это прикосновение было совсем легким. Хотел бы он знать, что оно означает, наверно что-то хорошее. С другой стороны, в ее запахе присутствовал оттенок обиды, который был ему слишком хорошо знаком.

– Зря он не отправил ее на плаху, – пробормотал Добрэйн, и Перрин пожал плечами, испытывая неловкость. По тону Добрэйна невозможно было определить, что он имеет в виду – что так все было бы по закону или что так было бы милосерднее. Добрэйн не понимал, почему Ранд поступил так. Наверно, Ранд в каком-то смысле перерос его.

Веер Фэйли теперь еле двигался, она искоса взглянула на Добрэйна поверх красных кружев:

– Наверно, для всех было бы лучше, если бы она умерла. Она заслужила возмездие. Что вы будете делать, лорд Добрэйн? – Несмотря на то что Фэйли не смотрела ему в лицо, взгляд ее был настойчив и многозначителен.

Перрин нахмурился. Ни слова ему, зато вопросы к Добрэйну? И в ее запахе чувствовался оттенок ревности, заставивший его вздохнуть.

Кайриэнец ответил девушке спокойным взглядом, засовывая перчатки за пояс, на котором висел меч:

– То, что мне приказано. Я верен своим клятвам, леди Фэйли.

Веер хлопком открылся и закрылся быстрее, чем мысль.

– Он действительно отослал Айз Седай к айильцам? Они и вправду пленницы? – недоверчиво спросила Фэйли.

– Только некоторые, леди Фэйли. – Добрэйн, казалось, колебался. – Остальные на коленах дали ему клятву верности. Это я видел собственными глазами. Они тоже у айильцев, но не думаю, что их можно назвать пленницами.

– И я тоже это видел, миледи. – Айрам подошел поближе, и, когда Фэйли взглянула на него, на его лице расплылась широкая улыбка.

Красное кружево замелькало быстрее. Фэйли, казалось, не отдавала себе отчета в том, что движения веера связаны с ее реакцией на услышанное.

– Значит, вы оба все видели. – Облегчение, которое ощущалось в ее голосе – и запахе, – было настолько сильным, что Перрин удивленно посмотрел на жену:

– Как это понимать, Фэйли? С какой стати Ранд стал бы лгать, в особенности о том, что происходило у всех на глазах?

Вместо того чтобы тут же ответить, Фэйли, нахмурив брови, посмотрела на Колавир:

– Она все еще без сознания? Хотя это не имеет значения. Она знает больше того, о чем я сказала. Ей известно все, что мы с таким трудом старались сохранить в тайне. Она слишком разоткровенничалась с Майре. Ей слишком много известно.

Добрэйн не слишком нежно и довольно неуклюже приподнял веко Колавир:

– Точно удар булавы. Жаль, что она не сломала себе шею о ступени. Теперь ей придется отправиться в изгнание и научиться обрабатывать землю.

К запаху Фэйли прибавился оттенок досады и тут же исчез.

Внезапно – точно удар молнии! – до Перрина дошло, на что намекала его жена и что Добрэйн отверг, хотя и достаточно уклончиво. Каждый волосок на его теле встал дыбом. С самого начала Перрин знал, что женился на очень опасной женщине. Хотя опасная – это еще слабо сказано. Айрам смотрел на Колавир. Дурные мысли, бродившие в голове, заставили его лицо потемнеть, а губы искривиться. Этот человек готов был сделать для Фэйли все, что угодно.

– Не думаю, что Ранду понравится, если что-то помешает ей добраться до этой самой фермы, – твердо сказал Перрин, посмотрев поочередно на Айрама и Фэйли. – Мне это тоже не понравилось бы. – Он подумал, что может гордиться собой. Как-никак и ему удалось сказать то, что он хотел, не называя вещи своими именами, так же как до этого поступили они.

Айрам коротко наклонил голову – он понял, но Фэйли, прикрывшись порхающим веером, сделала невинные глаза, выражение которых должно было убедить, что она понятия не имеет, о чем говорит Перрин. И тут до него дошло, что запах страха исходил не только от людей, все еще толпившихся в дверях. Тонкая дрожащая струйка его тянулась и от Фэйли. Страх, который она пыталась скрыть и который все же несомненно присутствовал.

– В чем дело, Фэйли? О Свет, ты, наверно, подумала, что победили Койрен и все остальные Айз Седай, а не... – Выражение ее лица не изменилось, но струйка страха стала гуще. – Вот

почему ты заговорила не сразу, да? – мягко спросил Перрин. – Ты боялась, что мы появились тут по их приказу, точно марионетки, которых они дергают за ниточки?

Фэйли бросила быстрый взгляд через Большой зал на людей, толпившихся в дверях. Они были достаточно далеко и по-прежнему создавали приличный шум, но она все равно понизила голос:

– Я слышала, что Айз Седай способны на такое. Муж мой, никто лучше меня не знает, что даже Айз Седай было бы очень трудно заставить тебя плясать под свою дудку, точно марионетку, может, еще труднее, чем человека, который всего лишь Дракон Возрожденный. Но когда вы вошли, я испугалась так, как не пугалась ни разу с тех пор, как ты уехал.

Вначале ее слова звучали почти шутливо – точно крошечные пузырьки защекотали нос; на Перрина нахлынули теплая нежность, и любовь, и ее собственный запах, чистый, отчетливый и сильный. Но все это сразу растаяло, оставив ту же тонкую дрожащую струйку страха.

– Ради Света, Фэйли, поверь, все это правда. Каждое слово, сказанное Рандом. Ты же слышала, что говорили Добрэйн и Айрам. – Она улыбнулась, кивнула и снова замахала веером. Однако струйка страха все еще дрожала в его ноздрях. «Кровь и пепел, как ее убедить?» – Как мне убедить тебя? Ты бы поверила, если бы он у тебя на глазах заставил Верин танцевать *sa'saru*? Она сделает все, что он прикажет.

Он сказал это, просто чтобы разрядить обстановку. Он знал о *sa'sare* лишь то, что танец этот... не слишком приличный; Фэйли однажды призналась, что умеет его танцевать; хотя потом, как обычно, отказывалась от своих слов, говоря, что вовсе не то имела в виду. Перрин сказал это, чтобы разрядить обстановку, но Фэйли закрыла веер и постучала им по своему запястью. Он знал, что это означает: «Думай, прежде чем говорить».

– Не знаю, как можно меня убедить, Перрин. – Фэйли еле заметно вздрогнула. – Разве существует что-то, чего Айз Седай не сделает или не вытерпит, если Белая Башня прикажет? Я изучала историю, к тому же умею читать между строк. Машера Донавелле родила семейных детей от человека, которого ненавидела, что бы об этом ни болтали; и Айсибелле Тобани выдала врагам своих братьев, которых любила, а заодно отдала и трон Арад Домана. И Дже-стиан Редхилл... – Она вздрогнула снова, уже гораздо заметнее.

– Все в порядке, – пробормотал Перрин, обняв ее. Он и сам прочел несколько книг по истории, но эти имена ему ни о чем не говорили. Дочь лорда получает не такое образование, как подмастерье кузнеца. – Это и в самом деле правда.

Добрэйн отвел взгляд, то же сделал и Айрам, но с довольной усмешкой.

В первый момент Фэйли воспротивилась, но не очень сильно. Перрин никогда не знал точно, в какой момент она настроена против объятий на людях, а в какой готова отнестись к ним благосклонно. Ему было известно лишь, что если она не хотела, то умела сделать так, чтобы у него на сей счет не осталось никаких сомнений, с помощью слов или без них. Сейчас она прижалась лицом к груди мужа и крепко обхватила его руками, стискивая все сильнее.

– Если какая-нибудь Айз Седай посмеет обидеть тебя, – прошептала она, – я убью ее. – (И Перрин верил ей.) – Ты – мой, Перрин т'Башир Айбара. Мой! – (И в это он тоже верил.)

По мере того как объятия Фэйли становились все горячее, запах ревности усиливался. Перрин чуть не засмеялся. Она способна вонзить в него нож, лишь бы он больше никому не достался. Он и рассмеялся бы, если бы не струйка страха, которая не исчезла. И то, что Фэйли рассказала о Майре. Он не ощущал собственного запаха, но не сомневался, что почувствовал бы в нем. Страх. Старый страх из-за того, что могло случиться с ней в его отсутствие, и новый – из-за того, что их ожидало.

Последние из вельмож покинули Большой зал, удивительным образом никого не затоптав. Перрин отослал Айрама передать Даннилу, чтобы тот вел двуреченцев в город – и не забыл, что их следует покормить, – после чего предложил Фэйли руку и увел ее, оставив Добрэйна с Колавир, которая в конце концов начала проявлять признаки жизни. Перрину не хотелось

оказаться рядом, когда она полностью придет в себя, и Фэйли, похоже, разделяла его чувства. Как бы то ни было, она положила руку ему на запястье, и они поспешили прочь, страстно желая как можно скорее добраться до своих покоев; весьма вероятно, что по одной и той же причине.

Вельможи, вырвавшись из Большого зала, не остановили бегства. Коридоры были пусты, если не считать слуг, которые молча скользили мимо с опущенными глазами. Однако Перрин с Фэйли успели отойти совсем недалеко, когда Перрин услышал звук шагов и понял, что за ними идут. Вряд ли у Колавир после случившегося оставались открытые сторонники, но если они все же имелись, им вполне могло прийти в голову нанести удар Ранду, напав на его друга, идущего со своей женой без всякой охраны.

Но когда Перрин положил руку на топор и резко обернулся, у него глаза полезли на лоб. Это оказались Селанда и ее приятели, которые повстречались ему в вестибюле, а с ними еще восемь или девять человек. Они смущенно переглянулись. Среди них находились и тайренцы, в том числе женщина, такая высокая, что выше ее был лишь один из кайриэнцев. Так же как Селанда и остальные женщины, она была в куртке мужского покроя и плотно облегающих штанах, на бедре висел меч. Перрин и не знал, что это дурацкое увлечение захватило и тайренцев.

– Почему вы идете за нами? – требовательно спросил он. – Если в ваших набитых шерстью головах застряла мысль докучать мне, клянусь, я зашвырну вас туда, откуда вы до самого Бэл Тайн не вернетесь!

Ему уже доводилось сталкиваться с этими недоумками или с кем-то вроде них. Они были помешаны на своей чести, и сражались на дуэлях, и захватывали друг друга в гай'шайн. Этот последний заскок заставлял айильцев просто скрежетать зубами.

– Для вас же будет лучше, если вы прислушаетесь к словам моего мужа, – вмешалась Фэйли. – Он не тот человек, с которым можно шутки шутить.

Эти остолопы перестали тарашиться на них и, попятившись, принялись кланяться, состязаясь друг с другом в изяществе манер. Продолжая отвешивать поклоны, они растаяли за поворотом коридора.

– Проклятые сосунки, – пробормотал Перрин, снова предлагая Фэйли руку.

– Мой муж мудр не по годам, – прошептала она. Тон ее был чрезвычайно серьезен, но в запахе явно снова ощущалось еще что-то.

Перрин чуть не фыркнул. Действительно, некоторые из них на год или даже два старше его, но все они со своей игрой в айильцев больше всего напоминали детей.

Теперь, когда настроение Фэйли, казалось, заметно улучшилось, наступило самое подходящее время для того, чтобы поговорить друг с другом обо всем, что его волновало. О чем он должен поговорить с ней.

– Фэйли, как получилось, что ты стала одной из фрейлин Колавир?

– Одной из ее служанок, Перрин, – тихо сказала она; так тихо, что никто даже в двух шагах не расслышал бы ни слова. Ей было известно о его остром слухе и о волках. Такие вещи невозможно скрыть от жены. Она прикоснулась веером к своему уху, предупреждая, чтобы он разговаривал с осторожностью. – Слуги здесь делают все, чтобы мы забыли об их существовании, и у них это хорошо получается, даже слишком. Однако и у слуг есть уши. Можешь не сомневаться, они слышат гораздо больше, чем нужно.

Вряд ли попадавшие им на глаза слуги в ливреях стали бы подслушивать. Те, кто, заметив Перрина и Фэйли, не нырнул в боковые коридоры, чтобы скрыться с глаз долой, тут же переходили едва ли не на бег, опустив глаза в пол и стараясь сжаться, чтобы стать как можно незаметнее. Но все же слухи и впрямь распространялись по Кайриэну с удивительной быстротой. Наверняка уже весь город знал, что произошло в Большом зале. Сейчас слух об этом, скорее всего, прокатился по улицам и вышел за пределы города. Можно не сомневаться, что в Кайриэне имелись глаза-и-уши и Айз Седай, и белоплащников, и тем более правителей других стран.

– Колавир не слишком-то торопилась брать меня к себе, – продолжала Фэйли чуть слышно, – ведь она не знала, кто я такая. Решилась, лишь когда узнала, кто мой отец и как зовут мою кузину. – По-видимому, девушка считала, что этого объяснения достаточно.

Неплохой ответ. Почти хороший. Ее отец – Даврам, верховная опора Дома Башир, лорд Башира, Тайра и Сидоны, защитник Рубежа Запустения, хранитель Сердца страны, маршал-генерал королевы Тенобии Салдэйской. Кузиной Фэйли была сама Тенобия. С точки зрения Колавир, этого оказалось вполне достаточно, чтобы из злорадства сделать Фэйли одной из своих фрейлин. Но у Перрина было время обдумать то, чему он сегодня стал свидетелем. Он испытывал определенную гордость оттого, что начинает понимать манеру Фэйли говорить обиняками и даже сам с успехом прибегает к ней. Женатый человек многому учится. Например, понимать женщин; по крайней мере, одну женщину. Отвечая ему, она кое о чем умолчала, и это уже о многом говорило. Фэйли вообще не волновала опасность, даже если дело касалось ее самой.

Не стоило, однако, говорить обо всем этом здесь, в коридоре. Если бы Перрин начал шептать, Фэйли ничего не услышала бы, не имея таких ушей, как у него. К тому же она сама напомнила ему о том, что их могут подслушать. Сдержав свое нетерпение, Перрин повел ее дальше, и в конце концов они добрались до отведенных им комнат, где он не был, казалось, уже давным-давно. Темные полированные стены мерцали, отражая свет многочисленных светильников, на высоких деревянных панелях вырезаны вписанные друг в друга прямоугольники. Камин, тоже прямоугольной формы, чисто выметен, в нем лежала охапка небольших веток болотного мирта. Листья на них еще можно было назвать почти зелеными.

Фэйли направилась прямо к столику, где на подносе стояли два золотых кувшина, покрытые бусинками влаги.

– Они оставили нам чай из голубики, муж мой, и винный пунш. Вино, кажется, из Тарона, а пунш тут охлаждают в баках в дворцовых подвалах. Что предпочитаешь?

Перрин расстегнул пояс и бросил его на кресло вместе с топором. Пока они шли, он тщательно обдумал все, что собирался сказать. Иногда Фэйли бывала очень колючей.

– Фэйли, я скучал по тебе так, что не выразить словами, и беспокоился о тебе, но...

– Беспокоился обо мне! – воскликнула она, повернувшись к нему. Прямая, высокая, в глазах огонь – точно сокол, чье имя она носила. Веер раз за разом тыкал Перрина в грудь, точно она собиралась проткнуть ему сердце. Язык вееров был тут совершенно ни при чем, сейчас она действовала веером как ножом. – Как же! Почти первые слова, которые ты произнес... Ты спрашивал о ней, об этой... этой *женщине*!

У него отвисла челюсть. Как он мог позабыть о запахе, который бил ему в ноздри? Может, у него нос заложило?

– Фэйли, мне нужны ее ловцы воров. Бе... – Нет, он не настолько глуп, чтобы повторить еще раз это имя. – Еще до того, как я уехал отсюда, она говорила, что у нее есть доказательства отравления. Ты ведь тоже слышала это! Я просто хотел заполучить эти ее доказательства, Фэйли.

Получилось совсем не то, что нужно. Зловоние раздражения и злости ничуть не уменьшилось, вдобавок к нему присоединился тонкий, кислый запах обиды. О Свет, чем он умудрился обидеть ее?

– Ее доказательства! *Мои*, выходит, ничего не стоят, а *ее* доказательства, уж конечно, привели бы Колавир на плаху. Или должны были привести! – Перрин хотел возразить, но Фэйли не позволила ему и словечка вернуть. Она надвигалась на него, глаза как острия кинжалов, веер метался туда-сюда, грозя проткнуть Перрина. Ему оставалось только отступать. – Ты знаешь, какие слухи распустила эта женщина? – Фэйли почти шипела. Столько яда не накопить даже черной гадюке. – Знаешь? Она рассказывала всем и каждому, что, уехав отсюда, ты отправился в поместье неподалеку от города. Где она сможет навещать тебя! Я как дурочка повторяла

всем объяснение, которое придумала сама, – что ты уехал на охоту и, видит Свет, провел на этой самой охоте целую вечность! – но все были убеждены, что я просто делаю хорошую мину при плохой игре, покрывая тебя и ее! Покрывая вас обоих! Эта милая ситуация заставляла Колавир просто заходиться от удовольствия. Ничуть не сомневаюсь, она взяла эту майенскую шлюху к себе фрейлиной только для того, чтобы свести нас. «Фэйли, Берелейн, зашнуруйте мне платье». «Фэйли, Берелейн, подержите зеркало, пока парикмахер делает мне прическу». «Фэйли, Берелейн, потрите мне спину». Так она забавлялась в надежде, что в конце концов мы вцепимся когтями в глаза друг другу! Вот что мне приходилось терпеть! Из-за тебя, ты, безмозглый...

Перрин уперся спиной в стену, и одновременно что-то как будто щелкнуло у него внутри. Он так беспокоился за нее, испытывал такой ужас, готов был, если понадобится, ради нее схватиться и с Рандом, и с самим Темным. И он ничего дурного не делал, никогда не поощрял Берелейн, напротив, приложил все старания, чтобы заставить эту женщину перестать липнуть к нему. И вот какую благодарность он получил за все это.

Перрин мягко взял жену за плечи и приподнял так, что ее раскосые глаза оказались на уровне его глаз.

– Теперь слушай меня, – спокойно сказал он. По крайней мере, он старался, чтобы голос его звучал спокойно; однако больше всего это походило на с трудом сдерживаемое рычание. – Как ты смеешь разговаривать со мной таким тоном? Как ты смеешь?! Я истерзался чуть не до смерти, беспокоясь о тебе. Я люблю тебя, и никого, кроме тебя. Я не хочу других женщин, кроме тебя. Ты слышишь меня? Слышишь? – Прижав Фэйли к груди, Перрин желал в этот момент лишь одного: чтобы она всегда была с ним. О Свет, он так за нее боялся! От мысли о том, что могло произойти, его затрясло даже сейчас. – Если бы что-то случилось с тобой, я бы умер, Фэйли. Просто лег бы на твоей могиле и умер! Думаешь, я не догадываюсь, как Колавир узнала, кто ты такая? Ты сделала все, чтобы ей стало об этом известно. – Фэйли как-то говорила ему, что шпионить – женское дело. – Ради Света, женщина, с тобой могло случиться то же самое, что и с Майре. Колавир знала, что ты моя жена. Моя! Жена Перрина Айбара, друга Ранда ал'Тора. Тебе не приходило в голову, что она могла тебя заподозрить? Она могла... О Свет, Фэйли, она могла...

Внезапно до Перрина дошло, что происходит. Прижатая к его груди, Фэйли издавала придушенные звуки, но он не мог разобрать ни слова. Он не удивился бы, узнав, что сломал ей ребра. Мысленно обозвав себя неотесанным мужланом, он разомкнул руки, дав ей возможность вырваться, но, прежде чем смог извиниться, она ухватила его за бороду.

– Так ты любишь меня? – нежно спросила Фэйли. Очень нежно. Очень ласково. И она улыбалась. – Женщине приятно слышать, когда говорят такие вещи. – Она выронила веер и провела ногтями освободившейся руки по его щеке – с силой, почти расцарапав ее до крови, но в гортанном смехе девушки ощущался жар, а в горящих глазах сверкало все, что угодно, только не гнев. – Хорошо хоть ты не сказал, что никогда не взглянешь на другую женщину, иначе я решила бы, что ты ослеп.

Перрин был слишком удивлен такой метаморфозой, чтобы отвечать, слишком ошеломлен даже для того, чтобы выразить свои чувства взглядом. Ранд понимал женщин, Мэт понимал женщин, но Перрин был уверен, что никогда их не поймет. Фэйли всегда напоминала ему не только сокола, но и зимородка, который мог в один миг сменить направление своего полета. Вот и ее настроение менялось так быстро, что он не успевал ничего сообразить, и все же... Колочий запах обиды и злости полностью исчез, и на его месте возник другой, который он очень хорошо знал. Ее запах, чистый, сильный и отчетливый. Судя по глазам Фэйли, она в любой момент могла завести речь о девушках на жатве. Эти салдэйские деревенские девушки известны своей пылкостью.

– Что касается твоего обещания лечь на моей могиле, – продолжала она, – учти, если ты так поступишь, моя душа не даст твоей покоя, это я тебе обещаю. Ты будешь носить траур столько, сколько положено, а потом найдешь себе другую жену. Надеюсь, такую, которая мне понравилась бы. – Она с мягким смехом погладила его по бородке. – Ты же знаешь, что не способен сам позаботиться о себе. Я хочу, чтобы ты пообещал мне это.

В ответ Перрин лишь заскрежетал зубами. Скажи он «нет», ее прекрасное настроение в любой момент могло взорваться огненным смерчем. Даже подвижной ртути не угнаться за ней. Что бы он ни сказал... Запах, исходящий от нее, подтверждал, что она и в самом деле так думала, но все равно он скорее поверил бы в то, что коровы способны летать. Он прочистил горло.

– Мне нужно помыться. Уж не помню, сколько времени я даже не нюхал мыла. От меня, верно, несет, как от нечищенной конюшни.

Прислонившись к его груди, Фэйли втянула носом воздух:

– От тебя прекрасно пахнет. Тобой. – Ее руки скользнули по его плечам. – Я чувствую, как...

Дверь с грохотом распахнулась.

– Перрин, Берелейн нет... Извините. Простите меня.

Ранд стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, ничуть не похожий на Дракона Возрожденного. В коридоре за его спиной виднелись Девы. В комнату заглянула Мин, бросила единственный взгляд, усмехнулась при виде Перрина и снова исчезла.

Фэйли отступила от Перрина так спокойно, так величественно, что никому даже в голову не могло прийти, какие слова она произносила мгновение назад. И тем более – что собиралась сказать. Однако на щеках у нее пылали жаркие пятна.

– Очень мило с вашей стороны, милорд Дракон, – невозмутимо произнесла она, – заглянуть к нам так неожиданно. Прошу прощения, что не расслышала вашего стука. – Может, краска на ее щеках была признаком не злости, а смущения.

Однако слова Фэйли заставили покраснеть Ранда. Он запустил пальцы в волосы:

– Берелейн нет во дворце. Она провела ночь на корабле Морского народа, который стоит на якоре рядом с городом, вот и все, что известно. Анноура сказала мне об этом, только когда мы уже почти добрались до апартаментов Берелейн.

Перрин изо всех сил постарался сохранить невозмутимое выражение лица. Неужели обязательно нужно упоминать имя этой женщины?

– Ты хотел еще о чем-то поговорить со мной, Ранд? – Он надеялся, что желание сменить тему прозвучало в его вопросе не слишком настойчиво, но полагал, что Ранд тем не менее поймет намек. Перрин не стал смотреть на Фэйли, но осторожно принялся. Не ревнует, пока еще нет. Однако уже заметно сердится.

Некоторое время Ранд пристально смотрел на Перрина, точнее, смотрел сквозь него, точно прислушиваясь к чему-то. Перрин сложил руки на груди, чтобы не было заметно, что он дрожит.

– Я должен знать, – сказал наконец Ранд. – Ты по-прежнему не хочешь возглавить армию на границах Иллиана? Мне нужно знать сейчас.

– Я не полководец, – раздраженно ответил Перрин. В Иллиане несомненно будут бои. Образы вспыхнули в его сознании. Люди со всех сторон, топор в его руках описывает круги, прорубая путь. Противников с каждым мгновением становится все больше, однако многие падают, сраженные его ударами; бесконечные ряды убитых. И зерно зла, прорастающее в его сердце. Он не мог еще раз пережить все это. Не мог. – Кроме того, я думал... Предполагалось, что я буду рядом с тобой. – Так говорила Мин, основываясь на одном из своих видений. Дважды Ранду будет угрожать несчастье, если Перрина не окажется рядом. Один раз, возможно, это уже произошло, у Колодцев Дюмай, но еще один случай впереди.

– Всем нам приходится рисковать, – очень спокойно сказал Ранд. И очень твердо.

Мин снова заглянула в комнату, с таким выражением на лице, точно хотела подойти к Ранду, но бросила взгляд на Фэйли и осталась в коридоре.

– Ранд, Айз Седай... – Всякий, кто был в достаточной степени сообразителен, наверно, не стал бы сейчас поднимать этот щекотливый вопрос, но Перрину всегда не нравилась в людях изворотливость. – Хранительницы Мудрости готовы с них шкуру содрать живьем. Нельзя допустить, чтобы с ними случилась беда, Ранд.

Услышав эти слова, стоящая в коридоре Сулин повернулась и бросила на Перрина внимательный взгляд.

А этот человек, которого Перрин, как ему казалось, хорошо знал, хрипло засмеялся.

– Всем нам приходится рисковать, – повторил он.

– Я не допущу, чтобы с ними случилась беда, Ранд.

Взгляд холодных голубых глаз встретился с его взглядом.

– Ты не допустишь?

– Я не допущу, – ровным голосом повторил Перрин, не дрогнув перед этим взглядом. – Они пленницы и не представляют никакой опасности. И они женщины.

– Они – Айз Седай. – Голос Ранда так походил на голос Айрама, когда тот говорил то же самое у Колодцев Дюмай, что у Перрина перехватило дыхание.

– Ранд...

– Я делаю то, что должен, Перрин. – На мгновение он стал прежним Рандом, которому не нравилось все происходящее. И который до смерти устал. Но всего на мгновение. Потом он тут же превратился в нового Ранда, твердого как сталь. – Я не сделаю ничего худого ни одной Айз Седай, которая не заслуживает этого, Перрин. Большого я обещать не могу. Раз ты не хочешь возглавить армию, я использую тебя как-нибудь иначе. Полагаю, от тебя везде будет толк. Хотелось бы дать тебе возможность отдохнуть больше, чем день-другой, но не могу. Сейчас не время. Не время, и мы должны делать то, что нужно. Простите еще раз за то, что помешал вам. – Он коротко поклонился Фэйли, положив ладонь на рукоять меча.

Перрин хотел удержать его, схватить за руку, но Ранд тут же выскользнул из комнаты, и дверь за ним закрылась прежде, чем Перрин успел сдвинуться с места. Нет, в этом Ранде не было ничего от прежнего. День или два? Где, Света ради, Ранд собирался использовать его, если не в армии, собирающейся на равнине Маредо?

– Муж мой, – вздохнула Фэйли, – твоей храбрости хватит на троих, но разум у тебя как у ребенка, которого нельзя отпускать без помочей. Почему, интересно, чем мужчина храбрее, тем меньше он работает головой?

Перрин негодуя хмыкнул. Он не стал напоминать ей о женщинах, воображающих, что могут шпионить за тем, кому ничего не стоит совершить убийство и кто почти наверняка догадывается, что за ним шпионят. Женщины всегда утверждают, что соображают лучше мужчин, но он видел не слишком много проявлений этого.

– Молчишь? Ну, может быть, на самом деле я вовсе и не хотела услышать ответ, даже если ты знаешь его. – Вытянув руки над головой, Фэйли рассмеялась грудным смехом. – Кроме того, я не допущу, чтобы он испортил нам настроение. Я все еще чувствую себя почти как деревенская девушка во время... Почему ты смеешься? Не смей смеяться надо мной, Перрин т'Башир Айбара! Перестань, говорю, ты, грубый, неотесанный мужлан! Если ты не...

Положить конец этому можно было единственным способом, к которому Перрин и прибег. Он поцеловал ее и... позабыл о Ранде, Айз Седай и сражениях. Его дом там, где Фэйли.

Глава 7

Волчьи ямы, капканы и тьма

Ранд ощущал Драконов скипетр в своей руке. Ладонью, на которой была выжжена цапля, ощущал каждую линию вырезанных на скипетре драконов так, будто пробежал по ним пальцами, и все же казалось, это не его рука. Если бы чей-то клинок отсек ее, он почувствовал бы боль, но это была бы чужая боль.

Он плывал в непостижимой, безмерной пустоте, и саидин переполняла его, пытаясь стерт в порошок, обдавая то холодом стали, то жаром, способным расплавить камни. Весь ее мощный поток нес на себе пятно Темного, и порча пыталась завладеть его телом. В глубине души он иногда боялся этого больше всего. Это был не тот страх, от которого прежде его лишь начинало подташнивать. Теперешний был гораздо сильнее. И единственное, что не давало утонуть в этом стремительном потоке огня, льда и порчи, – жизнь. Самое подходящее слово. Саидин пыталась уничтожить его. Саидин клекотала в нем, переполняя его жизненной силой. Она грозила испепелить и... соблазняла. Борьба за то, чтобы остаться самим собой, чтобы не оказаться поглощенным, во сто крат увеличивала радость просто от ощущения жизни. Такой прекрасной, такой сладкой, несмотря на всю ее грязь. Интересно, может ли жизнь быть чистой? Он не мог этого себе представить. Зачерпнуть больше, все, все сполна.

Здесь крылся смертельный соблазн. Один неверный шаг – и он навсегда утратит способность направлять. Одна ошибка – и он потеряет разум или его просто разнесет на куски; может быть, и все вокруг тоже. Сумасшедшая гонка, борьба за существование, которая, однако, сама по себе не являлась признаком безумия. Точнее, это все равно что идти с завязанными глазами над волчьей ямой, утыканной острыми кольями. Опасность создавала ни с чем не сравнимое ощущение наслаждения жизнью, и от одной мысли о том, чтобы отказаться от нее, мир окутывала сумрачная тень. Нет, это не безумие.

Танец с саидин, скольжение в пустоте, обрывки образов и мыслей. Анноура смотрит на него пристальным взглядом Айз Седай. Какую игру затеяла Берелейн? Она никогда не упоминала ни о какой советнице из Айз Седай. И те, другие Айз Седай в Кайриэне. Откуда они явились и зачем? Мятежники недалеко от города. Что придало им решимости на такой шаг? Что они собираются делать? Как он может помешать им или даже использовать их? В последнее время он все чаще с легкостью использовал людей; иногда эта мысль заставляла его чувствовать себя больным. Севанна и Шайдо. Руарк уже посылал разведчиков к Кинжалу Убийцы Родичей, но им удалось разузнать только «куда» и «когда». Хранительницы Мудрости, конечно, могли

бы ответить на вопросы «почему», но они не делали этого. Имелось множество «почему», связанных с Севанной. Илэйн и Авиенда. Нет, он не будет думать о них. Только не о них. Ни в коем случае. Перрин и Фэйли. Горячая женщина, настоящий сокол – не только по имени, но и по натуре. Она действительно пошла на службу к Колавир только ради того, чтобы собрать против нее улики? Она попыталась бы защитить Перрина, даже если бы Дракон Возрожденный пал. Она попыталась бы защитить его и от Дракона Возрожденного, если бы пришла к выводу, что это необходимо; ее преданность принадлежала Перрину, но она сама решала, как распоряжаться ею. Фэйли не относилась к женщинам, которые смиренно подчиняются мужу. Если такие женщины вообще существуют. Во взгляде золотистых глаз – вызов и открытое неповиновение. Почему Перрин проявляет такую горячность, когда речь заходит об Айз Седай? На пути к Колодцам Дюмай Перрин провел много времени с Кируной и ее спутницами. Может быть, Айз Седай сделали с ним то, чего все так боятся? Айз Седай. Ранд покачал головой, не отдавая себе в этом отчета. Никогда больше. Никогда! Доверять означает быть преданным; доверие всегда порождает боль.

Он попытался отогнать эту мысль, слишком уж она напоминала бред. Невозможно жить, не доверяя хоть кому-нибудь. Только не Айз Седай. Мэту, Перрину. Если он не может доверять им... Мин. Не смей даже задумываться о том, можно ли доверять Мин. Ему хотелось, чтобы она сейчас была с ним, а не в своей постели. Дни в плену были полны для нее ужасной тревоги. Больше за него, чем за себя, насколько он ее знал. Дни, когда Галина допрашивала Мин и наказывала, если ее не устраивали ответы. Ранд непроизвольно стиснул зубы. Все это, вместе взятое, плюс напряжение, с которым всегда связано Исцеление, наконец доконало ее. Она оставалась рядом с ним, пока ее держали ноги, потом он вынужден был просто отнести ее в спальню, не обращая внимания на вялые протесты, сводящиеся главным образом к тому, что она ему нужна. Сейчас, без Мин, без ее успокоительного присутствия, без ее умения заставить его рассмеяться, заставить забыть о Драконе Возрожденном, ему оставалась лишь борьба с саидин. И вихрь собственных мыслей, и...

«Их надо уничтожить. Ты должен сделать это. Помнишь, как все было в прошлый раз? То, что произошло у Колодцев, – пустяк, ничто. Города пылали, на всей земле ничего не уцелело. Мы разрушили весь мир! ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ? ИХ НЕОБХОДИМО УБИТЬ, СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ!...»

Этот голос вопил в его голове. Не голос Ранда ал'Тора. Голос Льюса Тэрина Теламона, умершего более трех тысяч лет назад, теперь звучал в голове Ранда ал'Тора. Почти всякий раз, когда он обращался к Силе, этот голос становился отчетливо слышен, покидая свое место в тайниках его разума. Иногда Ранд удивлялся, как такое вообще возможно. Он на самом деле *был* Льюсом Тэрином Теламоном, рожденным заново, Драконом Возрожденным, и не отрицал этого, но всякий человек проживал не одну жизнь, а множество – сотни, тысячи и даже больше. Так работал Узор: все умирали и возрождались снова и снова при каждом повороте Колеса, вечно, без конца. Но никто из живших прежде не разговаривал с тем, кем он стал теперь. Ни у кого в голове не звучали голоса. Кроме безумцев.

«А как же я?» – подумал Ранд. Одна рука сжимала Драконов скипетр, другая – рукоять меча. «Как же ты? Чем мы отличаемся от других?» – мысленно спросил он Теламона.

Ответом было молчание. Довольно часто Льюс Тэрин не отвечал. Может, было бы лучше, если бы он замолк навсегда.

«Ты на самом деле существуешь?» – удивленно спросил наконец голос.

Сомнения в существовании Ранда повторялись так же часто, как отказ отвечать.

«А я? Я разговаривал с кем-то. Во всяком случае, мне кажется, что разговаривал. Находясь в каком-то ящике. Сундуке».

Хриплый, мягкий смех.

«Я умер или, может быть, сошел с ума? Не важно. Я, конечно, проклят. Я проклят, а это, наверно, Бездна Рока? Я... п-п-проклят, – теперь смех стал диким, – а эт-то – Бездна Ро...»

Ранд приглушил голос до жужжания насекомого, этому он научился, пока сидел связанным в сундуке. Один, в темноте. Только он и боль, а еще голос давно умершего безумца. Этот голос иногда даже служил утешением. Единственный товарищ. Друг. Что-то вспыхнуло в мозгу. Не образы, просто яркие движущиеся вспышки. Непонятно, почему они навели Ранда на мысли о Мэте и Перрине. Эти вспышки начали появляться, еще когда он сидел в сундуке, – вспышки и галлюцинации. В сундуке, куда Галина, Эриан, Кэтрин и остальные запихивали его каждый день, а предварительно как следует избивали. Ранд покачал головой. Нет. Теперь он не в сундуке. Пальцы стиснули скипетр и меч. Это всего лишь воспоминания, а воспоминания не имеют силы. Он не...

– Если ты не желаешь поесть перед дорогой, тогда давай отправляться. Все уже давно поужинали.

Ранд удивленно посмотрел на Сулин, и она попятилась под его взглядом. Сулин, которая не побоялась бы встретиться один на один с леопардом! Ранд постарался придать лицу спокойное выражение. Оно ощущалось как маска – не его лицо. Чужое.

– С тобой все в порядке? – спросила Сулин.

– Я задумался. – Ранд постарался незаметно расслабиться. Куртка, которая была на нем сейчас, выглядела куда уместней той, что он носил после битвы у Колодцев Дюмай. Темно-голубая, без всякого узора. Даже приняв ванну, он не чувствовал себя чистым, ведь саидин находилась внутри его. – Иногда я слишком сильно задумываюсь.

В одном углу комнаты с темными панелями и без окон теснились двадцать или даже больше Дев. Восемь позолоченных светильников-торшеров стояли у стен, перед зеркалами – для усиления света. Ранд был рад этому; ему больше не нравились темные помещения. Трое Аша'манов тоже находились тут, айилки в одном углу комнаты, Аша'маны – в другом. Джонан Эдли – родом из Алтары, хотя имя не алтарское, – стоял в глубоком раздумье, скрестив руки и нахмутив брови, похожие на черных гусениц. Будучи всего года на четыре старше Ранда, он жаждал одного – заработать серебряный меч посвященного. У Эбена Хопвила стало чуть больше мяса на костях и чуть меньше прыщей на лице по сравнению с тем временем, когда Ранд впервые увидел его, хотя нос и уши по-прежнему казались самыми выдающимися чертами его облика. Он поглаживал пальцами значок в виде меча на воротнике с таким видом, точно удивлялся, что он здесь. У Федвина Морра тоже был бы приколот к воротнику меч, не будь он одет в зеленый кафтан с серебряной вышивкой на отворотах и манжетах, более подходящий для преуспевающего купца или захудалого вельможи. Одного возраста с Эбеном, но более коренастый и почти без прыщей, он явно был недоволен тем, что его черный мундир засунут в лежащую у ног кожаную суму. Эти трое относились к числу тех, кто приводил в бешенство Льюса Тэрина, – они и все остальные Аша'маны. Аша'маны, Айз Седай – любой, кто мог направлять Силу. Все они просто выводили Льюса Тэрина из себя.

– Слишком сильно задумываешься, Ранд ал'Тор? – Руки Энайлы были заняты; в одной она сжимала короткое копье, в другой держала щит и еще несколько коротких копий. И все же голос ее прозвучал так, точно она погрозила ему пальцем; Аша'маны хмуро уставились на нее. – Твоя беда в том, что ты вообще не думаешь.

Некоторые Девы негромко засмеялись, но она явно не шутила. Энайла была ниже остальных Дев по крайней мере на ладонь. Волосы такие же пламенные, как и характер. К Ранду она, как и ее подруга Сомара, относилась своеобразно. Сомара, айилка с волосами цвета соломы и выше Энайлы больше чем на голову, кивнула, соглашаясь.

Ранд ничего не ответил, но от вздоха не удержался. Сомара и Энайла были хуже всех, но и остальные Девы никак не могли решить для себя вопрос, Кар'а'карн ли он – и тогда следовало ему повиноваться, – или просто единственный сын Девы, о котором, возможно, им известно, –

и тогда следовало воспитывать его и заботиться о нем. Как о брате или как о сыне, в зависимости от возраста. Даже Джалани, которая совсем недавно сама играла в куклы, казалось, воображала, что Ранд – ее *младший* брат, а Корана, седая и почти такая же морщинистая, как Сулин, вела себя с ним как со старшим братом. Хорошо хоть, что они позволяли себе такие вольности, только находясь среди своих, не там, где их могли слышать другие айильцы. В сражении он, конечно, станет для них Кар'а'карном. И он в долгу перед ними. Они шли на смерть ради него. Хотели они того или нет, он в долгу перед ними.

– Я не собираюсь всю ночь торчать здесь, пока вы наиграетесь в «поцелуй маргариток», – сказал Ранд.

Сулин одарила его одним из своих взглядов – все женщины, платье они носят или кадин'сор, способны метать такие взгляды; им это не труднее, чем фермеру разбрасывать семена, – но Аша'маны перестали таращиться на Дев и повесили ремни сум на плечи. Держи их в ежовых рукавицах, так он говорил Таиму, преврати их в оружие. И Таим был согласен с ним. Хорошее оружие послушно поворачивается в ту сторону, куда его направляют руки человека. Если бы только Ранд мог быть уверен, что в один прекрасный день оно не повернется против него самого.

В эту ночь он наметил побывать в трех местах, но одно из них должно было остаться неизвестным для Дев. Да и вообще для всех, кроме него самого. Какое из двух других будет первым, он решил еще раньше и все же сейчас колебался. Об этой прогулке все равно вскоре станет известно, но ему хотелось, чтобы тайна сохранилась как можно дольше.

Когда проход открылся здесь, прямо посреди комнаты, через него тут же просочился сладковатый запах, знакомый любому фермеру. Конский навоз. Сморщив нос, прежде чем поднять вуаль, Сулин рысью повела половину Дев через проход. Бросив на Ранда взгляд, за ними последовали Аша'маны, зачерпнув столько Силы из Истинного Источника, сколько могли удержать.

Поэтому, когда они проходили мимо него, Ранд сумел почувствовать степень возможностей каждого. В ином случае потребовалось бы приложить усилия, чтобы вообще определить, способен ли мужчина направлять Силу, да и тогда тот должен быть открыт для такой проверки. Среди Аша'манов не было ни одного настолько сильного, как он сам. Все намного слабее – пока. Впрочем, нельзя сказать наверняка, насколько силен мужчина, пока он не разовьет свои способности. Из всех троих самый сильный Федвин, но у него было то, что Таим называл преградой. В глубине души Федвин не верил, что может с помощью Силы воздействовать на что-то, находящееся на изрядном расстоянии. В результате уже в пятидесяти шагах его способность начинала ослабевать, а в сотне он не мог сплести даже нитку из саидин. Мужчины развивались быстрее, чем женщины, и быстрее обретали мощь. Каждый из этих троих был достаточно силен, чтобы создать проход нужного размера; пожалуй, только в Джонане Ранд не был полностью уверен. Каждый Аша'ман, которого Ранд оставил при себе, мог сделать это.

«Убей их, пока не поздно, пока они не сошли с ума, – прошептал Льюс Тэрин. – Убей их, выследи Саммаэля, Демандреда и остальных Отрекшихся. Я должен убить их всех, пока не стало слишком поздно!»

Последовал момент борьбы, когда Льюс Тэрин попытался вырвать у Ранда Силу и потерпел неудачу. В последнее время он стал чаще предпринимать попытки завладеть саидин. Это казалось очень опасным. Ранд сомневался, что Льюс Тэрин сумеет отрезать его от Истинного Источника; но у него не было уверенности, что сам он сможет проделать то же с Льюсом Тэрином, если тот дотянется до Источника раньше его.

«А как же я?» – снова подумал Ранд. Это прозвучало у него в мозгу почти как рычание, не менее злобное, чем то, которое издавал его недавний противник. Ранд был окутан Силой, и гнев сплетал свою паутину – огненное кружево – по ту сторону Пустоты.

«Я тоже могу направлять. Меня ожидает безумие, но ты уже безумен! Ты убил себя, Убийца Родичей, но сначала ты убил свою жену, и своих детей, и один Свет знает, сколько еще народу. Я не стану убивать без крайней необходимости! Ты слышишь меня, Убийца Родичей?»

Никакого ответа.

Ранд глубоко, со всхлипом вздохнул. Та огненная паутина замерцала – словно молния вдалеке. Он никогда не разговаривал с тем человеком – Льюс Тэрин ведь человек, не просто голос; человек, со всеми своими воспоминаниями, – никогда не разговаривал с ним *так* прежде. Может, теперь он избавится от Льюса Тэрина навсегда? Половина болтовни этого безумца представляла собой стенания по умершей жене. Хочет ли он в самом деле прогнать Льюса Тэрина? Единственного друга, который был с ним в том сундуке.

Ранд обещал Сулин досчитать до ста и лишь тогда отправиться следом за Девами и выполнил свое обещание, считая, однако, через пять. Потом, сделав всего один шаг, он перенесся более чем на сто пятьдесят лиг и оказался в Кэймлине.

Над королевским дворцом распростерлась ночь, лунные тени укрыли изящные шпили и позолоченные купола, но мягкий ветерок ничуть не уменьшил жары. Почти полная луна заливала все вокруг призрачным светом. Девы в вуалях торопливо скользили мимо повозок, выстроившихся в ряд позади самой большой дворцовой конюшни. Запах навоза давным-давно въелся в дерево повозок, на которых его вывозили из конюшни. Аша'маны прикрывали лица руками, а Эбен даже зажал нос.

– Что-то слишком быстро считает Кар'а'карн, – пробормотала Сулин, опустив вуаль.

Вряд ли здесь их ожидали сюрпризы. Ночью около повозок оставались только те, кто должен тут находиться по долгу службы, да и они, скорее всего, спали.

Как только прямо следом за Рандом прошли оставшиеся Девы, он позволил проходу закрыться. Когда проход замерцал, исчезая, Льюс Тэрин прошептал: «Ее больше нет. Почти». В его голосе звучало облегчение; в Эпоху легенд не существовало уз между Стражами и Айз Седай.

На самом деле Ранд, конечно, продолжал чувствовать Аланну, почти так же, как все время с тех пор, когда она против воли связала его с собой узами, хотя ощущение ее присутствия в глубине сознания стало заметно слабее. Это не мешало Ранду всегда знать, какие чувства она испытывает. Чем ближе к ней, тем сильнее он ощущал ее эмоции и то, как она себя чувствует физически. Он знал, где она находится, так же хорошо, как знал, где находится его собственная рука, но точно так же, как обстояло дело с рукой, ему не надо было специально думать об этом – он просто знал. Расстояние оказывало, конечно, некоторое воздействие, но он все еще *чувствовал*, что она находится к востоку от него. Он не хотел бы потерять ее из вида. Даже если бы Льюс Тэрин замолчал навсегда и все воспоминания о пребывании в сундуке стерлись из памяти Ранда, эта связь напоминала бы ему: «Никогда не доверяй Айз Седай».

Внезапно до него дошло, что Джонан и Эбен все еще удерживают саидин.

– Отпустите! – приказал Ранд – это была команда, которую использовал Таим, – и тут же почувствовал, что Сила покинула их. Хорошее оружие. Пока.

«Убей их, пока не поздно», – пробормотал Льюс Тэрин.

Ранд бережно и неохотно отпустил Источник. Ему всегда неприятно было прерывать эту живую связь, полную внутреннего противоборства, но придававшую всем жизненным ощущениям необыкновенную остроту. Однако внутренне он был крайне сосредоточен и напряжен, как перед прыжком, готовый в любой момент снова обратиться к Силе, если понадобится. Сейчас так же, как всегда.

«Я должен убить их», – прошептал Льюс Тэрин.

Заглушив его голос, Ранд послал во дворец одну из Дев, Нерилию, а сам принялся расхаживать вдоль ряда повозок. Мысли снова закружились в голове, быстрее, чем прежде. Не следовало приходить сюда. Нужно было отправить Федвина с письмом. Мысли вертелись бешено.

ным водоворотом. Илэйн. Авиенда. Перрин. Фэйли. Анноура. Берелейн. Мэт. Свет, ему не следовало приходить сюда. Илэйн и Авиенда. Анноура и Берелейн. Фэйли, и Перрин, и Мэт. Цветные вспышки, быстрое движение, неуловимое для взгляда. Далекое гневное бормотание безумца.

Постепенно до Ранда стало доходить, о чем переговаривались между собой Девы. О запахе. Намеркали, что он шел от Аша'манов. Если бы Девы хотели, чтобы их никто не слышал, то прибегли бы к языку жестов; лунного света вполне хватало. Сияния луны было достаточно и для того, чтобы увидеть, как покраснел Эбен, а Федвин сжал челюсти. Может, они уже не дети, особенно после Колодцев Дюмай, но им ведь всего по пятнадцать или шестнадцать лет. Джонан стоял, хмуро глядя на Дев. Хорошо хоть, что никто из них не обратился снова к саидин. Пока.

Ранд шагнул было к мужчинам, но потом просто повысил голос. Пусть все слышат.

– Если я могу мириться с глупыми выходками Дев, то и вы сможете.

Лицо Эбена стало еще краснее. Джонан усмехнулся. Все трое поклонились Ранду, прижав кулаки к груди, и повернулись друг к другу. Джонан тихо сказал что-то, поглядывая на Дев, и Федвин с Эбеном засмеялись. С тех пор как впервые увидели Дев, они разрывались между желанием постоянно разглядывать эти удивительные создания, о которых раньше только читали, и желанием убежать, прежде чем ужасные айильцы из сказаний и всяких историй расправятся с ними. Прежде мало что пугало их. Им необходимо заново учиться испытывать страх.

Девы посмотрели на Ранда и перешли на язык жестов, иногда негромко посмеиваясь. Может, они в какой-то степени и опасались Аша'манов, и все же Девы оставались Девами – Айил всегда Айил. Какой интерес подпускать шпильки, если никто не слышит? Сомара громко пробормотала что-то насчет того, что, будь здесь Авиенда, она бы живо успокоила Ранда; эти слова сопровождались решительными кивками. Жизнь, описываемая в сказаниях, всегда выглядела гораздо проще, чем на самом деле.

Как только вернулась Нерилия с сообщением, что нашла Даврама Башира и Бэйла, вождя клана, возглавлявшего айильцев здесь, в Кэймлине, Ранд отстегнул свой пояс вместе с мечом; то же сделал Федвин. Джалани достала большую кожаную суму и, пока туда убрали мечи и Драконов скипетр, держала ее с таким видом, точно это не мечи, а ядовитые змеи или чьи-то давно сгнившие останки. Хотя, по правде говоря, даже в обоих этих случаях она не держала бы суму с такой осторожностью. Надев плащ с капюшоном, поданный Кораной, Ранд сложил руки за спиной, и Сулин туго связала их веревкой, приговаривая себе под нос:

– Это сумасбродство. Даже мокроземцы назвали бы это сумасбродством.

Ранд постарался не морщиться. Сулин, связывая его, стянула ему руки как следует.

– Ты слишком часто сбегал от нас, Ранд ал'Тор. Ты совсем не заботишься о себе. – Сулин относилась к нему как к брату одного с ней возраста, но временами ведущему себя совершенно безответственно. – Фар Дарайз Май заботятся о твоей чести, а ты нет.

Федвин стоял с недовольным видом, пока ему тоже связывали запястья, хотя Девы при этом усердствовали гораздо меньше. Джонан и Эбен хмуро наблюдали за происходящим. Им этот план нравился не больше, чем Сулин. Они считали, что от него будет мало толку. Ну и пусть. Дракон Возрожденный не обязан объяснять свои действия, да и Кар'а'карн редко это делал. Никто из Аша'манов, однако, не произнес ни слова. Оружие не способно проявлять недовольство.

Обойдя Ранда, Сулин бросила взгляд на его лицо, и дыхание у нее перехватило.

– Они делали это с тобой, – тихо сказала она и потянулась к ножу с массивным клинком, висящему на поясе. Этот стальной клинок длиной чуть больше фута был фактически коротким мечом, хотя только глупец назвал бы его так в разговоре с айильцем.

– Натяни капюшон мне на голову, – хрипло ответил Ранд. – Вся соль в том, чтобы никто не узнал меня до того, как я доберусь до Бэйла и Башира. – (Она колебалась, не спуская с Ранда глаз.) – Натяни, я сказал, – ворчливо повторил он.

Сулин могла голыми руками убить почти любого мужчину, но ее пальцы двигались очень нежно, расправляя капюшон вокруг его лица.

Засмеявшись, Джалани надвинула капюшон ему на глаза:

– Не сомневайся, теперь никто тебя не узнает, Ранд ал'Тор. Мы поведем тебя.

Некоторые Девы засмеялись.

Все тело точно одеревенело, и Ранд едва удержался от того, чтобы не обратиться к саидин. Едва. Льюс Тэрин сердито заворчал и что-то быстро, невнятно забормотал. Ранд приложил все силы, чтобы выровнять дыхание. Мрак не был полным. Ниже края капюшона он видел лунный свет. Но несмотря на это, споткнулся, когда Сулин и Энайла взяли его за руки и повели вперед.

– А я-то думала, что ты уже достаточно взрослый и умеешь ходить, – с притворным удивлением пробормотала Энайла.

Рука Сулин пришла в движение, и Ранд потрясенно осознал, что она погладила его по плечу.

Ранд видел лишь то, что находилось непосредственно перед ним. Сначала залитые лунным светом плиты конюшенного двора, потом каменные ступени, мраморный пол, освещенный светильниками и кое-где покрытый длинными коврами дорожками. Сосредоточенно следя за движущимися тенями, он старался ощутить присутствие рядом саидин или, хуже того, покалывание на коже, говорившее о том, что какая-то женщина неподалеку удерживает *саидар*. Практически ослепший, он узнал бы о нападении, лишь когда стало бы слишком поздно. Ранд слышал шелест шагов немногочисленных слуг, спешивших по своим делам, – ночью их, конечно, немного, но они есть, – однако никто не выразил удивления при виде пяти Дев, сопровождающих двух пленников. Учítывая, что Бэйл и Башир жили во дворце, а их люди поддерживали порядок в городе, за их движением по этим коридорам, несомненно, следили. Ощущение было такое, будто идешь по лабиринту. А что еще он делал, как не переходил из одного лабиринта в другой, едва покинув Эмондов Луг? Даже когда воображал, что отчетливо видит свой путь.

«Способен ли я вообще различать, правильным путем иду или нет? Сумею ли выбрать верную дорогу? – вот что Ранду хотелось знать. – Или я настолько увяз во всем этом, что мне везде будут теперь чудиться ловушки?»

«Нет никаких верных дорог. Только волчьи ямы, и капканы, и тьма».

В ворчании Льюса Тэрина ощущались тревога и отчаяние. Все верно. Путь Ранда именно таков.

Когда они добрались до нужной комнаты и Сулин закрыла дверь, Ранд потрянул головой, отбрасывая назад капюшон, и наконец снова обрел зрение. Он ожидал увидеть здесь Бэйла и Даврама, но присутствие жены Даврама, Дейры, а также Мелэйн и Доринды его удивило.

– Я вижу тебя, Кар'а'карн. – Бэйл, самый высокий мужчина, какого когда-либо доводилось видеть Ранду, сидел со скрещенными ногами на полу, выложенном белыми и зелеными плитками, в своем обычном кадин'сор. Вокруг него, как всегда, даже когда он отдыхал, ощущалась атмосфера готовности в любой момент перейти к активным действиям. Вождь клана Гошиен Айил был немолод – обычно вожди кланов немолоды, – с сединой в темно-рыжих волосах, но всякого, кто предположил бы, что годы смягчили его нрав, постигло бы разочарование. – Да найдешь ты всегда воду и прохладу. Я по-прежнему с Кар'а'карном, а мои копыта – со мной.

– Вода и прохлада, может, и неплохи, – сказал Даврам Башир, перекидывая ногу через позолоченную ручку кресла, – но сам я предпочитаю охлажденное вино. – Лишь немного выше Энайлы, он был сейчас в расстегнутом коротком синем кафтане, смуглое лицо блестело от

пота. Несмотря на бросающуюся в глаза праздность, в нем чувствовался характер не слабее, чем у Бэйла, с этими его жгучими раскосыми глазами и орлиным клювом носа над густыми усами, заметно прошитыми сединой. – Предлагаю отметить твоё спасение и твою победу. Но почему ты явился сюда, вырядившись пленником?

– Меня интересует, не навлек ли он на нас гнев Айз Седай, – вклинилась в разговор Дейра. Крупная женщина в платье из зеленого шелка, мать Фэйли не уступала ростом любой Деве, за исключением разве что Сомары. Длинные черные волосы серебрились на висках, нос почти такой же рельефный, как у мужа. Правда, она давала ему сто очков вперед в умении яростно сверкать глазами и очень напоминала Фэйли еще в одном отношении. Она была предана мужу, но никак не Ранду. – Ты захватил Айз Седай в плен! Чего нам теперь ожидать? Что вся Белая Башня обрушится на наши головы?

– Если они сделают это, – резко ответила Мелэйн, поправляя шаль, – то получают по заслугам.

Золотоволосая и зеленоглазая, очень красивая и, похоже, старше Ранда всего несколькими годами, Мелэйн была Хранительницей Мудрости и женой Бэйла. В чем бы ни состояла причина, заставившая Хранительниц Мудрости изменить свое отношение к Айз Седай, Мелэйн, Эмис и Бэйр изменили его больше всех.

– Что я хотела бы знать, – сказала третья женщина, – это как ты собираешься поступить с Колавир Сайган. – И Дейра, и Мелэйн отличались величественной осанкой, и все же Доринда затмевала обеих, хотя было нелегко сообразить, за счет чего именно. Хозяйка крова холда Горячие Ключи была весьма солидной женщиной, в чьем облике отчетливо проступало материнское начало, и не просто хорошенькой, а красивой, с морщинками в уголках голубых глаз и со светло-рыжими волосами, как и у Бэйла, густо присыпанными сединой. И все же при виде этих трех женщин любой, имеющий голову на плечах и глаза на ней, сказал бы, что именно она здесь хозяйка. – Мелэйн говорит, что Бэйр считает Колавир Сайган не слишком значительной персоной, – продолжала Доринда, – но Хранительницы Мудрости иногда бывают так же слепы, как любой мужчина. Захваченный видом сражения, он может не заметить скорпиона под ногами. – Улыбка, предназначенная Мелэйн, лишила эти слова их яда; ответная улыбка Мелэйн говорила о том, что она ничуть не обижена. – В обязанности хозяйки крова входит отыскивать скорпионов до того, как они ужалят.

Доринда тоже была женой Бэйла, факт, который все еще смущал Ранда, несмотря на то что он точно знал – это выбор обеих, и ее, и Мелэйн. Может, отчасти причиной его недоумения являлось как раз то, что это именно *их* выбор; у айильцев мужчина практически не имел права голоса, когда его жена выбирала себе сестру-жену. И даже у айильцев подобный уговор был не самым обычным делом.

– Колавир будет возделывать землю, – проворчал Ранд; они удивленно посмотрели на него, пытаясь понять, не шутка ли это. – Солнечный трон снова пуст и ждет Илэйн. – Он подумал, не сплести ли оградительный барьер от подслушивания. Однако, если бы кто-то владеющий Силой, все равно, мужчина или женщина, обнаружил этого малого стража, сам факт его существования уже свидетельствовал бы о том, что тут происходит нечто важное. Да и какая разница. Все, о чем будет говориться здесь, достаточно быстро станет известно повсюду, от Драконовой Стены до самого моря.

Федвин уже потирал запястья, а Джалани вкладывала нож в ножны. Никто из присутствующих не взглянул дважды на тех, кто пришел с Рандом; все внимание было устремлено только на него. Он помахал руками, когда Сулин разрежала веревку.

– Я и не подозревал, что у нас будет семейное собрание. – Только Нерилию, похоже, слегка смутили слова Ранда, остальные отнеслись к ним совершенно спокойно.

– Вот подожди, женишься, – с улыбкой пробормотал Даврам, – и поймешь, что нужно очень хорошо подумать, прежде чем решиться скрыть что-то от жены.

Дейра, скривив губы, сверху вниз внимательно посмотрела на Башира.

– Жены – огромное утешение для мужчины, – засмеялся Бэйл. – Если, конечно, он не рассказывает им слишком много.

Улыбаясь, Доринда пробежала пальцами по его волосам. И тут же крепко зажала одну прядь, точно собираясь дернуть. Бэйл заворчал, но не только из-за того, что делали с его волосами пальцы Доринды. Мелэйн вытерла маленький нож о плотную юбку и вложила его в ножны. Обе женщины усмехнулись, глядя друг на друга поверх головы мужа, в то время как Бэйл потирал плечо, где сквозь кадин'сор проступило небольшое кровавое пятно. Дейра задумчиво кивнула; похоже, эта идея ей понравилась.

– Где та женщина, которую я ненавижу столь сильно, чтобы сделать женой Дракона Возрожденного? – холодно сказал Ранд.

Эти слова породили тишину, настолько плотную, что она ощущалась почти физически.

Он постарался обуздать свой гнев. Следовало ожидать, что они уже все знают. Мелэйн не просто Хранительница Мудрости, она – ходячая по снам, точно так же как Эмис и Бэйр. Кроме всего прочего, они в своих снах могли разговаривать и друг с другом, и с другими людьми; очень полезная способность, пусть для Ранда они воспользовались ею лишь единожды. И вообще это касалось только Хранительниц Мудрости. Ничего удивительного, что Мелэйн в курсе всего случившегося. Ничего удивительного, что она рассказала обо всем Доринде, не важно, была та Хранительницей Мудрости или нет. Эти две женщины и лучшие подруги, и *сестры*. Ну а как только о похищении Ранда узнал Бэйл, тот, конечно, рассказал и Баширу. Ожидать же, что Башир сохранит такое известие в секрете от жены, было бы столь же нелепо, как ожидать, что он не сообщит ей о том, что их дом горит. Рассуждая таким образом, Ранд постепенно справился со своим гневом, загнал его внутрь.

– Илэйн объявилась? – Ранд хотел, чтобы этот вопрос прозвучал небрежно, но у него ничего не вышло. Да и не имеет значения. Любому ясно, что у него есть основания тревожиться. В Андоре, может быть, не так беспокойно, как в Кайриэне, но скорейший – а вероятно, и единственный – путь к тому, чтобы навести порядок в обеих странах, состоял в том, чтобы посадить Илэйн на трон.

– Нет еще. – Башир пожал плечами. – Но с севера доходят слухи о каких-то Айз Седай с армией – не то в Муранди, не то в Алтаре. Возможно, это юный Мэт и его Отряд Красной руки, а с ними – дочь-наследница и те сестры, которые сбежали из Башни, когда была свергнута Суан Санчей.

Ранд помассировал запястья в тех местах, где их стягивала веревка. Он затеял эту глупость, изображая пленного, только потому, что надеялся обнаружить здесь Илэйн. Илэйн и Авиенду. Тогда он мог бы прийти и уйти, а они даже не догадались бы о его появлении в Кэймлине. Может быть, он даже нашел бы способ незаметно взглянуть на них. Может быть... Дурак, да и только.

– Ты намерен заставить и этих сестер дать тебе клятву? – Голос Дейры был так же холоден, как и лицо. Ранд ей не нравился. Как она понимала, ее мужа вынуждали к действиям, в результате которых голова Башира с большой долей вероятности могла оказаться на пике над воротами Тар Валона, и именно Ранд толкал его на этот путь. – Белая Башня вряд ли оставит без внимания то, что вы принудили к этому Айз Седай.

Ранд отвесил ей небольшой поклон, и чтобы ей сгореть, если она сочла его за насмешку.

Дейра ни Галине т'Башир никогда в разговоре с Рандом не употребляла никаких его званий, даже не называла по имени. Точно таким же тоном она могла бы разговаривать с лакеем, к тому же не очень умным и не заслуживающим особого доверия.

– Это был их выбор – присягнуть мне, вот почему я принял их клятву. Сомневаюсь, что многие из них так уж страстно желают вернуться в Тар Валон. Окажись их выбор иным,

никто не препятствовал бы им уйти на все четыре стороны. Конечно, при условии, что они не выступят против меня.

– Белая Башня сама выступила против тебя, – сказал Бэйл, положив кулаки на колени и наклонившись вперед. Его голубые глаза смотрели с таким выражением, что по сравнению с ними голос Дейры казался теплым. – Враг, который пришел раз, будет приходить снова и снова. Если его не остановить. Мои копья последуют за Кар'а'карном, куда бы он их ни повел.

Мелэйн, конечно, кивнула, соглашаясь. Она, похоже, очень хотела, чтобы все до последней Айз Седай оказались отрезаны от Истинного Источника, под стражей и на коленях, а еще лучше – связанными по рукам и ногам. Но Доринда тоже кивнула, и Сулин, а Башир задумчиво пригладил костяшками пальцев усы. Ранд не знал, смеяться или плакать.

– Не кажется ли вам, что у меня хватает забот и без войны с Белой Башней? Элайда попыталась схватить меня за горло и получила по рукам. – Земля взрывается огнем и разорванной человеческой плотью. Вороны и стервятники пируют. Сколько людей погибло? – Если у нее хватит ума на этом остановиться, я сделаю то же самое.

И если Айз Седай не станут требовать, чтобы он доверял им. Сундук. Ранд покачал головой, наполовину осознавая, что Льюс Тэрин неожиданно жалобно забормотал что-то о тьме и жажде. Он мог не принимать близко к сердцу эти воспоминания, он даже должен поступать именно так; но ни в коем случае не забывать и не доверять.

Предоставив Бэйлу и Баширу спорить о том, хватит ли у Элайды ума остановиться сейчас, Ранд подошел к столу около стены, на котором были разложены карты. На стене висел гобелен с изображением какого-то сражения; на ткани рельефно выступал Белый лев Андора. Судя по всему, эта комната служила Бэйлу и Баширу чем-то вроде штаба. Порывшись среди карт, Ранд нашел нужную, скатанную в большой рулон; на карте был изображен не только весь Андор от Гор тумана до реки Эринин, но и часть стран, расположенных южнее, – Гэалдан, Алтара и Муранди.

– Женщины, взятые в плен в стране древоубийц, должны держаться тише воды ниже травы. Почему же нельзя требовать этого и от других? – сказала Мелэйн, по-видимому в ответ на что-то, чего Ранд не слышал. В ее голосе явственно звучал гнев.

– Мы будем делать то, что должны, Дейра т'Башир, – спокойно сказала Доринда; она редко выходила из себя. – Собери все свое мужество, и мы отправимся туда, куда нужно.

– Когда прыгаешь с обрыва, – ответила Дейра, – ничего не остается, как только собрать все свое мужество. И надеяться на то, что угодишь в телегу с сеном, случайно оказавшуюся внизу.

Ее муж усмехнулся, будто это была шутка, однако слова Дейры звучали серьезно.

Развернув карту и придавив ее углы чернильницами и флаконами с песком, Ранд измерил расстояние пальцами. Мэт двигался не слишком быстро, если, как утверждают слухи, он в Алтаре или Муранди, а ведь он всегда гордился мобильностью своего Отряда. Может, Айз Седай со своими слугами и повозками замедляли его продвижение. А может, сестер оказалось больше, чем тот предполагал. Осознав, что руки у него стиснуты в кулаки, Ранд расслабил их. Ему нужна Илэйн. Чтобы посадить ее на трон здесь и в Кайриэне; вот зачем она нужна ему. Только по этой причине. Авиенда... Она ему вообще не нужна, совсем не нужна, и она достаточно ясно дала понять, что и он ей не нужен. Вдали от него она в безопасности. Чем дальше от него, тем безопаснее для них обеих. О Свет, если бы он мог хоть одним глазком взглянуть на них! Однако Мэт ему просто необходим, раз Перрин заупрямился. Конечно, Мэт не такой уж дока в сражениях, но даже Башир считался с его мнением. В военных вопросах, по крайней мере.

– Они обходились с ним как с да'тсанг, – проворчала Сулин, и остальные Девы тоже невнятно заворчали себе под нос, точно эхо.

– Мы знаем, – мрачно сказала Мелэйн. – У них нет чести.

– Как он сможет держать себя в руках после всего, что ты описала? – недоверчиво спросила Дейра.

Нижний обрез карты проходил севернее Иллиана – Ранду не удалось обнаружить на столе ни одной карты, которая изображала бы хоть часть этой страны, – но рука Ранда скользнула вниз, за Муранди, и он легко представил себе Дойрлонские холмы, находящиеся уже в Иллиане, неподалеку от границы. И линию фортов на этих холмах. Любой армии, вторгшейся в Иллиан, придется преодолеть их сопротивление. А в двухстах пятидесяти милях на восток, за равниной Маредо, – армия, подобной которой не было с тех пор, как в Айильскую войну все народы собрались под Тар Валонем, а может, даже со времен Артура Ястребиное Крыло. Тайренцы, кайриэнцы, айильцы – все сплелось в туго затянутый узел именно здесь, в Иллиане, в один могучий кулак, который должен нанести решительный удар. Если Перрин не поведет армию, тогда это должен будет сделать Мэт. Одно плохо – не хватает времени. Всегда не хватает времени.

– Сгори мои глаза... – пробормотал Даврам. – Ты никогда ни словом не упоминала об этом, Мелэйн. Леди Каралайн и лорд Торам разбили лагерь прямо под городом, и благородный лорд Дарлин тоже с ними? Они не могли оказаться одновременно в одном и том же месте случайно, нет, никак не могли. Ничего себе соседство! Гадюшник прямо у порога!

– Позвольте алгай'д'сисвай станцевать, – ответил Бэйл. – Мертвые гадюки никого не ужалят.

Саммаэль всегда был сильнее всего в защите – воспоминание Льюса Тэрина, еще со времен Войны Тени. Если в одной голове находятся вместе два человека, то вполне можно ожидать, что их воспоминания начнут просачиваться от одного к другому. Иногда Льюс Тэрин совершенно не к месту вспоминал овец, пасущихся на лугу, или рубку дров, или вкус жареного цыпленка. Сейчас в его бормотании, еле слышно доносившемся до Ранда, ощущалось неистовое стремление убивать, разрушать. Всякий раз, вспоминая Отрекшихся, Льюс Тэрин приходил в ярость.

– Дейра т'Башир права, – сказал Бэйл. – Мы не должны сворачивать со своего пути, пока не будут уничтожены либо наши враги, либо мы.

– Я не совсем это имела в виду, – сухо ответила Дейра. – Но ты прав. Теперь у нас нет выбора. Пока не погибнут наши враги – или мы.

Смерть, разрушение, безумие – все это вертелось и кружилось в голове Ранда, пока он изучал карту. Как только армия нанесет удар, Саммаэль тут же объявится на этих фортах. Саммаэль, со всей своей мощью Отрекшегося и знаниями Эпохи легенд. Лорд Бренд, как он сам называл себя, один из членов Совета девяти. Лорд Бренд, как называли его те, кто отказывался верить, что Отрекшиеся вырвались на свободу. Но Ранд знал, что это он. Опираясь на воспоминания Льюса Тэрина, он знал, как выглядит Саммаэль, будто видел его перед собой воочию.

– Что намерена предпринять Дайлин Таравин в отношении Ниан Араун и Элени Саранд? – спросила Доринда. – Признаюсь, я совершенно не понимаю такого обращения с людьми.

– Что бы она ни делала, это вряд ли имеет значение, – ответил Даврам. – Меня беспокоит то, что она спелась с этими Айз Седай.

– Дайлин Таравин глупа как пробка, – пробормотала Мелэйн. – Она верит слухам о том, что Престолу Амерлин удалось поставить Кар'а'карна на колени. Она даже волосы не расчесет без разрешения Айз Седай.

– Ты заблуждаешься насчет нее, – убежденно сказала Дейра. – Дайлин достаточно сильна, чтобы править Андором; она доказала это в Арингилле. Конечно, она прислушивается к мнению Айз Седай – только глупцы этого не делают, – но прислушиваться еще не означает повиноваться.

Нужно снова обыскать фургоны, доставленные от Колодцев Дюмай. Где-то в них должен отыскаться *ангриал* в виде фигурки маленького толстяка. Никто из сбежавших Айз Седай не мог даже догадываться о том, что это такое. Разве только какая-нибудь из них сунула его в суму как сувенир на память о Возрожденном Драконе. Нет. Он должен быть где-то в повозках. С ангриалом Ранд будет так же силен, как любой Отрекшийся. Без него... Смерть, разрушение и безумие.

Неожиданно что-то привлекло его внимание. То ли увиденное, то ли услышанное, но тут же исчезнувшее.

– Что это было? – спросил Ранд, резко отвернувшись от инкрустированного драгоценной поделочной костью стола.

Удивленные лица повернулись к нему. Джонан, который стоял, прислонившись к дверному косяку, напряженно выпрямился. Девы, отдыхающие сидя на корточках, неожиданно беспокойно задвигались. До этого они лениво переговаривались, теперь все как одна настороженно смотрели в сторону Ранда.

Поглаживая пальцами ожерелье из резной кости, Мелэйн взглянула на Бэйла и Даврама и решительно сказала, прежде чем кто-либо успел открыть рот:

– Девять Айз Седай остановились в гостинице под названием «Серебряный лебедь», в тех кварталах, которые Даврам Башир называет Новым городом. – Мелэйн произвольно выделила слова «гостиница», «кварталы» и «город». До того как оказаться по эту сторону Драконовой Стены, Мелэйн знала эти слова только из книг. – Даврам и Бэйл считают, что мы должны оставить их в покое, пока они не предпринимают никаких действий против тебя. Думаю, Ранд ал'Тор, тебе стоит знать об этих Айз Седай, которые чего-то ждут.

– Это моя вина, – вздохнул Башир, – если тут вообще есть чья-то вина. Мелэйн не согласна с той позицией, которую мы занимаем, но лично я ума не приложу, что тут можно сделать. Да и она, по-моему, тоже. Восемь Айз Седай остановились в «Серебряном лебеде» почти месяц назад, сразу же после того, как ты исчез. Время от времени то появлялись, то исчезали другие, но никогда их не собиралось больше десяти сразу. Они держались вместе, не причиняли хлопот и не задавали вопросов, насколько удалось выяснить Бэйлу и мне. Появлялись в городе и Красные сестры – дважды. У всех, кто остановился в «Серебряном лебеде», есть Стражи, но не у посетительниц. Две или три из тех, что приходили, расспрашивали о мужчинах, направляющихся в Черную Башню, а спустя день-другой скрылись. Вряд ли им удалось много разузнать, так мне кажется. Черная Башня умеет хранить свои секреты. Никто из Айз Седай не доставлял нам хлопот, и я не был склонен беспокоить их без крайней необходимости.

– Я тоже не собираюсь этого делать, – задумчиво произнес Ранд.

Усевшись в кресло напротив Башира, он с такой силой стиснул резные подлокотники, что у него заныли суставы. Айз Седай здесь, Айз Седай в Кайриэне. Случайность? Льюс Тэрин, точно дальний гром, сердито забормотал о смерти и предательстве. Ранду следовало предостеречь Таима. Не об этих Айз Седай из «Серебряного лебеда». Таим о них, несомненно, уже знает. Интересно, почему он не предупредил об этом? А о том, чтобы Аша'маны держались подальше от них? Не надо больше никаких столкновений. Пусть то, что произошло у Колодцев Дюмай, подведет черту под всеми противоречиями, но для этого не следует начинать все сначала. Слишком многое расплзлось у Ранда под руками. И чем больше сил он прикладывал, стараясь собрать все воедино, тем быстрее, казалось, все рассыпалось. Позже или раньше все выскальзывало из рук и разбивалось вдребезги. От этой мысли у Ранда пересохло в горле. Том Меррилин когда-то учил его жонглировать, но Ранд не слишком преуспел. А сейчас ему приходилось заниматься именно этим, и притом как можно лучше. Неплохо бы промочить горло.

Ранд не осознал, что произнес эти слова вслух, однако Джалани внезапно поднялась и неторопливо зашагала через всю комнату туда, где на маленьком столике стоял высокий серебряный кувшин. Наполнив украшенный серебряной чеканкой кубок, она с улыбкой подала его

Ранду. Он ожидал услышать обычную грубость, но, взглянув в ее лицо, понял, что ошибается. Сказав лишь: «Кар'а'карн», Джалани вернулась на свое место среди остальных Дев, держась с таким достоинством, будто подражала Доринде или по крайней мере Дейре. Сомара что-то быстро сказала на языке жестов, и внезапно все Девы покраснели и прикусили губы, едва сдерживая смех. Все, кроме Джалани, у которой лишь жарко вспыхнули щеки.

Винный пунш имел привкус сливы. Ранду вспомнились крупные сладкие сливы, они росли в садах за рекой. Он был молод и карабкался по деревьям, чтобы нарвать их... Откинув голову назад, он осушил бокал. В Двуречье росли, конечно, сливовые деревья, но не целые сады и, уж конечно, не за рекой. «Держи свои проклятые воспоминания при себе», – мысленно проворчал он, обращаясь к Льюсу Тэрину. Человек в его голове засмеялся над чем-то, известным только ему одному.

Нахмурясь, Башир посмотрел на Дев, перевел взгляд на Бэйла, потом на его жен и покачал головой. Он хорошо ладил с Бэйлом, но айильцы в целом ставили его в тупик.

– Поскольку никто не предлагает мне выпить... – сказал он, встал и подошел к столу, чтобы налить себе пунша. Сделал большой глоток, намочив густые усы. – Вот теперь он охладился... Методы, с помощью которых Таим вербует новобранцев, похоже, привлекли к нам всех, кто хотел бы присоединиться к Дракону Возрожденному. Его усилиями у меня собралась отличная армия. Это мужчины, начисто лишённые способностей, которыми наделены твои Аша'маны. Все они, широко распахнув глаза, болтают о невесте каких проходах, но ни один и рядом не стоял с Черной Башней. Как раз то, что нужно. Такие примерно соображения высказывал молодой Мэт, и я с ним согласен.

Ранд поставил пустой кубок и перевел разговор на другую тему:

– Расскажите мне о Дайлин. – (Дайлин из Дома Таравин была следующей в ряду претенденток на трон, случись что-то с Илэйн.) – Если она воображает, что сможет захватить Львиный трон, у меня и для нее найдется ферма.

– Захватить трон? – недоверчиво переспросила Дейра, а ее муж негромко засмеялся.

– Я не всегда понимаю поступки мокроземцев, – сказал Бэйл, – но не думаю, чтобы она предприняла такую попытку.

– До этого далековато, конечно. – Даврам Башир принес кувшин, чтобы налить Ранду еще пунша. – Некоторые лорды и леди, не из самых значительных, заискивая перед ней, провозгласили ее правительницей Арингилла. Она растет прямо на глазах, леди Дайлин. В течение четырех дней она повесила двух заводил – за измену дочери-наследнице Илэйн, а еще двадцать человек приказала высесть. – Башир одобрительно засмеялся.

Его жена презрительно фыркнула. Может, представила себе длинный ряд виселиц, выстроившихся на всем протяжении от Арингилла до Кэймлина.

– Тогда что это за разговоры насчет того, что она достаточно сильна, чтобы править в Андоре? – настойчиво спросил Ранд. – И каким образом Эления и Ниан оказались в тюрьме?

– Они тоже пытались заявить претензии на трон, – сказала Дейра, ее темные глаза гневно вспыхнули.

Башир кивнул. Он был намного уравновешеннее жены.

– Всего три дня назад. Как только пришло известие о коронации Колавир и слух о том, что ты в Тар Валоне, начал приобретать большую реальность. С возобновлением торговли между Кайриэном и Кэймлином носится столько голубей, что иногда они затмевают солнце. – Поставив на место кувшин, Башир вернулся в свое кресло. – Ниан заявила, что претендует на Львиный трон, утром, Эления – в полдень, а на закате Дайлин, Пеливар и Луан арестовали обеих. И уже на следующее утро Дайлин была объявлена регентом. От имени Илэйн и до ее возвращения. Большинство Домов Андора выступили в поддержку Дайлин. Полагаю, некоторые вовсе не против, чтобы она сама заняла трон, но Арингилл даже самых влиятельных заставляет придерживаться языки. – Прикрыв один глаз, Башир ткнул пальцем в Ранда. – О тебе, например, они

вообще не упоминают. Хороша погода или плоха – вот, как считают эти мудрецы, самая подходящая тема для разговора.

На лице Дейры появилась холодная улыбка.

– Эти... подхалимы... которым ты предоставил свободу и отпустил из дворца, сбежали из города. По слухам, кое-кого из них вообще уже нет в Андоре. Ты должен знать, что все они были либо за Элению, либо за Ниан.

Ранд осторожно поставил полный кубок на пол рядом с креслом. Он всего лишь позволил Лиру, Аримилле и другим остаться здесь и попытаться склонить Дайлин и тех, кто ее поддерживал, к сотрудничеству с ним. Они никогда не оставили бы Андор на милость лорда Лира и его сторонников. Но план Ранда мог бы еще сработать – было бы время и вернулась бы Илэйн. Однако все шло не так, как задумано; вертелось, кружилось, все быстрее и быстрее, выскальзывая из рук. Хорошо, что оставалось еще хоть что-то, над чем он пока властен.

– Федвин – Аша'ман, – сказал Ранд, кивком указывая на него. – В случае необходимости он сможет доставлять в Кайриэн сообщения для меня.

Ранд пристально посмотрел на Мелэйн, которая ответила ему одним из своих самых нежных взглядов. Дейра воззрилась на Федвина с таким выражением, с каким могла бы глядеть на мертвую крысу, которую сверхдобросовестный пес принес к ее ногам. Даврам и Бэйл просто смотрели; Федвин подтянулся под их взглядами.

– Никто не должен знать, кто он такой, – продолжал Ранд. – Никто. Вот почему он не в черном. Этой ночью я оставляю еще двоих у лорда Семарадрида и благородного лорда Вейрамона. Они понадобятся, когда дело дойдет до столкновения с Саммаэлем на Дойрлонских холмах. Мне нужно время, чтобы разобраться, как обстоят дела в Кайриэне.

«А может, и в Андоре тоже», – мысленно добавил Ранд.

– Намерен ли ты наконец бросить копья в дело? – спросил Бэйл. – Ты отдашь приказание этой ночью?

Ранд кивнул, и Башир громко засмеялся:

– Вот теперь у нас есть славный повод выпить глоток хорошего вина! Если, конечно, оно достаточно охладилось, чтобы кровь мужчины не стала от него густой, как овсяная каша. – Смех перешел в гримасу. – Чтоб мне сгореть, но хотел бы я оказаться там, когда все начнется! Впрочем, Кэймлин нужен Дракону Возрожденному, и сохранить город для него – не такой уж пустяк.

– Ты всегда хочешь быть там, где обнажают мечи, муж мой, – почти нежно проговорила Дейра.

– Пятая часть, – сказал Бэйл. – Ты отдашь нам пятую часть в Иллиане, когда с Саммаэлем будет покончено?

Обычай позволял айильцам взять пятую часть добычи, захваченной ими с помощью оружия. Здесь, в Кэймлине, Ранд отказал им в этом; он не собирался отдавать Илэйн город, разграбленный хотя бы частично.

– Пятая часть – ваша, – сказал Ранд, но думал он в этот момент не о Саммаэле и не об Иллиане.

«Побыстрее привези сюда Илэйн, Мэт». Эта мысль молнией промелькнула у него в голове, заглушая кудахтанье Льюса Тэрина. «Привези ее побыстрее, до того как Андор и Кэймлин взорвутся и обрушатся на мою голову».

Глава 8

Подставная фигура

– Завтрашний день мы должны провести здесь. – Эгвейн осторожно поерзала, устраиваясь в своем складном кресле; иногда оно неожиданно складывалось под ее тяжестью. – Лорд Брин говорит, что армия недалеко уйдет, если ее как следует не кормить, а припасы на исходе. В нашем лагере не хватает всего.

На деревянном столике перед Эгвейн горели две короткие сальные свечи. Столик тоже был складной, такой легче перевозить, но более устойчивый, чем кресло. Кроме свечей, палатку, которая служила рабочим кабинетом, еще освещал свешивающийся с опорного столба масляный фонарь. Тусклый желтый свет дрожал, заставляя бледные тени плясать на залатанных парусиновых стенах. Вся обстановка была весьма далека от великолепия рабочего кабинета Амерлин в Белой Башне, но это не огорчало. По правде говоря, ей и самой не хватало того величия, которое обычно присуще Престолу Амерлин. Эгвейн прекрасно понимала, что накидка с семью полосами у нее на плечах в глазах любого постороннего человека была единственным доказательством того, что она Амерлин. Разве что кто-то сочтет это крайне глупой шуткой. На всем протяжении истории Белой Башни в ней не раз происходили очень странные вещи – Суан рассказывала девушке тайные подробности некоторых из них, – но, несомненно, никогда прежде не случалось ничего столь странного, как то, что случилось с ней.

– Лучше бы остаться здесь на четыре-пять дней, – задумчиво сказала Шириам, изучая пачку бумаг у себя на коленях. Слегка полноватая, с высокими скулами и раскосыми зелеными глазами, в темно-зеленом платье для верховой езды, она ухитрялась выглядеть элегантно и внушительно, даже сидя на шаткой табуретке. Вот будь на ней вместо узкой голубой накидки хранительницы летописей палантин Престола Амерлин, никто не усомнился бы в том, что она носит его по праву. Временами она, казалось, и в самом деле воображала, что накидка с семью полосами покоится на ее плечах. – Или даже больше. Нам не повредит пополнить запасы.

Суан, сидя на другой шаткой табуретке, покачала головой, но Эгвейн в данном случае не нуждалась в советах.

– Один день.

Может, она и всего-навсего простая восемнадцатилетняя девушка, не обладающая величием истинной Амерлин, но глупой ее никто не назвал бы. Слишком многие сестры пользовались любым предлогом, чтобы растянуть привал, – и восседающие тоже, – но с каждым днем,

проведенным на стоянке, станет все труднее заставить их двигаться дальше. Шириам открыла было рот, но Эгвейн перебила ее.

– Один, дочь моя, – твердо сказала она. Что бы Шириам себе ни воображала, Шириам Байанар была хранительницей летописей, а Эгвейн ал'Вир – Амерлин. Если бы только можно было сделать так, чтобы этот факт по-настоящему дошел до Шириам. И до Совета Башни; с ними дело обстояло еще хуже. Эгвейн захотелось огрызнуться или даже швырнуть что-нибудь подвернувшееся под руку, однако по прошествии полутора месяцев в этом новом качестве жизнь уже научила ее умению сохранять спокойное выражение лица и ровный голос даже в тех случаях, когда раздражение было гораздо сильнее, чем сейчас. – Задержись мы тут подольше, и местные жители начнут умирать от голода. Мне бы этого не хотелось, даже чисто с практической точки зрения. У нас возникнут сотни проблем, если мы будем слишком обирать их, даже притом, что мы платим за то, что нам требуется.

– Набеги на овечьи стада, воровство домашней птицы и кражи из фургонов с продовольствием, – пробормотала Суан. Опустив взгляд на свою серую юбку-штаны и будто не замечая никого вокруг, она, казалось, просто размышляла вслух. – Мужчины, стреляющие в наших охранников по ночам, готовые поджечь все, что смогут. Плохо дело. Голодные люди легко становятся отчаянными.

Те же доводы приводил Эгвейн лорд Брин – и почти теми же словами.

Рыжеволосая хранительница летописей бросила на Суан тяжелый взгляд. Многим сестрам временами приходилось нелегко с Суан. Ее лицо, вероятно, знали в лагере все – достаточно молодое, чтобы его обладательница выглядела естественно в одеянии принятой или даже послушницы, если уж на то пошло. Таков побочный эффект усмирения, хотя не многим известно об этом. Суан и шагу не могла ступить без того, чтобы сестры не начинали тарашиться на нее, в прошлом Амерлин, низложенную и отрезанную от саидар, потом Исцеленную и восстановившую по крайней мере некоторую часть своей способности направлять Силу, хотя все считали, что это невозможно. Многие тепло отнеслись к ее возвращению в качестве сестры, как из-за нее самой, так и из-за чуда, которое давало каждой надежду на избавление от того, чего любая Айз Седай боялась хуже смерти. Однако имелось немало – если не больше – и тех, кто без особого энтузиазма отнесся к ее появлению, лишь снисходя до нее и считая ее виновной в том, что они оказались в своем теперешнем положении.

Шириам принадлежала к тем, кто полагал, что Суан следует передавать юной новой Амерлин свои знания касательно протокола и тому подобного, чего, как все были убеждены, Эгвейн терпеть не могла, а в остальном помалкивать, пока не спросят. Теперь Суан была почти ничто по сравнению с прежними временами – она больше не Амерлин и стала значительно слабее в Силе. Такое отношение вовсе не было жестокостью по понятиям Айз Седай. Прошлое прошло; наступило настоящее, и следует принимать его таким, какое оно есть. Всякое другое отношение лишь усугубляет страдания. Вообще говоря, Айз Седай не любили перемен, но уж если они происходили, по большей части вели себя так, будто новое положение вещей было всегда.

– Один день, мать, как скажешь, – наконец вздохнула Шириам, слегка склонив голову.

Не столько в знак покорности, в этом Эгвейн не сомневалась, сколько ради того, чтобы скрыть гримасу упрямства на лице. Эгвейн мирилась с этой гримасой, если ее сопровождало хотя бы молчаливое согласие. Приходилось так поступать – до поры до времени.

Суан тоже наклонила голову – скрывая улыбку. Любая сестра могла быть назначена на любую должность, но иерархия у Айз Седай носила очень жесткий характер, и Суан стояла в этой иерархии на гораздо более низкой ступени, чем Шириам. Так почему бы ей не улыбаться, видя, как ту поставили на место?

Бумаги на коленях Шириам были копиями тех, которые держала в руках Суан, и тех, которые лежали на столе перед Эгвейн. Доклады обо всем, начиная от количества оставав-

шихся в лагере свечей и мешков с бобами и кончая состоянием коней. И те же сведения об армии лорда Брина. Армейский лагерь окружал место привала Айз Седай, между ними оставалось кольцо свободного пространства шириной шагов в двадцать, но лагерь простирался довольно далеко, примерно на милю. Удивительно, но лорд Брин настаивал на разделении точно так же, как и сестры. Айз Седай не хотели, чтобы солдаты бродили среди их палаток – грязные, неграмотные головорезы, нередко и вороватые. Солдаты, казалось, тоже вовсе не жаждали, чтобы Айз Седай бродили среди них, хотя у них хватало ума держать свои соображения на этот счет при себе. Они, конечно, знали, какова цель их похода, – добраться маршем до Тар Валона, свергнуть узурпаторшу с Престола Амерлин и посадить на ее место Эгвейн. И все же очень немногие мужчины чувствовали себя спокойно рядом с Айз Седай. Правда, и женщины тоже не многие.

Как хранительница летописей, Шириам была бы просто счастлива взять все эти второстепенные проблемы на себя. Она постоянно так и говорила, объясняя, насколько они второстепенны, и настаивая на том, что Амерлин вовсе не следует обременять себя каждодневными мелочами. Суан, со своей стороны, утверждала, что хорошая Амерлин обязательно должна уделять внимание мелочам, не пытаясь дублировать работу множества сестер и прислуги, но ежедневно контролируя, все ли они делают правильно. Таким образом Амерлин будет в курсе происходящего и не позволит делу зайти так далеко, что останутся лишь разбитые черепки. Чувствовать, куда ветер дует, вот как Суан называла это. Чтобы добиться такого положения дел, когда все доклады доходили до нее, потребовались недели, и Эгвейн не сомневалась: позволь она им хоть раз пройти мимо и оказаться под контролем Шириам – и неизвестно, сколько понадобится времени, чтобы снова взять все в свои руки. Если это вообще когда-нибудь удастся.

Воцарилось молчание – Айз Седай углубились в чтение следующей бумаги.

Они были не одни. Внезапно заговорила Чеза, устроившаяся в углу на подушках.

– Недостаток света вреден для глаз, – пробормотала она будто себе под нос, показывая на шелковый чулок Эгвейн, который штопала. – Я бы ни за что не стала портить глаза над бумагами, когда так мало света.

Довольно полная, с блестящими глазами и смешинками в них, горничная Эгвейн всегда делала вид, что вовсе не пытается давать советов Амерлин, а просто разговаривает сама с собой. Она вела себя так, будто прослужила у Эгвейн уже двадцать лет, а не меньше двух месяцев и будто была старше ее раза в три, а не вдвое – самое большее. Сейчас, как казалось Эгвейн, Чеза заговорила исключительно ради того, чтобы прервать молчание. В лагере Айз Седай ощущалась напряженность – с тех пор, как сбежал Логайн. Мужчина, способный направлять Силу, он содержался под постоянной охраной и тем не менее сумел ускользнуть, точно дым. Все с раздражением пытались выяснить, как это ему удалось, ломали голову над тем, куда он делся и что собирается предпринять. Эгвейн ничуть не меньше других, а может и больше, хотела бы знать, где сейчас Логайн Аблар.

Положив руки по сторонам от своей пачки бумаг, Шириам сердито взглянула на Чезу. Она никак не могла взять в толк, почему Эгвейн позволяет своей горничной присутствовать на деловых совещаниях и уж тем более болтать всякую чушь. Конечно, ей никогда не приходило в голову, что присутствие Чезы и ее болтовня невпопад, выводившая Шириам из себя, часто оказывались исключительно кстати, помогая Эгвейн отклонить совет, который был ей не по душе, или отложить принятие решений, которые она не хотела принимать. Конечно, Чезе подобные мысли тоже никогда не приходили в голову. Она с виноватой улыбкой вернулась к штопке, время от времени шепча что-то себе под нос.

– Если мы продолжим, мать, – холодно сказала Шириам, – то, может быть, закончим еще до рассвета.

Взглянув на следующую страницу, Эгвейн потеряла виски. Чеза, наверно, права в отношении света. Она почувствовала приближение очередного приступа головной боли. К тому же на этой странице вполне мог оказаться детальный расчет, из которого следовало, что деньги кончатся. В книгах, которые она читала, никогда не упоминалось о том, как много денег требуется на содержание армии. Скрепленные вместе листки оказались записками от двух восседающих, Романды и Лилейн, предлагающих платить солдатам реже, то есть фактически меньше. Вряд ли это на самом деле можно назвать предложением, точно так же как сами Романда и Лилейн вряд ли были просто двумя восседающими в Совете. Практически все остальные восседающие так или иначе шли у них на поводу. Пока единственной восседающей, на которую могла рассчитывать Эгвейн, была Делана, и то не в полной мере. Романда и Лилейн редко бывали в чем-то согласны друг с другом, однако вряд ли они могли предложить что-нибудь хуже этого. Некоторые солдаты присягали, но большинство были обычными наемниками и воевали за деньги и в расчете на возможность пограбить.

– Солдатам нужно платить, как прежде, – пробормотала Эгвейн, скомкав обе записки. Она не собиралась допускать, чтобы ее армия растаяла. Или занялась грабежом.

– Как прикажешь, мать. – Глаза Шириам вспыхнули от удовольствия.

Она, несомненно, понимала все трудности, вытекающие из такого решения, – любой, кто исходил из того, что она не очень умна, глубоко заблуждался, – но у нее был свой пунктик. Если бы Романда и Лилейн сказали, что солнце восходит, то Шириам, вероятнее всего, стала бы утверждать, что оно закатывается. Вначале Шириам обладала в Совете почти таким же влиянием, как Романда и Лилейн сейчас, может даже большим. Пока они не стали действовать сообща. Эти двое отвечали ей взаимностью – отвергали любое предложение Шириам, не дав себе труда хотя бы на мгновение задуматься над ним. Что в общем и целом имело свои положительные стороны.

Заметив, что постукивает пальцами по крышке стола, Эгвейн одернула себя. Деньги следовало найти – как-нибудь, где-нибудь, – но Шириам не должна заметить ее тревогу.

– Эта новая женщина справится, – пробормотала Чеза над своим шитьем. – Тайренки, конечно, всегда задирают нос, но Селейм знает, что требуется от служанки леди. Да и мы с Мери поможем ей быстро освоиться.

Шириам сердито округлила глаза.

Эгвейн мысленно улыбнулась. Эгвейн ал'Вир с тремя служанками, ожидающими ее распоряжений! Это было так же невероятно, как и накидка Амерлин на ее плечах. Но улыбка тут же растаяла. Служанкам тоже нужно платить. Ничтожная сумма, если сравнить ее с жалованьем тридцати тысяч солдат, и Амерлин вряд ли пристало самой стирать свое белье и штопать сорочки, но все это прекрасно могла делать одна Чеза. Так бы и оставалось, будь у Эгвейн выбор. Меньше чем неделю назад Романда решила, что Амерлин нужна еще одна служанка, и нашла Мери среди беженцев, которые теперь ютились в каждой деревне, пока их не прогоняли оттуда. Не считая нужным изощряться, Лилейн тут же из того же самого источника извлекла на свет Селейм. Обеих женщин втиснули в маленькую палатку Чезы еще до того, как Эгвейн узнала об их существовании.

Все это было неправильно в принципе: *три* служанки, когда уже на полпути к Тар Валону не хватало серебра, чтобы платить солдатам, причем служанки, выбранные без ведома и согласия Эгвейн. И к тому же имелась еще одна, пусть даже платить ей не требовалось даже медяка. Так или иначе, все считали, что Мариган тоже служанка Амерлин.

Опустив руку под стол, Эгвейн нащупала висевший у пояса кошель и браслет в нем. Следовало надевать его чаще; она должна это делать. Все так же действуя руками под столом, она вытащила браслет и защелкнула его на запястье. Серебряная застежка становилась неразличима после того, как ее застегивали. Браслет был изготовлен с помощью Единой Силы, и как только под столом раздался еле слышный щелчок, Эгвейн сразу же захотелось сорвать его.

В глубине сознания тут же возник сгусток эмоций – чужих эмоций и неясных мыслей. Не слишком много, можно было даже подумать, что они почудились ей. Однако это не было игрой воображения; все ощущалось слишком реально. Являясь половиной ай'дам, браслет устанавливал связь между Эгвейн и женщиной, которая носила другую половину – серебряный ошейник. Та, на ком он был надет, сама снять его не могла. В некотором смысле ай'дам создавал круг соединения, но без привлечения саидар, причем Эгвейн, как носившая браслет, всегда была в этой паре главной. Сейчас Мариган спала, у нее болели ноги оттого, что пришлось много ходить сегодня и в прошедшие дни, но даже во сне сквозь все остальное заметно просачивался страх. По силе со страхом была сравнима только ненависть, которая тоже хлынула через ай'дам. Нежелание Эгвейн носить браслет объяснялось в большой степени тем, что ей приходилось пропускать через себя весь гнев и весь ужас женщины, которая носила ошейник на другом конце ай'дам. Но отвратительнее всего было то, что Эгвейн знала, кто эта женщина. Эгвейн претила сама мысль о необходимости делить с ней что-либо, пусть даже всего лишь ощущения.

Только три женщины в лагере знали, что в самой гуще Айз Седай скрывается захваченная в плен Могидин. Выплыви это наружу, и Могидин осудят, усмирят и казнят в срочном порядке. Выплыви это наружу, и Эгвейн, скорее всего, тоже достанется, и Суан, и Лиане. Кроме нее, эту тайну знали только они. Самое меньшее, что ей грозило, – это лишиться палантина Амерлин.

«Я прячу одну из Отрекшихся, укрывая ее от правосудия, – мрачно подумала Эгвейн, – и мне еще крупно повезет, если я останусь хотя бы принятой». Она непроизвольно сжала указательный палец правой руки с золотым кольцом Великого Змея на нем.

Однако вряд ли наказание сведется только к этому. Ей всегда внушали, что Престол Амерлин избирают среди самых мудрых сестер, но теперь девушка уже понимала, что дело обстоит гораздо сложнее. Избрание Амерлин происходило в атмосфере такой же жаркой борьбы, как выборы мэра в Двуречье, или даже гораздо большей. В Эмондовом Луге у ее отца практически не было соперников, но она слышала, как накалялись страсти во время выборов в соседних селениях, в Дивен Райд и в Таренском Перевозе. Суан стала Амерлин только потому, что три ее предшественницы умерли, пробыв на этом посту всего несколько лет. Совет решил, что пора выбрать кого-нибудь помоложе. Говорить о возрасте сестры считалось почти такой же грубостью, как ударить ее по лицу, и все же Эгвейн уже догадывалась, как долго живут Айз Седай. Редко сестра становилась восседающей, не проносив шаль по крайней мере семьдесят-восемьдесят лет, а для того чтобы стать Амерлин, требовался гораздо больший срок. Вот почему, когда Совет зашел в тупик, пытаясь выбрать между четырьмя сестрами, ставшими Айз Седай меньше чем пятьдесят лет назад, и Сине Херимон из Белой Айя предложила женщину, которая носила шаль *всего* десять лет, – что могло привести к не менее изнурительному и безнадежному обсуждению вопроса о пригодности Суан заниматься административными делами, – вот тогда, устав переливать из пустого в порожнее, восседающие поддержали в конце концов кандидатуру Суан.

А Эгвейн ал'Вир, которой в глазах многих все еще следовало быть послушницей? Легко управляемая подставная фигура, в сущности еще девочка, волею судьбы выросшая в той же деревне, что и Ранд ал'Тор. Последнее обстоятельство определенно сыграло немаловажную роль, когда принималось окончательное решение. Нет, скорее всего, они даже не станут отбирать у Эгвейн палантин, если выплывет наружу история с Могидин, просто она утратит даже те крохи влияния, которых ей удалось добиться. Романда, Лилейн и Шириам в этом случае передерутся между собой за право заставлять ее плясать под свою дудку.

– Очень похоже на браслет, который я видела у Илэйн. – Бумаги на коленях Шириам зашуршали, когда она наклонилась вперед, стараясь получше рассмотреть браслет. – И у Найнив. Они носили его по очереди, если я не ошибаюсь.

Эгвейн вздрогнула. Следовало быть осторожнее.

– Это он и есть. Перед отъездом они подарили мне его на память. – Покручивая серебряный браслет вокруг запястья, она почувствовала укол совести, и на этот раз ощущение было ее собственным. Браслет состоял из сегментов, подогнанных так искусно, что почти невозможно было различить, где кончается один и начинается другой. Эгвейн почти не вспоминала о Найнив и Илэйн с тех пор, как они отправились в Эбу Дар. Может, следовало вызвать их обратно? Похоже, их поиски проходят не слишком успешно, хотя обе отрицают это. И все же то, за чем они туда отправились, так важно...

Шириам нахмурилась, из-за браслета или нет – неизвестно. Однако Эгвейн никак не могла допустить, чтобы Шириам слишком задумывалась по этому поводу. Если она к тому же заметит, что ошейник на шее Мариган под стать браслету, в ее умной голове наверняка зашевелиятся очень неприятные вопросы.

Поднявшись, Эгвейн расправила юбки и обошла вокруг стола. Сегодня Суан кое о чем рассказала ей. Самое время показать свою осведомленность. Не только у Эгвейн есть секреты. Брови Шириам удивленно поползли вверх, когда Эгвейн остановилась перед ней настолько близко, что лишила ее возможности подняться.

– Дочь моя, мне стало известно, что спустя несколько дней после того, как Суан и Лиане прибыли в Салидар, десять сестер покинули его. Среди них было по две сестры от каждой Айя, за исключением Голубой. Куда они отправились и зачем?

Глаза Шириам превратились в узкие щелочки, но для нее надеть на лицо маску безмятежности – все равно что натянуть платье.

– Мать, я вряд ли могу упомянуть каждую...

– Не пляши вокруг да около, Шириам. – Эгвейн придвинулась еще ближе, так что их колени почти соприкасались. – Не стоит лгать по пустякам. Я хочу знать правду.

Шириам наморщила лоб:

– Мать, даже если мне известен ответ на этот вопрос, вряд ли тебе стоит беспокоиться из-за всякой ерунды...

– Правду, Шириам. Всю правду. Ты ведь не захочешь, наверно, чтобы я перед всем Советом принялась выяснять, почему не могу добиться правды от своей хранильницы летописей? Я все равно узнаю ее, дочь моя, так или иначе. Узнаю!

Шириам повернула голову, точно надеясь обнаружить способ сбежать. Ее взгляд упал на Чезу, сгорбившуюся над своим шитьем, и она облегченно вздохнула:

– Мать, завтра, когда мы будем одни, я все объясню к полному твоему удовлетворению. Сначала мне нужно переговорить кое с кем из сестер. – Что означало получить возможность все обсудить с остальными и решить, какую именно часть правды Шириам сообщит Амерлин.

– Чеза, – сказала Эгвейн, – подожди снаружи, пожалуйста.

Несмотря на то что Чеза, казалось, была полностью поглощена работой и больше ни на что не обращала внимания, она тут же вскочила и едва ли не выбежала из палатки. Когда между Айз Седай возникали разногласия, всякий, у кого была хоть капелька здравого смысла, радовался возможности убраться подальше.

– Сейчас, дочь моя, – сказала Эгвейн. – Правду. Все, что ты знаешь. Можешь ничего не скрывать, – добавила она, когда Шириам бросила взгляд на Суан.

Некоторое время Шириам делала вид, что расправляет юбки, хотя на самом деле просто перебирала складки, избегая взгляда Эгвейн и, без сомнения, все еще ломая голову над тем, как увильнуть от ответа. Но она попала в ловушку Трех Клятв. Шириам не могла сказать ни слова неправды, и что бы она ни думала об истинном положении Эгвейн, она, сама того не заметив, уже прошла долгий путь от полного отрицания ее власти к тому, чтобы по крайней мере считаться с ней. Даже Романда соблюдала должную учтивость, а если временами и отступала от нее, то лишь на волосок.

Глубоко вздохнув, Шириам сложила руки на коленях и, уставившись в грудь Эгвейн, наконец заговорила, сухо излагая одни факты:

– Когда нам стало известно, что Красная Айя ответственна за провозглашение Логайна Лжедраконом, мы пришли к выводу, что это надо как-то использовать. – (Под «мы», несомненно, подразумевался узкий кружок сестер, группировавшихся вокруг Шириам. Карлиния, Беонин и остальные обладали таким же реальным влиянием, как большинство восседающих, хотя и не имели мест в Совете.) – Элайда потребовала, чтобы все сестры вернулись в Башню, вот мы и выбрали десять сестер, которые должны были вернуться – для вида. Просто потому, что это был самый быстрый способ добиться желаемого. Все они наверняка уже давно там. Они должны были без лишнего шума постараться сделать так, чтобы все сестры в Башне узнали правду о том, как Красные обошлись с Логайном. Даже... – Она на мгновение заколебалась, но все же быстро закончила: – Даже Совет не знает о них.

Эгвейн шагнула в сторону, снова потирая виски. Без лишнего шума сделать так... В надежде, что в результате Элайда окажется смещена. Не такой уж плохой план, в самом деле; он мог бы даже сработать. Если повезет. Однако на это могли потребоваться годы. И к тому же для большинства сестер в Башне дело обстояло так, что чем дольше они могли не предпринимать вообще никаких шагов, тем лучше. По прошествии достаточного времени они наверняка смогли бы убедить себя и весь мир даже в том, что в Белой Башне никогда не возникало раскола. Ведь похожее уже происходило прежде, и не раз, хотя знали об этом очень немногие. Со временем им, наверно, удалось бы вообще замять дело и «забыть» о нем – будто ничего и не было.

– Зачем нужно было скрывать все это от Совета, Шириам? Ты же не думаешь, что кто-то из них может выдать ваш план Элайде? – На самом деле почти все сестры косились друг на друга, опасаясь, что среди них есть сторонницы Элайды. Отчасти дело наверняка было именно в этом.

– Мать, окажись среди восседающих хотя бы одна сестра, не согласная с нашим планом, вряд ли она сочла бы для себя возможным оставаться восседающей и наверняка покинула бы Совет. К чему нам лишние сложности? – Шириам не то чтобы успокоилась, но в ее голосе появились терпеливые поучающие нотки, которые, как ей казалось, должны произвести впечатление на Эгвейн. Хотя обычно она была более находчива, если хотела сменить тему разговора. – Подозрительность – худшее, с чем мы сейчас сталкиваемся. Никто на самом деле никому не доверяет. Если бы мы могли узнать, как...

– Черная Айя, – негромко перебила ее Суан. – Вот что леденит твою кровь, точно тебе под юбку засунули шуку-серебрянку. Кто может с уверенностью сказать, есть среди нас Черные или нет? И кто может сказать, на что способна Черная сестра?

Шириам бросила на Суан еще один тяжелый взгляд, но спустя мгновение силы, казалось, оставили ее. Точнее, она была все еще напряжена, но что-то в ней изменилось. Взглянув на Эгвейн, она с явной неохотой кивнула. Судя по тому, в какую кислую гримасу сложились ее губы, Шириам и на этот раз попыталась бы увильнуть от ответа, если бы не настойчивость Эгвейн. Теперь уже большинство сестер в лагере верили в существование Черной Айя, но после более чем трех тысяч лет отрицания этого факта сама мысль о Черной Айя у всех вызывала тошноту. Даже уверившись в этом, почти все сестры старались в разговорах обходить болезненную тему.

– Вопрос в том, мать, – продолжала Суан, – что произойдет, когда Совет узнает правду. – Она, казалось, по-прежнему просто размышляла вслух. – Не думаю, чтобы хоть одна восседающая приняла в качестве оправдания то соображение, что ее не поставили в известность, так как она могла оказаться сторонницей Элайды. Или тем более принадлежать к Черной Айя... Да, полагаю, они будут очень недовольны.

Лицо Шириам слегка побледнело. Удивительно, что оно не стало мертвенно-бледным. Недовольны – это еще очень мягко сказано. Да если все выплывет наружу, Шириам столкнется с чем-то *гораздо* большим, чем недовольство.

Сейчас было самое время развить достигнутое преимущество, но Эгвейн пришел на ум еще один вопрос. Если Шириам и ее подруги отправили в Башню... кого? Не шпионов, нет. Может, хорьков, из тех, которых запускают в дом, где водятся крысы? Если Шириам отправила этих своих хорьков в Белую Башню, может?..

Внезапная резкая боль, возникшая в дальнем уголке сознания, заставила Эгвейн забыть обо всем остальном. Хорошо, что это было не ее собственное ощущение, а лишь отблеск чужого, иначе бы она, наверно, просто оцепенела. Но даже сейчас она вытаращила глаза от шока. Мужчина, который мог направлять Силу, прикоснулся к ошейнику на шее Могидин; никаким другим образом ни один человек вмешаться в эту связь между ними не мог. Эгвейн почувствовала боль Могидин и еще что-то... непонятное. Надежда. А потом все исчезло – и то отражение чужого сознания, и чужие эмоции. Ошейник сняли.

– Я... Мне нужно на свежий воздух, – еле слышно выдавила из себя Эгвейн. Шириам начала подниматься, и Суан тоже, но Эгвейн взмахом руки заставила их остаться на местах. – Нет, я хочу побыть одна, – торопливо добавила она. – Суан, выясни все, что Шириам известно о хорьках... О Свет, то есть о тех десяти сестрах. – Обе уставились на нее, но, благодарение Свету, ни одна не последовала за ней, когда Эгвейн сорвала с крюка фонарь и торопливо выскочила наружу.

Негоже Амерлин бегать, и все же она шла очень быстро, почти бежала, подобрав свободной рукой юбку-штаны. С безоблачного неба лился яркий лунный свет, палатки и повозки были усыпаны серебряными пятнами, резко выделяющимися на фоне густых теней. Большинство людей в лагере уже спали, но тут и там еще мелькали огни потухающих костров. Неподалеку стояли несколько Стражей, болтая со слугами. Слишком много глаз заметили бы, если бы она и в самом деле побежала. Меньше всего ей хотелось, чтобы кто-то предложил ей помощь. Эгвейн почувствовала, что задыхается, но не столько от ходьбы, сколько от тревоги.

Просунув в крошечную палатку Мариган голову и фонарь, Эгвейн обнаружила, что там пусто. Одежда, которые заменяли тюфяк, были раскиданы, торопливо отброшенные кем-то.

«А если бы она еще была здесь? – в ужасе подумала Эгвейн. – Со снятым ошейником и с тем, кто ее освободил?» Вздвигнув, она медленно выбралась из палатки. У Могидин было много причин не любить ее, причем очень личных, а единственная сестра, способная в одиночку справиться с Отрекшейся – в случае, если она вообще сумела бы обратиться к Истинному Источнику, – находилась в Эбу Дар. Могидин могла убить Эгвейн, и никто не заметил бы этого. Даже если бы какая-то сестра почувствовала, что рядом направляют Силу, это никого бы не удивило. Но хуже того, Могидин могла и не убивать Эгвейн. И никто бы ничего не узнал, пока не выяснилось бы, что обе они исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.